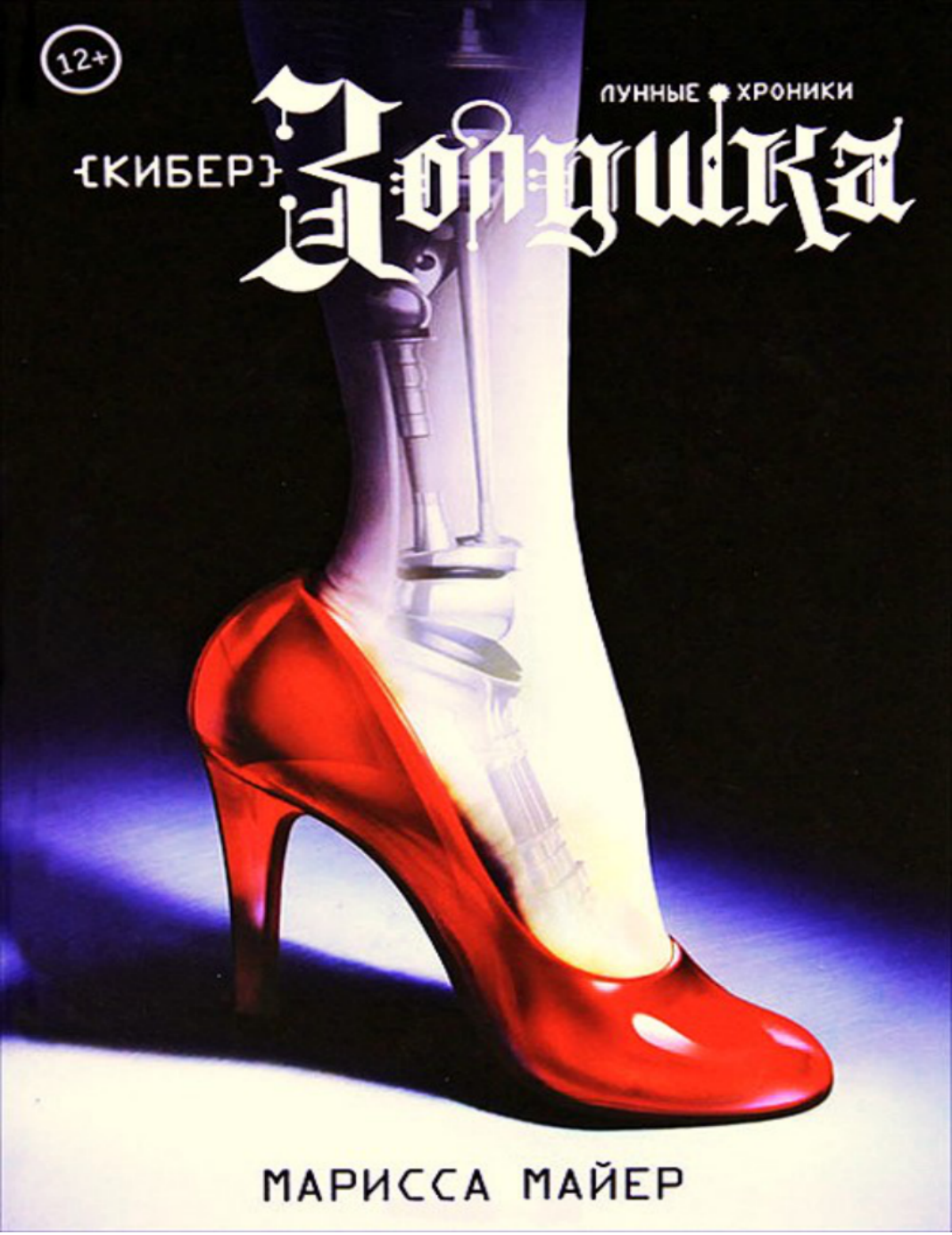
12+

ЛУННЫЕ ХРОНИКИ

{КИБЕР} Золушка



МАРИССА МАЙЕР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Целые дни 16-летняя Зола проводит на рынке, чиня чужие портскрины и андроиды. Она лучший механик Нового Пекина, чья слава достигла королевского дворца. Но немногие знают, что она киборг. Давным-давно, после несчастного случая с хувером, маленькой Золе спасли жизнь, вмонтировав металлический позвоночник, руку, ногу и электронную нервную систему. Теперь, едва узнав об этом, ее сторонятся люди, а мачеха с двумя дочками без конца упрекает за никчемность. Но однажды к ней на рынок приходит прекрасный принц Кай, который просит починить его старенького андроида, и для Золы начинается другая жизнь.

- Марисса Майер
  - Книга первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
  - Книга вторая
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
    - Глава 20
  - Книга третья
    - Глава 21
    - Глава 22
    - Глава 23
    - Глава 24
    - Глава 25

- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29

- Книга четвертая
  - Глава 30
  - Глава 31
  - Глава 32
  - Глава 33
  - Глава 34
  - Глава 35
  - Глава 36
  - Глава 37
  - Глава 38
- Благодарности

Марисса Майер
КиберЗолушка

Моей бабушке, Сомали Джонс, с любовью — большей, чем сможет поместиться на этих страницах

Книга первая

Отобрали они у нее красивые платья, надели на нее старую посконную рубаху и дали ей деревянные башмаки.

Глава 1

Винт в лодыжке Золы заржавел, ржавчиной покрылись крестообразные отметки, выгравированные по кругу. Ее суставы болели от напряжения, когда она с силой вдавливала отвертку в шляпку винта и вращала со скрипом, поворот за поворотом ослабляя крепление. К тому времени, когда винт начал вращаться в отверстии достаточно свободно, чтобы она могла вынуть его без помощи инструментов, стальной рукой-протезом, резьба на винте была сточена напрочь.

Швырнув отвертку на стол, Зола схватилась за пятку и рывком выдернула стопу из гнезда. С кончиков пальцев посыпались искры — и вот уже стопа свободно болталась на красных и желтых проводах, пучком свисающих из лодыжки.

Зола откинулась назад со стоном облегчения. Ощущение освобождения пронизывало ее до кончиков проводов. Четвертый год она носила эту стопу, слишком маленькую для ее тела, и в который раз клялась себе, что больше ни за что не наденет этот кусок металла. Оставалось только надеяться, что Ико со сменой скоро будет.

Зола была единственным механиком на еженедельной ярмарке в Новом Пекине. Над ее палаткой не было вывески, и о роде товаров сообщали только стоящие вдоль стен стеллажи, на которых сгрудились запасные части для андроидов. Палатка была втиснута между павильоном торговца подержанными нетскринами и ларьком торговца шелком. Они часто жаловались на запах металла и смазки, якобы исходящий от Золы, хотя его обычно перебивал аромат медовых булочек из пекарни на той стороне площади. Зола знала: на самом деле им просто неприятно находиться рядом с ней.

От базарной толчеи Зола была отгорожена цветной занавеской. По ту сторону была площадь, заполненная покупателями и разносчиками, детьми и шумом. Слышались крики мужчин, которые пытались торговаться с продавцами-роботами и уболтать компьютерную программу сбавить цену. Доносился гул ID-сканеров и монотонные механические голоса, сообщавшие о перемещениях денег с одного счета на другой. Не смолкала болтовня с экранов, которые сплошь покрывали стены и транслировали рекламу, новости и сплетни.

Слуховой анализатор Золы привычно воспринимал эти звуки как один сплошной поток, но сегодня над общим шумом плыл какой-то мотив.

— Пепел, прах, мы все умрем!

Перед входом в павильон Золы собрались дети — они встали в круг и распевали эту песенку, пока не рухнули прямо на мостовую в припадке истерического смеха.

Губы Золы тронула улыбка. Дело было не в детской неумелой рифме и уж точно не в теме смерти, снова завоевавшей популярность в прошлом десятилетии. Сама песня вызывала чувство брезгливости. Ей нравилось ловить возмущенные взгляды прохожих. Необходимость лавировать, чтобы не наступить на детей, которые все еще корчились от смеха прямо на земле, приводила всех в бешенство — и за это Зола просто обожала детей.

— Сунто! Сунто!

Радость Золы угасла. Она заметила Чан Сачу, булочницу, которая продиралась сквозь толпу в покрытом мукой фартуке.

— Сунто, вернись немедленно! Я тебе что сказала, не играть рядом с этой…

Сача поймала взгляд Золы, сжала губы, схватила своего сына за руку и пошла прочь, таща его за собой. Мальчик возмущенно извивался и дрыгал ногами — мать запретила ему далеко отходить от их ларька. Остальные дети исчезли в толпе — вместе с ними исчез и их чудесный смех.

— Провода — это не заразно, — пробормотала Зола, одна в пустом павильоне.

Она выгнула спину до хруста в позвоночнике и запустила грязные пальцы в волосы, собрав их в не слишком аккуратный хвост. Потом взяла почерневшие рабочие перчатки. Сначала она надела перчатку на свою стальную руку — и, хотя правая ладонь немедленно начала потеть в плотной ткани, Зола чувствовала себя куда уверенней в перчатках, когда никто не видел стальной обшивки ее левой руки. Она широко развела пальцы, разгоняя судорогу — большой палец свело, так сильно она сжимала отвертку — и снова выглянула на городскую площадь. Зола заметила множество коренастых белых андроидов — но Ико среди них не было.

Со вздохом Зола склонилась над рабочим столом. Порывшись в куче винтов и отверток, она нашла то, что искала, — щипцы, которые невесть сколько пролежали под грудой инструментов. Один за другим она отсоединяла провода, которые все еще соединяли со стопой ее лодыжку; когда она их отключала, с каждого проводка срывались крошечные искры. Сквозь перчатки Зола их не чувствовала, но на датчиках, встроенных в сетчатку, мигал красный текст, предупреждая, что прерывается связь с конечностью.

Когда она выдернула последний проводок, стопа со стуком

упала на бетонный пол.

Разницу она почувствовала сразу же. Впервые в жизни Зола ощущала себя невесомой.

Она расчистила место на столе и положила стопу туда, как на алтарь, среди ключей и гаек, села на корточки, дотянулась до лодыжки, до оголившегося сустава — и принялась счищать старой тряпкой въевшуюся грязь.

БУМ.

Зола дернулась и ударилась головой о нижнюю поверхность столешницы. Она вылезла из-под стола, и ее мрачный взгляд остановился сначала на безжизненном андроиде, который сидел на ее рабочем столе, и только потом она заметила стоявшего за ним человека. Ее встретил оторопелый взгляд карих глаз — а еще она увидела, что у посетителя черные волосы, заправленные за уши, и губы, мечтам о которых тысячу раз предавалась каждая девчонка в стране.

Злость из ее взгляда улетучилась.

И вид у посетителя был уже не удивленный, а извиняющийся.

— Простите, — сказал он, — я не понял, что тут кто-то есть.

В голове у Золы не осталось мыслей, а сердце забилось чаще, пока зрительные анализаторы обрабатывали информацию о госте, чьи черты давно были ей знакомы — годами она видела его на всех экранах страны. В жизни он казался выше, а его серая рубашка с капюшоном не имела ничего общего с теми нарядами, в которых он обычно появлялся на экране, но встроенному сканеру Золы хватило двух целых шести десятых секунды, чтобы произвести замеры и сличить его образ с изображением, хранившемся в сети. В следующую секунду дисплей сообщил ей то, что она и так уже знала, — теперь эта же информация возникла зеленой бегущей строкой в нижней части поля зрения:

ПРИНЦ КАЙТО, НАСЛЕДНЫЙ ПРИНЦ ВОСТОЧНОГО СОДРУЖЕСТВА

ID 0062714057

РОДИЛСЯ 7 АПРЕПЯ 108 Г. Т.Э.

FF 88, 987 МЕДИА ХИТЫ, ОБРАТНАЯ ХРОНОЛОГИЯ

ИЗДАНО 14 АВГУСТА 126 Г. Т.Э.: 15 АВГУСТА СОСТОИТСЯ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ, В КОТОРОЙ ПРИМЕТ УЧАСТИЕ ПРИНЦ КАЙ И В ХОДЕ КОТОРОЙ БУДУТ ОБСУЖДАТЬСЯ ТЕКУЩИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕТУМОЗИСА И ВОЗМОЖНЫЕ ВЫХОДЫ ИЗ…

Зола вскочила с места, забыв об отсутствующей конечности, — и чуть не упала. Она вернула себе равновесие, упершись обеими руками в край стола, и неловко поклонилась. Зеленый текст пропал из поля зрения.

— Ваше высочество, — невнятно пробормотала она с

опущенной головой, радуясь, что за скатертью не видно ее отсутствующей ступни.

Принц вздрогнул и бросил быстрый взгляд через плечо, прежде чем наклониться к ней.

— Может быть, — он приложил палец к губам, — тсс насчет высочеств?

Зола глядела на него во все глаза. Она заставила себя кивнуть — кивок получился какой-то нервный:

— Да. Конечно. Как мне… как я могу вам…

Она сглотнула. Слова прилипали к языку, как бобовая паста.

— Мне нужен Линь Зола. Он здесь?

Зола решилась оторвать одну руку от стола и натянуть повыше край перчатки. Она уставилась принцу куда-то на подбородок и промямлила:

— Я… я — Линь Зола.

Она проследила взглядом за его рукой — он положил ладонь на голову андроиду.

— Вы Линь Зола?

— Да, ваше высо… — Она прикусила губу.

— Механик?

Она кивнула:

— Чем могу быть полезна?

Вместо ответа принц наклонился, вытянув шею, так что у нее не было иного выхода, кроме как посмотреть ему в глаза. Он улыбнулся ей. Ее сердце подпрыгнуло в груди.

Принц выпрямился, теперь Зола смотрела прямо на него.

— Я представлял вас несколько иначе.

— Да и я вас… в смысле… ммм. — Не в силах выдержать его взгляд, она переключила внимание на андроида и перетянула его на свою сторону стола. — Что с ним, ваше высочество?

Андроид выглядел так, как будто только что сошел с конвейера, но по слишком женственным очертаниям тела Зола могла сразу определить, что это устаревшая модель. Элегантный дизайн — круглая голова на грушевидном обтекаемом теле, глянцевая белая отделка.

— Не могу ее включить, — сказал принц Кай, наблюдая за Золой, изучавшей робота. — Вчера все было нормально, а сегодня не включается.

Зола перевернула андроида, так что теперь его датчик был обращен к принцу. Она радовалась, что может занять руки привычным делом и рот — привычными вопросами. Так, по крайней мере, ей было на чем сконцентрироваться, а значит, от волнения связь мозга с сетью не выйдет из-под контроля.

— С ней раньше были проблемы?

— Нет. Ее каждый месяц проверяют придворные механики, и раньше никаких проблем не возникало. Это впервые.

Наклонившись вперед, принц взял со стола маленькую металлическую стопу Золы и принялся заинтересованно разглядывать ее, поворачивая так и сяк в ладонях. Зола напряглась, увидев, как он заглядывает в суставы пальцев, внутри которых виднелись провода. Длинным рукавом он стер со стопы копоть.

— Вам не жарко? — спросила Зола и тут же пожалела об этом — теперь внимание принца переключилось на нее.

На долю секунды он, казалось, смутился:

— Погибаю от жары. Но я стараюсь сохранить инкогнито.

Зола уже собиралась сказать ему, что это не работает, но передумала. Отсутствие толпы визжащих девчонок вокруг ее павильона говорило о том, что это работает куда лучше, чем ей кажется. Вместо того чтобы выглядеть, как сердцеед голубых кровей, он просто выглядел, как сумасшедший.

Зола прочистила горло и снова сконцентрировалась на андроиде. Отыскала практически невидимый зазор и открыла спинную панель.

— Почему вы обратились ко мне, а не к придворным механикам?

— Я обращался, но они не смогли понять, в чем дело. И кто-то предложил отнести ее к вам. — Он положил стопу на стол и обернулся к стеллажам, заполненным старыми поломанными деталями — деталями андроидов, хуверов и нетскринов. Деталями для киборгов. — Говорят, вы лучший механик в Новом Пекине. Я ожидал увидеть пожилого человека.

— Так говорят? — тихо переспросила она.

Он был не первым, кто удивлялся. Большинство посетителей не могли взять в толк, как это девчонка-подросток может быть лучшим механиком во всем городе, а она никогда не говорила об источнике своего таланта. Чем меньше народу знает, что она киборг, тем лучше. Она была уверена, что просто свихнется, если у всех продавцов она будет вызывать такое же презрение и отвращение, как у Чан Сачи.

Мизинцем она раздвинула провода в спине андроида.

— Иногда они просто выходят из строя от старости. Может быть, пора перейти на новую модель?

— Боюсь, я не могу этого сделать. Она содержит сверхсекретную информацию. Это вопрос национальной безопасности — я должен восстановить ее и изъять… прежде, чем это сделает кто-то еще.

Пальцы Золы замерли. Она подняла глаза на принца.

— Шучу, шучу. Просто Наинси — мой первый андроид. Все дело в сентиментальности.

Сбоку в области обзора вспыхнул маленький оранжевый огонек. Это значило, что она что-то заметила, хотя и не знала, что именно: лишнее движение кадыка, слишком частое моргание, выдвинутый подбородок.

Она привыкла к маленькому оранжевому огоньку.

Он означал, что кто-то лжет.

— Национальная безопасность, — повторила она. — Забавно.

Принц тряхнул головой, словно бросая ей вызов: давай, возрази! Прядь темных волос упала ему на глаза. Зола смотрела в сторону.

— Модель Наставник восемь-шесть. — В тусклом свете она трудом разбирала мелкий шрифт внутри пластмассового черепа. Андроиду было почти двадцать лет. Изрядный возраст. — Сохранилась в первозданном виде. — И Зола с силой ударила андроида в висок, едва успев поймать прежде, чем он свалится и ударится головой об стол. Принц подскочил.

Зола снова усадила андроида на стол и нажала кнопку «Питание». Ничего не произошло.

— Вы удивитесь, если узнаете, как часто это срабатывает.

Принц только сдавленно хихикнул в ответ.

— А вы точно уверены, что вы действительно Зола Линь?.. Механик?

— Зола! Зола, получилось, я ее достала! — Ико вынырнула из толпы и направилась прямо к рабочему столу; ее голубой датчик мигал. Она подняла механическую руку и со стуком швырнула на стол совершенно новую, покрытую сталью стопу. Стопа осталась лежать в тени андроида. — Это невероятное усовершенствование! Никакого сравнения со старой моделью! Была в употреблении совсем недолго, и провода, похоже, совместимы. К тому же мне удалось выторговать ее всего за шестьсот юнивов.

Золу молнией прошила паника. Все еще балансируя на человеческой ноге, она схватила стопу со стола, спрятала за спину и уронила.

— Хорошая работа, Ико. Нгуен-сифу будет рад заполучить такую запчасть для своего эскорт-дроида.

Датчик Ико потускнел:

— Нгуен-сифу? Не понимаю.

Улыбаясь сквозь стиснутые зубы, Зола жестом указала на принца:

— Ико, вырази свое почтение нашему гостю. — Она понизила голос: — Его императорское высочество.

Ико вытянула шею, направляя свой круглый голубой датчик

на принца, который возвышался над ней на три фута с лишним. Датчик вспыхнул ярко-голубым, распознав его.

— Принц Кай! — запищала Ико металлическим голосом. — В жизни вы еще красивее!

Принц засмеялся, но у Золы все равно скрутило живот от смущения.

— Довольно, Ико, спасибо. Зайди внутрь.

Ико повиновалась, отвела в сторону штору, вкатилась в павильон и скрылась под столом.

Принц облокотился о дверной косяк у входа.

— Не каждый день встретишь такую личность! — произнес он так, как будто каждый день приносил андроидов на рынок. — Вы сами ее запрограммировали?

— Хотите верьте, хотите нет, но она такая и была. Подозреваю, там какая-то ошибка программы, потому она и досталась моей мачехе по дешевке.

— Нет ошибки программы! — пропищала Ико у нее за спиной.

Зола снова поймала взгляд принца; еще один смешок — и она вновь спряталась за андроидом от его обладателя.

— Так что вы скажете?

— Придется провести диагностику. Это займет несколько дней, возможно, неделю. Заправляя за ухо прядь волос, Зола села, благодарная за возможность дать отдых своей ноге, и принялась изучать на ощупь механические внутренности андроида. Она понимала, что, вероятно, нарушает какое-нибудь правило этикета, но было не похоже, чтобы принц возражал — он склонился над ней, наблюдая за движениями ее рук.

— Вам потребуется оплата вперед?

Принц протянул ей левое запястье со своим ID-чипом, но Зола отрицательно махнула рукой в перчатке:

— Нет, благодарю. Работать с вами будет честью для меня.

Принц, казалось, собирался возразить, но передумал и уронил руку.

— Похоже, нет никаких шансов, что она будет готова до фестиваля?

Зола закрыла сенсорную панель андроида.

— Я не думаю, что возникнут какие-то проблемы. Но пока я не провела диагностику и не знаю, что именно с ней не так…

— Понимаю, понимаю. Просто мысли вслух.

— Как мне связаться с вами, когда она будет готова?

— Пошлите сообщение во дворец. Или, возможно, вы будете здесь в следующие выходные? Я мог бы зайти.

— О да! — сказала Ико откуда-то из глубины павильона. —

Мы здесь, не пропускаем ни одного ярмарочного дня! Приходите снова. Это будет так мило.

Зола поежилась от неловкости:

— Вам вовсе не обязательно…

— С удовольствием. — Он склонил голову в знак прощания, одновременно накидывая капюшон и опуская его пониже на лицо. Зола кивнула в ответ, зная, что должна встать и поклониться, но не рискуя вновь подвергать проверке свою способность удерживать равновесие. Она дождалась, пока тень принца исчезнет с рабочего стола, и лишь тогда решилась бросить взгляд на площадь. Присутствие принца в пестрой толпе, казалось, осталось незамеченным. Зола наконец позволила своим мышцам расслабиться. Ико катилась к ней, колотя себя в металлическую грудь:

— Принц Кай! Кто-нибудь, проверьте мой вентилятор, а то я, кажется, сейчас перегреюсь!

Зола наклонилась, подобрала свою новую стопу и обтерла ее о рабочие штаны. Проверила покрытие, радуясь, что не повредила его, когда роняла.

— Представляешь, какое лицо будет у Пионы, когда она об этом услышит? — сказала Ико.

— Представляю, сколько будет визга и на каких высоких нотах, — сказала Зола. Она успела бросить еще один взгляд на толпу, прежде чем на нее накатил первый приступ головокружения. Она не могла дождаться того момента, когда скажет Пионе. Принц собственной персоной! Она коротко рассмеялась. Это было невероятно. Это было…

— О, нет!

Улыбка Золы потухла.

— Что такое?

Ико указывала на лоб Золы механическим пальцем:

— У тебя тут машинное масло!

— Шутишь! — Зола отступила на шаг и отерла лоб.

— Уверена, он ничего не заметил.

— Какая разница? — Зола уронила руку. — Лучше помоги мне надеть это, пока сюда не заглянуло еще какое-нибудь высочество. — И она закинула ногу на ногу, так что механическая лодыжка оказалась на колене, и принялась соединять проводки, ориентируясь по цвету и гадая, заподозрил принц что-нибудь или нет.

— Идеально сидит, да? — спросила Ико, которая держала пригоршню шурупов, пока Зола брала их по одному и вкручивала в отверстия.

— Неплохо, — отозвалась Зола, — только надеюсь, Адри

ничего не заметит, а то она убьет меня, если узнает, что я потратила шестьсот юнивов на какую-то стопу.

Зола вкрутила последний винт и вытянула ногу, вращая стопой, двигая ею вверх и вниз, шевеля пальцами ноги. Суставы были еще не разработаны, и нервным окончаниям требовалось несколько дней, чтобы синхронизировать работу с новой частью механизма, но, по крайней мере, она больше не будет ковылять, как чучело.

— Она безупречна, — сказала Зола, надевая ботинок. Она увидела, что Ико щипцами держит ее прежнюю стопу. — Можешь выбросить этот кусок металлолома, он…

Уши Золы наполнил крик. Она передернулась. Звук электроразрядом прошел по ее аудиоинтерфейсу и заставил Золу обернуться к его источнику. Рынок безмолвствовал. Дети, которые как раз играли в прятки среди прилепившихся друг к другу павильонов и ларьков, выглянули из своих убежищ.

Вопль несся из палатки Чан Сачи, булочницы. Озадаченная, Зола взобралась на стул и глянула поверх толпы через площадь. За стеклянной витриной со сладкими булочками и пирожками со свининой Чан Сача таращилась на свои вытянутые руки и отчаянно, не переставая, кричала.

Зола закрыла нос ладонью в тот самый момент, когда понимание волной прокатилось по толпе.

— Чума! — взвизгнул кто-то. — У нее чума!

Улицу наполнила паника. Матери хватали своих детей и зажимали им ладонями носы, отчаянно продираясь сквозь толпу прочь от булочной. Продавцы с грохотом опускали жалюзи дверей.

Сунто завопил и бросился к матери, но она выставила руки ему навстречу — нет, нет, назад! Сосед-продавец подхватил мальчика под мышку и побежал прочь — Сача крикнула что-то им вслед, но слова потонули в реве толпы.

У Золы скрутило живот. Они не могут бежать — или Ико просто растопчут в этой неразберихе. Стараясь дышать ровно, она дотянулась до шнура в углу павильона и потянула — металлическая дверь поехала вниз. Они оказались в темноте, не считая полоски света, пробивавшейся из-под двери. От бетонного пола поднимался жар. В тесном павильоне становилось труднее дышать.

— Зола? — позвала Ико, в ее искусственном голосе слышалась тревога. Она сделала свой датчик ярче, залив павильон голубоватым светом.

— Не беспокойся, — откликнулась Зола, спрыгивая со стула и стаскивая со стола тряпку, заляпанную маслом. Крики теперь

доносились издалека — казалось, павильон превратился в отдельный замкнутый мирок. — Она повсюду на площади. А здесь мы в безопасности. — Но сама Зола все равно скользнула к дальней стене, сплошь увешанной стеллажами, сжалась в комочек и закрыла тряпкой рот и нос.

Так они и ждали — Зола старалась дышать настолько неглубоко, насколько могла, до тех пор пока они не услышали сирены хувера чрезвычайного реагирования, который явился за Сачей и увез ее прочь.

Глава 2

Сирены еще не успели смолкнуть в отдалении, когда рыночную площадь вновь наполнили гул и рев двигателя. Тишину раскололи звуки шагов по мостовой, затем резкие выкрики — кто-то отдавал команды. И кто-то гортанным голосом отвечал.

Зола перекинула сумку — с такими еще ходят почтальоны — через плечо и поползла по пыльному бетонному полу павильона, под скатертью, свисающей с ее рабочего стола. Просунула пальцы в просвет между полом и дверными жалюзи и медленно приоткрыла. Прижавшись щекой к теплому, засыпанному песком полу, она смогла разглядеть три пары желтых ботинок на площади. Бригада чрезвычайного реагирования. Она приоткрыла дверь еще чуть-чуть и стала наблюдать, как мужчины — все они были в противогазах — заходят в булочную и поливают стены и пол какой-то жидкостью из желтой канистры. Хотя они были на другом краю площади, Зола сморщила нос от вони.

— Что происходит? — спросила Ико сзади.

— Они собираются сжечь палатку Чан-цзе. — Зола быстро оглядела площадь. За углом припарковался новый белый фургон. Кроме троих мужчин, на площади никого не было. Перекатившись на спину, Зола уставилась в голубой датчик Ико, все еще мерцающий в темноте. — Мы сбежим, когда они подожгут булочную, тогда им будет не до нас.

— Мы в беде?

— Нет. Просто мне сегодня не до поездок в карантин.

Один из мужчин отдал приказ, ноги в желтых ботинках пришли в движение. Зола повернула голову и снова бросила взгляд наискосок через площадь. Палатку подожгли. Запах бензина смешался с запахом горелого теста. Мужчины стояли перед горящим ларьком, их одетые в форму силуэты четко вырисовывались на фоне быстро растущих языков пламени.

Зола вскочила, обхватила андроида принца за шею и положила рядом с собой. Взяв его под мышку, она приоткрыла дверь настолько, чтобы под ней можно было проползти, не спуская глаз с мужчин у горящей палатки. Ико не отставала — она уже была у дверей соседнего магазина, когда Зола опускала жалюзи. Они помчались мимо ларьков и палаток — двери большинства из них так и остались широко открытыми во время массового бегства — и свернули в первый же узкий проход между магазинами. Небо над ними затянул черный дым. Через несколько секунд где-то высоко прожужжала стайка хуверов — репортеры спешили на рыночную площадь.

Зола замедлила бег, когда они оказались на изрядном расстоянии от рынка и уже выбирались из лабиринта улочек. Солнце совершило полный круг и сейчас опускалось за небоскребы на западе. Воздух сочился августовским зноем, лишь иногда случайный теплый ветерок закручивал вихрем мусор у сточных канав. В четырех кварталах от рынка улицы снова стали подавать признаки жизни — по тротуарам шли пешеходы и шептались о вспышке чумы в центре города. Экраны, встроенные в стены зданий, в прямом эфире показывали языки пламени и дым в центре Нового Пекина, а заголовки сеяли панику — в списках зараженных одно имя следовало за другим, хотя, насколько Золе было известно, чуму обнаружили только у одного человека.

— Все те липкие булочки, — сказала Ико, когда они проходили мимо крупного снимка обгоревшей булочной.

Зола прикусила внутреннюю сторону щеки. Ни она, ни Ико ни разу так и не попробовали знаменитых булочек рыночной пекарни. У Ико не было вкусовых рецепторов. И Чан Сача не обслуживала киборгов.

Огромные здания офисов и торговых центров постепенно разбавляли жилые дома, построенные так близко друг к другу, что они казались бесконечной стеной из стекла и бетона. Когда-то квартиры в этой части города привлекали горожан своей огромной площадью, но с тех пор их не раз делили и перепланировывали, и теперь здания внутри превратились в лабиринт коридоров и лестниц.

Но теснота и уродство мигом забылись, когда Зола свернула на свою родную улицу. Заветные полшага на углу, откуда можно было бросить взгляд на Дворец Нового Пекина — он безмятежно раскинулся на вершине утеса, который возвышался над городом. Покатые золоченые крыши дворца сверкали оранжевым в лучах закатного солнца, а окна отражали свет в сторону города. Изукрашенные коньки крыш, ярусы павильонов, казалось, повисшие в опасной близости от обрыва, округлые святилища, устремившие крыши к небесам… Зола постояла на углу чуть дольше, чем обычно, глядя на все это и думая о том, кто жил за этими стенами, кто, возможно, был там в эту самую секунду.

Не то чтобы раньше, глядя на дворец, она не знала, что там живет принц — но сегодня она ощущала какую-то связь, которую никогда не чувствовала прежде, и оттого испытывала непонятный восторг с капелькой самодовольства. Она встретила принца. Он пришел в ее павильон. Он знал, как ее зовут.

Зола сделала вдох, набрав в легкие побольше влажного воздуха, и заставила себя отвернуться, ощущая себя ребенком.

Она уже готова была начать вести себя, как Пиона.

Она перехватила андроида другой рукой, когда они с Ико оказались в тени Башни Феникса — ярусы верхних этажей нависали над улицей. Зола приложила освободившееся запястье с чипом к сканеру удостоверения личности и услышала глухой звук открывающегося замка.

Ико с грохотом спускалась вниз по лестнице, используя для этого свои раздвижные руки. Они шли в подвал — там был целый лабиринт хранилищ, огороженных проволочной сеткой. Им навстречу поднялась волна заплесневелого воздуха, и Ико включила голубой датчик, разгоняя тени от редких галогеновых ламп. Они шли хорошо знакомым путем от лестничной клетки к хранилищу 18–20 — тесной, всегда холодной клетке, которую Адри позволила Золе использовать для работы.

Зола расчистила для андроида место среди беспорядка на рабочем столе и поставила свою почтальонскую сумку на пол. Прежде чем запереть чулан, сменила тяжелые рабочие перчатки на менее безобразные хлопковые.

— Если Адри спросит, — сказала она по дороге к лифтам, — наш павильон очень, очень далеко от булочной.

Ико мигнула синим:

— Принято к сведению.

В лифте они были одни. Только когда они вышли на восемнадцатом этаже, здание превратилось в кишащий улей — дети носились друг за другом по коридорам, бездомные и домашние кошки куда-то пробирались вдоль стен, из-за дверей доносился неумолчный гул голосов, звучащих с экранов. Уворачиваясь от детей, по пути к своей квартире Зола настроила интерфейс мозга на восприятие белого шума.

Дверь была широко открыта — Зола помедлила, глянув на номер на двери, прежде чем войти.

Она услышала жесткий голос Адри, несущийся из гостиной:

— Пионе сделайте вырез поглубже. Она похожа на старуху.

Зола заглянула за угол. Адри стояла, опираясь одной рукой о голографическую доску, изображавшую камин, в банном халате с вышитыми хризантемами — он как раз гармонировал с репродукциями за ее спиной, которые там висели, чтобы придать комнате вид под старину. С лицом, напудренным так, что оно, казалось, светится в темноте, и чудовищно ярко накрашенными губами Адри и сама походила на репродукцию. На ней было столько косметики, как будто она собиралась куда-то пойти — но Зола знала, что Адри практически не выходит из дома.

Если она и заметила Золу, то проигнорировала ее появление.

Экран над холодными языками пламени транслировал

репортаж с рыночной площади — от булочной остался только каркас духовой печи в куче щебня.

В центре комнаты стояли Перл и Пиона, обмотанные шелком и тюлем. Пиона приподняла свои темные кудри, пока женщина, которую Зола не узнала, возилась с линией выреза ее платья. Пиона увидела Золу через плечо женщины — глаза у нее засверкали, лицо вспыхнуло, она жестом указала на платье — было видно, что она с трудом удерживается, чтобы не взвизгнуть от возбуждения.

Зола отступила назад и улыбнулась. В этом платье — серебряном, с лавандовым отливом, лучше всего заметном в свете пламени, — ее младшая сводная сестра напоминала ангела.

— Перл. — Адри покрутила пальцем, и старшая дочь повернулась на месте, демонстрируя ряд жемчужных пуговиц, сбегающих вдоль спины. Ее платье было под стать платью Пионы — узкий лиф, юбка в оборках — только оно было цвета золотой космической пыли. — Давайте еще немного ушьем в талии.

Незнакомка, колдовавшая с иголкой и ниткой над вырезом Пионы, уставилась на Золу в дверном проеме, но тут же отвернулась. Отступив назад, женщина вытащила изо рта пригоршню острых булавок и склонила голову набок:

— Лиф уже и так очень узкий, — сказала она. — Мы же хотим, чтобы девочка смогла танцевать, не правда ли?

— Мы хотим, чтобы девочка нашла жениха, — сказала Адри.

— Нет, нет. — Швея захихикала, закалывая ткань вокруг талии Перл. Зола могла поклясться, что та изо всех сил втягивает живот; она так старалась, что под тканью платья стал виден край ребер. — Она слишком молода для брака.

— Мне семнадцать, — сказала Перл, окидывая взглядом женщину.

— Семнадцать! Вот видите! Совсем дитя. Самое время пожить в свое удовольствие, так ведь, девочка?

— Она мне слишком дорого обходится для удовольствий, — отозвалась Адри. — И я возлагаю надежды на этот наряд.

— О, не беспокойтесь, не беспокойтесь, Линь-цзе, в этом платье она будет прекрасна, как утренняя роса. — И, снова зажав булавки во рту, женщина вернулась к вырезу Пионы.

Адри вздернула подбородок и в конце концов признала присутствие Золы в комнате, опустив глаза на ее грязные ботинки и рабочие штаны.

— Ты почему не на рынке?

— Сегодня он рано закрылся, — сказала Зола, бросив на экран исполненный значения взгляд, которого Адри не заметила. Изображая беззаботность, она указала большим пальцем куда-то в

сторону зала: — Так что я приведу себя в порядок и буду готова к примерке.

— Еще одно платье, Линь-цзе? Я не взяла с собой ткань для… — Швея запнулась.

— Ты уже сменила магбелт хувера?

Улыбка Золы угасла:

— Нет. Еще нет.

— Что ж, ни одна из нас не отправится на бал раньше, чем хувер будет исправен, не так ли?

Зола подавила раздражение. Они уже дважды говорили об этом на прошлой неделе.

— На магбелт нужны деньги. Восемьсот юнивов как минимум. Если бы доходы от рынка не поступали прямиком на ваш счет, я могла бы уже купить новый.

— И я должна верить, что ты не истратишь их на свои бестолковые игрушки?

Говоря «игрушки», Адри посмотрела на Ико — у нее даже губы искривились, хотя формально Ико принадлежала ей.

— Кроме того, я не могу себе позволить сразу и магбелт и платье, которое ты наденешь всего один раз. Тебе придется самой найти новый магбелт — ну, или платье, в котором ты пойдешь на бал.

Раздражение усилилось. Она могла бы указать Адри, что можно было купить для Пионы и Перл готовые платья вместо того, чтобы шить на заказ, и сэкономить, чтобы остались деньги и на платье для Золы. Она могла бы добавить, что они тоже наденут эти платья лишь однажды. В конце концов, она могла бы сказать, что это она зарабатывает деньги и ей решать, как их лучше потратить. Но во всех этих аргументах не было никакого смысла.

По закону Зола принадлежала Адри, как какой-нибудь андроид-домработница, а значит, принадлежали Адри и ее деньги, и ничтожная горстка личного имущества, и даже эта новая стопа, которую она только что купила — и Адри любила ей об этом напоминать.

Так что Зола подавила раздражение прежде, чем Адри заметила признаки крамольных мыслей.

— Может быть, мне удастся на что-нибудь выменять магбелт. Я разузнаю в магазинах.

Адри фыркнула:

— Почему бы нам не продать этого бесполезного андроида?

Ико спряталась за лодыжками Золы.

— За нее никто много не предложит, — сказала Зола. — Никому не нужна такая старая модель.

— Естественно. Естественно, кому она нужна? Может быть, мне придется вас обеих продать… на запчасти. — Адри вернулась к незаконченной кромке рукава Перл. — Мне абсолютно безразлично, как именно ты починишь хувер, просто сделай это до того, как начнется бал, — и подешевле. Мне не нужна груда металлолома, которая занимает драгоценное место на парковке.

Зола засунула руки в карманы.

— Значит, вы говорите, что если я починю хувер и найду платье, я действительно могу поехать на бал в этом году?

От уголков рта Адри пролегли едва заметные складки.

— Будет настоящим чудом, если тебе удастся найти что-то, что скрыло бы твои… ммм… особенности. Но если ты починишь хувер, что ж, думаю, можешь ехать на бал.

Пиона одарила Золу потрясенной, ошарашенной полуулыбкой, а ее старшая сестра обернулась к матери, вытаращив глаза:

— Ты серьезно? Чтобы она? Поехала с нами?

Зола уже уходила, стараясь скрыть свое разочарование от Пионы. Перл не из-за чего было приходить в такую ярость. Зола заметила оранжевый огонек — Адри вовсе не собиралась сдерживать свое обещание.

— Что ж, — сказала она, стараясь выглядеть обрадованной, — тогда мне лучше пойти поискать замену для магбелта.

Адри махнула в сторону Золы рукой — иди, иди! — все ее внимание было снова поглощено платьем Перл. Никто с Золой даже не попрощался.

Зола бросила еще один взгляд на потрясающие платья своих сводных сестер, прежде чем, пятясь, окончательно покинуть комнату. Она едва успела развернуться лицом к коридору, когда Пиона воскликнула:

— Принц Кай!

Замерев на месте, Зола обернулась и посмотрела на экран. Сообщения о чуме сменились прямой трансляцией из зала пресс-конференций во дворце. Принц Кай обращался к толпе журналистов — среди них были и люди, и андроиды.

— Прибавьте звук, — сказала Перл, отталкивая швею.

— …исследования по-прежнему остаются для нас одной из приоритетных задач, — говорил принц Кай, сжав края кафедры. — Команда исследователей полна решимости найти вакцину от болезни, которая уже унесла жизнь одного из моих родителей и грозит унести жизнь второго, точно так же как и жизни десятков тысяч наших граждан. Ситуация стала еще более угрожающей после того, как сегодня произошла вспышка

заболевания в черте города. Мы более не можем утверждать, что это болезнь бедняков, удел жителей сельской местности нашей страны. Летумозис угрожает всем нам, и мы отыщем способ остановить ее. Только тогда мы сможем начать перестраивать экономику с тем, чтобы вернуть Восточному Содружеству положение процветающего государства.

Толпа встретила речь принца вялыми хлопками. Исследования чумы велись еще с тех пор, как случилась первая вспышка в маленьком городке Африканского Союза десять с лишним лет тому назад. Похоже, с тех пор ученые не добились особого успеха. Тем временем болезнь одно за другим поражала сотни, казалось бы, никак не связанных друг с другом сообществ по всему миру. Сотни тысяч людей заболевали, мучились, умирали. Даже муж Адри столкнулся с этой болезнью во время путешествия по Европе — того самого путешествия, в котором он согласился стать опекуном одиннадцатилетней девочки-киборга, оставшейся сиротой. Одно из немногих воспоминаний, сохранившихся о нем у Золы, — как его увозят в карантин, а Адри кричит, что он не смеет оставлять ее с «этой штукой».

Адри никогда не говорила о своем муже, и мало что в доме напоминало о нем. Единственным свидетельством того, что он когда-то существовал на этом свете, были голографические почетные значки и резные медальоны — они выстроились в ряд на каминной полке. Это были награды за научные достижения и почетные призы с международной технологической выставки — их ему присуждали три года подряд. Зола понятия не имела, что он изобрел. Но что бы это ни было, очевидно, это не продавалось или продавалось плохо — после его смерти семья осталась практически без денег.

На экране выступление принца прервалось — на возвышение, на котором стояла кафедра, поднялся незнакомец и протянул записку принцу Каю. Глаза принца затуманились. Экран потемнел.

Зал для пресс-конференций сменился столом перед голубым экраном. За столом сидела женщина; ее лицо ничего не выражало, и только побелевшие костяшки пальцев на столе выдавали ее эмоции.

— Мы прерываем трансляцию пресс-конференции Его Императорского Высочества, чтобы сообщить последние новости о состоянии здоровья Его Императорского Величества Рикана. Врачи императора только что сообщили нам, что летумозис Его Величества вошел в третью стадию.

Охнув, швея вынула булавки изо рта.

Зола прижалась к дверному косяку. Ей-то и в голову не

пришло выразить принцу свои соболезнования или пожелать императору выздоровления. Наверняка он теперь считает ее бесчувственной. Невоспитанной.

— Нам также сообщили, что делается все возможное, чтобы облегчить страдания Его Императорского Величества. Кроме того, во дворце нас официально заверили, что исследователи ни на минуту не прекращают работу по созданию вакцины. Для тестирования антидота срочно требуются добровольцы, несмотря на то, что продолжается набор киборгов. Из-за болезни императора было много споров по поводу Сто Двадцать Шестого Ежегодного Дворцового Фестиваля, но принц Кайто сообщил прессе, что Фестиваль состоится, как было запланировано ранее, и выразил надежду, что это принесет нам немного радости в это трудное время. — Дикторша запнулась и сделала паузу, несмотря на то, что перед ней был суфлер. Ее лицо смягчилось, а голос дрожал, когда она закончила свою речь: — Многая лета императору!

Швея пробормотала «Многая лета», словно отвечая дикторше. Экран снова потемнел перед тем, как на нем снова возник зал для пресс-конференций, но принц уже покинул сцену, а в толпе журналистов царила неразбериха — каждый надиктовывал последние новости на свою камеру.

— Я знаю киборга, который как раз годится в волонтеры для теста, — сказала Перл, — к чему ждать какого-то там набора?

Зола опустила взгляд на Перл, которая была почти на шесть дюймов ниже ее, даром что на год старше.

— Хорошая идея, — сказала она. — А ты тогда сможешь найти работу, чтобы расплатиться за свое чудесное платье.

Перл зарычала:

— Семьям волонтеров платят пособие, ты, клубок проводов вместо мозга!

Королевская исследовательская группа начала набор киборгов примерно год назад. Каждый день в лотерее персональных номеров всех киборгов, которых в Восточном Содружестве жили тысячи и тысячи, выпадал новый ID. Их привозили из самых отдаленных уголков страны, вплоть до Мумбаи и Сингапура, и использовали как морских свинок, чтобы тестировать антидот. Это преподносилось как дело чести — пожертвовать своей жизнью ради блага человечества, но на самом деле это было всего лишь напоминанием: киборги не такие, как все. Многим из них щедрая рука ученых подарила второй шанс на жизнь — а после само их право на существование стало принадлежать тем, кто их создал. Киборги должны быть счастливы, что уже прожили столько, сколько прожили — многие

считали именно так. Так что справедливо, что они первыми должны отдать жизнь в поисках исцеления для всех.

— Мы не можем отдать нашу Золу. — Пиона вцепилась пальцами в юбку. — Она еще должна починить мой портскрин.

Перл фыркнула и отвернулась от них. Пиона сморщила нос за спиной у сестры.

— Прекратите препираться, — сказала Адри. — Пиона, ты мнешь юбку.

Швея вернулась к работе, а Зола отступила назад, в коридор. Ико уже опережала ее на два шага — ей не терпелось убраться подальше от Адри.

Зола оценила попытку Пионы ее защитить, но в конечном итоге Зола знала, это не имеет никакого значения. Адри никогда не отдаст ее в волонтеры — это будет автоматически означать потерю единственного источника дохода, а Зола была уверена, что ее мачеха сама и дня в жизни не проработала.

Но если выбор падет на нее, никто ничего не сможет с этим поделать. А в последнее время начинало казаться, что среди тех, чьи номера якобы случайно выпадают в лотерее, подозрительно много жителей Нового Пекина и окрестностей.

Каждый раз, когда жертвой лотереи становились девочки-подростки, Золе казалось, что у нее самой в голове тикают часы.

Глава 3

— Ты едешь на бал. — Ико хлопнула металлическими ручками-захватами, изображая аплодисменты. — Нам нужно найти тебе платье и туфли. Я тебя не отпущу в этих кошмарных ботинках. И еще нужны новые перчатки и…

— Можешь посветить сюда? — сказала Зола, выдвигая верхний ящик шкафа с инструментами. Она рылась в ящике — было слышно, как лязгают сваленные там болты и гайки — когда Ико подкатилась ближе. Полумрак кладовки залил голубоватый свет.

— Подумай только, какая там будет еда! — не унималась Ико. — А платья! А музыка!

Зола не обращала на нее внимания, выбирая из огромного множества инструментов нужные и прикрепляя их к намагниченному торсу Ико.

— Ох, звезды небесные! Подумай о принце! Ты сможешь танцевать с принцем Каем!

Это заставило Золу прерваться и заглянуть в голубой свет датчика Ико.

— С какой стати принцу Каю танцевать со мной?

Вентилятор Ико жужжал, пока она обдумывала ответ.

— С такой, что в следующий раз у тебя не будет машинного масла на лбу.

Зола подавила смешок. Иногда для андроидов все так просто.

— Мне очень жаль тебя разочаровывать, Ико, — сказала Зола, с грохотом задвигая один ящик и выдвигая другой, — но я не еду на бал.

Вентилятор Ико замер на мгновение — и тут же заработал снова.

— Не понимаю.

— Для начала, я только что истратила все свои сбережения на новую стопу. И даже будь у меня деньги, стала бы я тратить их на платья и ботинки? Глупости!

— А на что еще тебе их тратить?

— На новый комплект шурупов? На шкаф с нормальными выдвижными ящиками? — Для убедительности она толкнула второй ящик плечом. — На первый взнос за свою собственную квартиру, где я не буду больше ходить в служанках у Адри?..

— Адри никогда не подпишет вольную.

Зола выдвинула третий ящик.

— Знаю. Да, это выйдет куда дороже, чем какое-то дурацкое платье, но, — она схватила отвертку и целую горсть шурупов, —

может быть, мне удастся сделать пересадку кожи.

— У тебя чудесная кожа.

Зола искоса глянула на Ико.

— Ох. Ты имеешь в виду, для тех частей, где ты киборг.

Задвинув третий ящик, Зола стащила свою сумку с рабочего стола и смела в нее инструменты.

— Как ты думаешь, что еще нам может… ох, точно, домкрат. Куда же мне его положить?

— Ты неблагоразумна, — сказала Ико. — Может быть, удастся обменять что-нибудь на платье. Или купить подержанное. Да я сама до смерти хочу в тот магазин винтажной одежды на улице Сакура, знаешь его?..

Зола прошлась вокруг кучи случайных инструментов, скопившихся под столом:

— Неважно. Я не еду.

— Нет, важно! Это же бал! И принц!

— Ико, я просто чиню его андроида! И это совсем не значит, что мы теперь друзья! — Упоминание об андроиде заставило ее о чем-то вспомнить, и мгновение спустя она уже вытянула из-под него домкрат. — И это тем более неважно, потому что Адри в жизни не позволит мне пойти.

— Но она сказала, если ты починишь хувер…

— Верно. И что будет, когда я починю хувер? Как насчет портскрина Пионы, который вечно барахлит? Или, — она оглядела комнату и заметила ржавого андроида в углу, — старого Садовника семь-три?

— Да что Адри делать с этой древней штукой? У нее больше нет сада. У нее даже балкона нет.

— Я просто хочу сказать, что на самом деле она вовсе не собирается пускать меня на бал. Пока в этом доме есть что чинить, я никогда не покончу со своими «обязанностями».

Зола кинула в сумку двойную опору для домкрата, говоря себе, что это неважно. Не так уж важно. Да и в любом случае, она не годится для официального бала. Даже отыщи она платье, перчатки и туфли, которые скроют все ее уродства, на ее мышиных волосах не будет держаться завивка, и она ничего не смыслит в макияже. Все, что из этого могло бы выйти, — она будет сидеть, пока все танцуют, и потешаться над девчонками, которые из кожи вон лезут, чтобы привлечь внимание принца Кая. И делать вид, что она им не завидует. Делать вид, что ей вообще все равно.

Но еда, конечно, вызывала любопытство.

А принц Кай — они ведь теперь знакомы. В каком-то смысле. Он был так добр с ней на рынке. Может, он пригласит ее на

танец. Просто из вежливости. Из благородства, когда увидит, как она стоит одна.

Хрупкая фантазия исчезла так же быстро, как и появилась. Это невозможно. Не стоит даже думать об этом.

Она киборг, и она никогда не попадет на бал.

— Думаю, это все. — Она постаралась скрыть разочарование, притворившись, что поглощена тем, как бы поудобнее перекинуть сумку через плечо. — Готова?

— Не понимаю, — сказала Ико. — Если Адри не собирается тебя пускать на бал, даже если ты починишь хувер, зачем тогда мы идем на свалку? Если ей так нужен этот магбелт, почему бы ей самой не покопаться в мусоре и не поискать?

— Затем, — ответила Зола, — что бал или не бал, а вот во что я верю, так это в то, что она продаст тебя на запчасти за гроши, дай ей только повод. И потом, когда они уедут на бал, мы останемся дома одни. Ну как, звучит?

— По мне, звучит просто великолепно!

Зола обернулась и увидела, как в дверь врывается Пиона — все еще в своем серебристом платье, но сейчас швы по краям рукавов и выреза были уже закончены. Швея добавила ленточку кружев в ложбинку между грудей — привлекая внимание к тому факту, что в свои четырнадцать Пиона уже вполне развитая девочка и обладает определенными выпуклостями, о чем Зола уже даже не мечтала. Если когда-то тело Золы и было предназначено для женственности, любые ее зачатки были уничтожены тем, что сделали с ней хирурги. Теперь ее тело было плоским как доска. Слишком угловатым. Слишком мальчишеским. И слишком неуклюжим с этой искусственной стопой.

— Я готова придушить маму! Я с ней просто свихнусь. «Перл нужно выдать замуж», «Дочери — такие огромные расходы», «Никто не ценит моих усилий», бла-бла-бла. — Она покрутила пальцами в воздухе, изображая мать.

— А ты-то что здесь делаешь?

— Прячусь! Да, кстати, можешь посмотреть, что там с моим портскрином? — Она вынула экран из-за спины и протянула его Золе.

Зола взяла его, но смотрела вовсе не на экран, а на серебристый подол, который мел краем грязный пол, собирая пыль.

— Ты испортишь платье. Тогда Адри тебя точно растерзает.

Пиона высунула язык, но потом подобрала платье обеими руками, так что оно задралось, обнажив ее ноги до самых коленок.

— Так что ты думаешь? — спросила она, встав на цыпочки — она была босиком — и удерживая равновесие в таком положении.

— Забавно смотришься.

Довольная собой, Пиона принялась кокетливо вертеться перед Золой, еще сильнее сминая подол платья. Но потом ее воодушевление улетучилось.

— Она должна была заказать платье и для тебя. Так не честно.

— На самом деле, я все равно не хочу идти. — Зола пожала плечами. В голосе Пионы слышалось такое искреннее сочувствие, что у нее не было сил возражать. Обычно ей удавалось не обращать внимания на собственную зависть к сводным сестрам — тому, как Адри на самом деле любила их до безумия, какой нежной была кожа их рук, особенно если учесть, что Пиона была ее единственным другом среди людей. Но когда она видела Пиону в этом платье, ее просто передергивало от зависти, и ничего поделать с этим она не могла.

Зола переменила тему:

— Что там не так с портом?

— Опять та же ерунда, — сказала Пиона. Она спихнула какие-то инструменты с пустых банок из-под краски и выбрала самое чистое место, прежде чем сесть. Ее пышные юбки волнами улеглись вокруг нее. Она принялась болтать ногами, так что голые пятки били о пластмассовую стенку ведра.

— Ты опять скачивала эти дурацкие приложения со звездами?

— Нет.

Зола подняла бровь.

— Только одну языковую программу. И все. И она мне нужна для школы. Ох, пока не забыла, Ико, это тебе.

Ико подкатилась к Пионе. Та достала из-за корсажа бархатную ленточку — обрезок, который оставила швея. Стоило Ико увидеть его — и в комнате прибавилось света.

— Спасибо тебе, — сказал андроид, когда Пиона повязала ленточку на тонкий сустав запястья Ико. — Она такая красивая.

Зола положила экран на рабочий стол рядом с андроидом принца.

— Я посмотрю его завтра. А сейчас мы идем искать магбелт для Ее Величества.

— Да? И куда же вы идете?

— На свалку.

— Будет весело, — сказала Ико, снова и снова сканируя датчиком свой бархатный браслет.

— Правда? — спросила Пиона. — А мне с вами можно?

Зола засмеялась:

— Она пошутила. Ико упражняется в сарказме.

— Все равно. Что угодно лучше, чем возвращаться в эту тухлую квартиру.

Пиона обмахивалась от жары. Она рассеянно облокотилась о металлический стеллаж.

Зола кинулась к ней и отдернула прочь от стены.

— Осторожно! Твое платье.

Пиона оглядела юбку, потом покрытые въевшейся грязью полки и отмахнулась от Золы:

— Так что? Я могу пойти с вами? Свалка! Звучит здорово.

— Звучит так, как будто там грязно и воняет, — сказала Ико.

— Ты-то откуда знаешь, — возразила Зола, — у тебя же нет обонятельных рецепторов.

— Зато у меня живое воображение.

Усмехаясь, Зола уже наполовину вытолкала сестру за дверь:

— Иди переодевайся. Только быстро. Мне есть что тебе рассказать.

Глава 4

Пиона хлопнула Золу по плечу с такой силой, что та чуть не налетела на груду старых сточенных гусениц — на таких раньше передвигались андроиды.

— И ты до сих пор молчала? Как ты могла! Ты же была дома… стоп… четыре… нет, четыре часа!

— Я знаю, знаю, извини, — сказала Зола, потирая плечо. — Не было подходящего момента, и я не хотела, чтобы узнала Адри. Не хочу, чтобы она извлекала из этого выгоду.

— Да кому какое дело, что там подумает мама? Я хочу извлечь из этого выгоду! Звезды небесные, принц! В твоем павильоне. Поверить не могу, что я все пропустила. Ну почему меня там не было?

— Ты как раз была занята примеркой шелков и парчи!

— Ух. — Пиона пнула сломанный налобный фонарь прочь с дороги. — Ты должна была послать мне сообщение. Я бы там была через две секунды, прямо в незаконченном платье и всем таком. Ух. Ненавижу тебя. Это официальное заявление: ненавижу тебя. И ты собираешься снова с ним встретиться? Я имею в виду, тебе же так и так придется, да? И знаешь что, может быть, я могла бы перестать тебя ненавидеть, если ты пообещаешь в следующий раз взять меня с собой, ну что, идет, по рукам?

— Нашла! Один есть! — крикнула Ико. Она шла на десять ярдов впереди. Луч ее прожектора выхватил из окружавшего их хаоса корпус старого хувера. В голубом свете позади него виднелись неясные груды металла.

— Ну и? Какой он? — спросила Пиона, ни на шаг не отставая от Золы, когда та заторопилась к хуверу, запорошенному землей, как будто теперь находиться рядом с ней было то же самое, что находиться непосредственно рядом с Его Императорским Высочеством.

— Не знаю, — отозвалась Зола, открывая верхний люк хувера и закрепляя его в этом положении. — Нам повезло, его еще не распотрошили.

Ико откатилась подальше от Золы.

— Он был достаточно вежлив, чтобы не сказать, что у нее на лбу огромное масляное пятно.

Пиона ахнула:

— Не-ет! Не может быть!

— Может. Я механик. Я пачкаюсь в масле. А если ему надо было, чтобы к его приходу все было вылизано, стоило сообщить заранее. Ико, мне бы не помешало здесь немного света.

Ико вытянула шею и наклонила голову, освещая двигательный отсек.

Стоя рядом с Золой, Пиона щелкнула языком.

— Может, он решил, что это родимое пятно?

— Спасибо, теперь я чувствую себя еще лучше.

Зола извлекла из сумки плоскогубцы. Ночное небо над ними было чистым, и, хотя городские огни затмевали любые звезды, острый серп луны маячил над горизонтом, как будто сонное око щурилось сквозь туман.

— Он и в жизни такой же красивый, как показывают?

— Да, — сказала Ико. — Даже красивее. И ужасно высокий.

— Тебе все высокие. — Пиона прислонилась к переднему бамперу, сложив руки на груди. — А я хочу знать, что скажет Зола.

Одного воспоминания об улыбке принца, такой естественной, оказалось достаточно, чтобы Зола перестала щелкать плоскогубцами вокруг двигателя. Хотя принц Кай уже лет сто был излюбленной темой Пионы — она, наверное, даже состояла в одной из его виртуальных фан-групп, — Золе и в голову прийти не могло, что однажды она сможет разделить восторги Пионы. На самом деле она считала это непомерное увлечение знаменитостями чем-то… ну, глупым, подростковым, что ли.

Принц Кай это, принц Кай то. Невозможные фантазии.

Но сейчас…

Что-то в лице Золы, должно быть, и впрямь выдавало ее мысли, потому что Пиона внезапно завопила и, бросившись к Золе, обвила ее руками, не переставая при этом подскакивать на месте:

— Я знала! Знала, что тебе он тоже понравится! Поверить не могу, что ты его на самом деле встретила! Это нечестно. Я уже говорила, что ненавижу тебя?

— Да, да, я в курсе, — сказала Зола, высвобождаясь из объятий, — а теперь иди и верещи от восторга где-нибудь еще — я пытаюсь поработать.

Пиона скорчила рожу и поскакала прочь, петляя между кучами мусора.

— Что еще было? Расскажи мне все! Что он говорил? Что он делал?

— Ничего, — сказала Зола, — он просто попросил меня починить его андроида. — Она смела паутину с того, что некогда было солнечными батареями, но сейчас от них осталась только пластиковая скорлупа. Облако пыли взметнулось и попало ей прямо в лицо. — Зола отскочила, закашлявшись. — Храповик?..

Ико отцепила храповик от металлического торса и протянула

Золе.

— И какой у него андроид? — спросила Пиона.

Зола отвинтила отверткой генератор отсека и положила его на землю рядом с хувером.

— Старый, — отозвалась Зола.

— Наставник восемь-шесть, — сказала Ико. — Старше, чем я. И он сказал, что зайдет за ним на рынок в следующие выходные.

Пиона пинком отшвырнула с дороги ржавую канистру и нависла над двигателем и Золой:

— В новостях сказали, в связи со вспышкой болезни в следующие выходные рынок будет закрыт.

— Ох… я об этом не слышала. — Зола вытерла руки о штаны и склонилась над нижним отсеком двигателя. — Тогда, думаю, придется отнести его во дворец.

— Да! — Пиона скакала на месте. — Мы пойдем вместе, и ты меня представишь, и…

— Вот он! Магбелт.

Пиона подперла щеку ладонью и возвысила голос.

— …и тогда он узнает меня на балу и пригласит танцевать — и Перл позеленеет от злости! — Пиона рассмеялась, как будто злить старшую сестру было величайшей целью ее жизни.

— Если только я вообще успею починить андроида до бала, — заметила Зола.

— Я хочу пойти на бал, — сказала Ико, глядя куда-то вверх, на линию горизонта. — Это все предрассудки — не пускать андроидов на бал.

— Тогда подай петицию в правительство, раз так. Уверена, Пиона почтет за честь передать твое обращение принцу лично в руки. — Зола легонько постучала Ико по круглой голове — та обернулась, и свет снова стал падать внутрь старого механизма. — Вот теперь постой спокойно. Еще чуть-чуть, и я отсоединю его с этой стороны.

Зола прицепила отвертку к Ико, вырвала магбелт из скобы и позволила ему упасть на землю.

— С одной стороной покончили, можем приступать к другой. — Зола обошла хувер, расчищая тропинку от мусора, чтобы в нем не увязли гусеницы Ико.

Пиона не отставала, она забралась на багажник хувера и уселась, подтянув под себя ноги.

— Знаешь, кое-кто говорит, что на балу он будет выбирать невесту…

— Невесту! — повторила за Пионой Ико. — Как романтично!

Зола уже легла на бок под задним бампером хувера и отстегнула маленький фонарик от пояса с инструментами:

— Дай-ка мне еще раз эту отвертку?..

— Ты что, не слышала, Зола? Я сказала, невесту. То есть после она станет принцессой.

— Только никакого после не будет. Ему всего сколько? Девятнадцать?

Зажав фонарик в зубах, Зола взяла отвертку у Ико. Винты в днище были не такими ржавыми — их защищал багажник, — и, чтобы ослабить их, хватило нескольких поворотов отвертки.

— Восемнадцать с половиной, — сказала Пиона. — И это правда. Перейди по любой ссылке в сети!

Зола застонала.

— Я бы тут же вышла за принца Кая!

— И я! — сказала Ико.

Зола выплюнула фонарик и перебралась к последнему углу днища с отверткой:

— Да, вы обе и еще каждая девочка в Содружестве.

— Как будто ты — нет, — сказала Пиона.

Зола ничего не ответила, ослабляя последний винт, на котором держался магбелт. Магбелт со стуком упал на землю.

— Всё, идем.

Она выскользнула из-под хувера и убрала фонарик и отвертку в карман пояса с инструментами, прежде чем встать.

— Поищем другие хуверы, которые стоило бы распотрошить, пока мы здесь? — Зола вытянула магбелт из-под хувера и сложила — теперь он хотя бы был не таким громоздким.

— Я тут кое-что видела неподалеку, — сказала Ико, поводя световым лучом среди груд мусора. — Не уверена, что за модель…

— Здорово. Веди. — И Зола слегка подтолкнула ее магбелтом. Ико сдвинулась с места, что-то бормоча на тему того, почему они должны блуждать по свалке, в то время как Адри сидит дома в чистоте и уюте.

— И потом, — сказала Пиона, спрыгивая с багажника, — слух о том, что он будет выбирать невесту на балу, куда лучше того, что говорят другие слухи.

— Дай-ка я угадаю. Принц Кай на самом деле марсианин?.. Или нет, нет, у него есть внебрачный ребенок от эскорт-дроида?..

— У эскорт-дроидов могут быть дети?

— Нет.

Пиона выдохнула, заодно сдувая прядь со лба.

— Хотя, по-моему, то, что говорят, еще хуже. Говорят, что он женится на, — она понизила голос до шепота, — королеве Леване.

— Королеве… — Зола замерла на месте и прихлопнула рот

ладонью в перчатке, оглядываясь, как если бы кто-то мог прятаться среди груд мусора и подслушивать. Наконец она отняла руку ото рта, но продолжала говорить очень тихо. — Честное слово, Пиона, у тебя от этих глянцевых журналов скоро мозги протухнут.

— Я и сама не хочу им верить, но об этом пишут везде. Что этот чертов посланник королевы поэтому и остается при дворе. И это позволит сохранить коалицию… Это все вопросы политики.

— Я так не думаю. Он никогда на ней не женится.

— Ты этого не знаешь.

Но она знала. Зола могла многого не знать о межгалактической политике, но она знала, что надо быть совсем дураком, чтобы жениться на королеве Левана.

Зола бросила взгляд на бледную луну, и ее руки покрылись гусиной кожей. Луна всегда вселяла в нее параноидальный страх, как будто тем, кто жил на Луне, было ее видно, а слишком долгий взгляд вверх способен привлечь их внимание. Суеверная ерунда, но тогда все о лунатиках было суеверием — по-настоящему жутким суеверием. Лунатики были потомками колонии землян, высадившихся на Луне несколько веков назад, но сами они больше не были людьми. Говорили, что они способны обмануть человеческое сознание — заставить увидеть и почувствовать то, чего нет на самом деле, вынудить совершить то, чего ты на самом деле совершать не хочешь. Эта противоестественная способность превратила их в жадную и жестокую расу, но королева Левана была худшей из всех.

Ей было ведомо, когда люди говорили о ней — находись они даже за многие мили. Даже здесь, на Земле.

Говорили, что она убила свою старшую сестру, королеву Ченнэри, чтобы занять ее трон. Избавилась от мужа, чтобы иметь возможность составить более выгодную партию. Заставила свою падчерицу изуродовать себе лицо, потому что в нежном возрасте тринадцати лет та стала слишком прекрасна, чтобы королева могла с ней соперничать.

Говорили, что она убила и свою племянницу — единственную угрозу трону. Принцессе Селене было всего три, когда детскую охватило пламя, в котором она и погибла вместе со своей нянькой.

Были сторонники тайной теории, утверждавшей, что принцесса выжила — и теперь скрывается и ждет своего часа, чтобы вернуть себе корону и положить конец тирании королевы Леваны, но Зола знала, что настоящим источником этих слухов было отчаяние. В конце концов, на пожарище обнаружили следы детской плоти.

— Здесь. — Ико подняла руку и постучала обо что-то металлическое, горой возвышающееся над грудами мусора. Зола была потрясена. Она отмела ненужные мысли прочь. Принц Кай никогда не женится на этой ведьме. Он не может жениться на лунатике. Зола отодвинула несколько покореженных канистр из-под аэрозоля и старый матрац в сторону, прежде чем смогла ясно разглядеть хувер.

— Глаз-алмаз!

Вместе они убрали с дороги изрядную гору барахла, и теперь передняя часть механизма была на виду.

— Я никогда не видела таких вживую, — сказала Зола, проводя рукой по изъеденному временем хрому номерных знаков.

— Отвратно, — Пиона усмехнулась, — какой кошмарный цвет.

— Должно быть, он действительно старый. — Зола отыскала фиксатор и потянула на себя капот, открывая. Она заморгала и отступила на шаг от открывшейся ее взору мешанины металла и пластмассы. — По-настоящему старый. — Она попыталась заглянуть в передний угол двигательного отсека, но шасси скрывали крепления магбелта. — Уф. Посветишь сюда, ладно?

Зола склонилась над грязными внутренностями капота. Она потуже забрала волосы в хвост, прежде чем нырнуть под хувер, отпихивая кучу запасных частей, однажды брошенных ржаветь в траве под ним.

— Звезды, — пробормотала Зола, когда ей удалось заглянуть в механическое чрево. Свет фонарика Ико пробивался сверху сквозь путаницу проводов и кабелей, через каналы и коллекторы, гайки и болты. — Это настоящая древность.

— Эта твоя древность стоит на кладбище старых автомобилей.

— Я серьезно. Я ничего подобного вблизи в жизни не видела. — Она пробежалась пальцами вдоль кабеля с резиновой изоляцией.

Свет метался взад и вперед — Ико осматривала двигатель сверху.

— Какие-нибудь полезные части?

— Хороший вопрос.

Поле зрения Золы слегка окрасилось в синий, когда сознание подключилось к сети.

— Можешь считать идентификационный номер с ветрового стекла?

Пиона диктовала цифру за цифрой, и Зола отыскивала номер в сети; проекция загружалась — на это требовались минуты, и перед Золой, прямо на поверхности нависшего над ней двигателя,

возникало изображение.

— Кажется, он и впрямь почти не поврежден, — пробормотала она, пробегаясь пальцами по связке проводов у себя над головой. Она следовала взглядом за пальцами, поворачивая голову, чтобы лучше рассмотреть механизм — от шлангов до шкива и осей, пытаясь представить, как все это когда-то выглядело. Как все это работало. — Он такой классный.

— Скучища, — сказала Пиона.

Вздыхая, Зола принялась искать магбелт на проекции, но система мигнула зеленым, выдавая сообщение об ошибке. Тогда Зола запросила просто «магнитный», а потом «ремень», и в конце концов поиск принес результаты. На проекции высветилась какая-то резинка, намотанная вокруг деталей в металлических кожухах, — и эта резинка называлась почему-то «пояс синхронизации». Нахмурившись, Зола нащупала болты и шайбы, на которых резинка крепилась к двигательному отсеку. Она думала, что пояса синхронизации не использовались с тех самых пор, как внутреннее сгорание было признано устаревшим.

Задыхаясь, она вытягивала шею в сторону. В глубокой тени, под днищем механизма, что-то было, и это что-то крепилось к днищу. Колесо.

— Это не хувер. Это автомобиль. Автомобиль, который работает от бензина.

— Серьезно? — сказала Пиона. — Я думала, что настоящие автомобили должны быть… Ну, не знаю. Шикарными.

Зола почувствовала, как в ней вспыхнуло негодование.

— У него есть свой характер, — ответила она.

— Так, — сказала Ико секунду спустя, — и что, это значит, что мы не можем разобрать его на запчасти?

Игнорируя ее, Зола с жадностью сканировала проекцию. Масляное панорамирование, топливные инжекторы, выхлопные трубы.

— Это вторая эра.

— Чудненько, — отозвалась Пиона. — Нет!

Внезапно она взвизгнула, отскакивая прочь от автомобиля. Зола так резко дернулась, что ударилась головой о переднюю подвеску.

— Пиона, что такое?

— Крыса! Только что выскочила из окна! Большая, жирная, волосатая. Ох, силы небесные.

Издав стон, Зола снова откинула голову назад, в грязь, и принялась массировать лоб. Два раза удариться головой за один день… Если и дальше так пойдет, придется вдобавок к стопе покупать новую панель управления.

— Она, должно быть, сидела в обивке. А мы ее испугали.

— Это мы ее испугали? — У Пионы дрожал голос. — Может, мы пойдем? Пожалуйста.

Зола вздохнула:

— Отлично.

Свернув проекцию, она вылезла из-под автомобиля, ухватившись за протянутые ей навстречу руки Ико.

— Я думала, что все сохранившиеся бензиновые автомобили в музеях, — сказала она, вынимая паутину из волос.

— Не уверена, что назвала бы это словом «сохранившиеся», — заметила Ико, ее датчик потемнел от отвращения. — Это больше похоже на гниющую тыкву.

Зола резко захлопнула капот, и андроида окутало внушительное облако пыли.

— Кто-то говорил о живом воображении? Немного внимания и хороший уход — и эта машина засияет в своей былой славе.

Она ласково погладила капот. Корпус автомобиля в форме купола был выкрашен в желто-оранжевый цвет, выглядевший болезненно в свете датчика Ико — такой цвет никто бы сейчас не выбрал, но на этой машине старинной формы он выглядел почти чарующе. В пустующих гнездах, где раньше были фары, скопилась ржавчина, на крыле красовалась вмятина. Одно из задних стекол отсутствовало, но обивка кресел практически не пострадала, даром что была покрыта плесенью и кое-где продрана, и, вероятно, служила пристанищем множеству грызунов. Руль и навигатор, казалось, все эти годы оставались практически неподвластными времени.

— Возможно, именно на этом автомобиле мы могли бы совершить побег.

Пиона вглядывалась внутрь через пассажирское окно.

— Побег? От чего?

— От Адри. От всего Нового Пекина. Мы вообще могли бы уехать за пределы Содружества. Могли бы отправиться в Европу!

Зола обогнула автомобиль и, оказавшись со стороны водительского окна, принялась счищать перчаткой грязь со стекла. Внутри она увидела три педали в полу. Хотя все хуверы управлялись компьютером, Зола достаточно читала о старых технологиях, чтобы знать, что такое сцепление, и даже примерно представляла, как с ним управляться.

— В этой груде металлолома мы не добрались бы даже до границы города, — сказала Пиона.

Отступая назад, Зола вытирала руки. Возможно, они правы. Возможно, в этом автомобиле не было ничего фантастического; возможно, он вовсе не был ключом к спасению, но однажды,

каким угодно способом, она покинет Новый Пекин. Отыщет место, где никто не будет знать, кто она такая — или что она такое.

— Плюс мы не сможем достать бензин, — продолжала Ико, — даже если мы продадим твою стопу, нам все равно не хватит топлива, чтобы выбраться отсюда. Плюс штраф за загрязнение окружающей среды. Плюс я ни за что не сяду внутрь. Может быть, под этими сиденьями десятилетиями жили крысы.

Пиона поежилась:

— Ладно, — засмеялась Зола, — так и быть, не стану заставлять вас тащить эту штуковину домой.

— Уф, а то я уж забеспокоилась, — отозвалась Пиона. Она улыбнулась, ведь на самом деле и не думала беспокоиться, и отбросила выбившийся локон за плечо.

Взгляд Золы остановился на чем-то странном — она заметила темное пятно ниже ключицы Пионы; из-под ворота рубашки была видна только его часть.

— Не двигайся, — сказала она, бросаясь вперед.

Пиона, наоборот, метнулась назад, в панике стряхивая воображаемую паутину с груди:

— Что? Что там? Жук? Или паук?

— Я сказала, не двигайся! — Зола схватила Пиону за запястье, взглянула на пятно — и застыла. Уронив руку Пионы, она отшатнулась назад.

— Да что там? Что? — Пиона рванула рубашку вверх, стараясь разглядеть то, чего там не было, и в этот момент Зола увидела у Пионы еще одно пятно на тыльной стороне руки.

Она подняла глаза на Золу, у которой кровь отлила от лица.

— С… сыпь? Из-за автомобиля?..

Зола сглотнула и приблизилась к ней нетвердыми шагами, сдерживая дыхание. Она снова протянула руку к ключице Пионы и потянула ткань рубашки вниз, оголив все пятно целиком. В лунном свете было хорошо видно красное пятнышко, окаймленное бордовым.

Пальцы у нее дрожали. Она отдернула руку, встретив взгляд Пионы.

Пиона закричала.

Глава 5

Вопли Пионы заполнили кладбище старых автомобилей, они просачивались в трещины сломанных машин и устаревших компьютеров. Слуховой интерфейс не мог защитить Золу от пронзительных воспоминаний — она, казалось, продолжала слышать крик, даже когда вопль Пионы затих и та зашлась в беззвучной истерике.

Зола сдерживала дрожь. Она оцепенела, не способная сдвинуться с места, разрываемая противоположными желаниями: одна ее часть жаждала утешить, успокоить Пиону, вторая — убежать прочь.

Как такое было возможно?

Пиона была молодой, здоровой. Она не могла заболеть.

Пиона кричала, снова и снова дотрагиваясь до пятен на коже. А Зола… В дело вступила сеть, как и всегда в те моменты, когда Зола была неспособна думать самостоятельно. Заработал поисковик, включилось соединение — и передало Золе информацию, которую она не хотела знать. Летумозис. Голубая лихорадка. Глобальная эпидемия. Сотни тысяч умерших. Неизвестна причина, неизвестно лекарство.

— Пиона…

Она инстинктивно шагнула вперед, но Пиона резко отступила назад, с силой прижимая ладони к своим мокрым щекам и носу:

— Не подходи ко мне! Ты заразишься! Вы все заразитесь!

Зола отдернула руку. Ей было слышно, как жужжит вентилятор Ико, стоящей в стороне. Голубой луч датчика метался по кладбищу старых автомобилей, не останавливаясь на Пионе. Луч подрагивал, мерцал. Ико была в ужасе.

— Я сказала, отойди! — закричала Пиона, падая на колени и обхватывая живот.

Зола отступила на два шага назад и остановилась, глядя, как Пиона раскачивается взад-вперед в неверном свете датчика Ико.

— Я… я должна вызвать хувер чрезвычайного реагирования, чтобы…

Чтобы они забрали тебя.

Пиона не отвечала. Ее всю трясло. Золе было слышно, как стучат ее зубы в промежутках между воплями.

Зола дрожала. Она ощупывала руки в поисках пятен. Ничего не нашла, но с недоверием смотрела на перчатку на левой руке, не желая снимать ее, не желая проверять.

Она снова сделала шаг назад. Ее обступили тени кладбища старых автомобилей. Чума. Она была здесь. Была в воздухе. Была

в кучах мусора. Как скоро проявляются первые симптомы?

Или…

Она подумала о Чан Саче на рынке. Охваченная ужасом толпа, бегущая прочь от ее палатки. Вой сирен.

Внутри что-то резко оборвалось.

Что, если это ее вина? Что, если это она принесла чуму домой с рынка?

Она снова проверила руки, сметая невидимых жучков, которые будто бы ползли по ее коже. Отшатнулась еще дальше. Рыдания Пионы, казалось, заполнили ее голову и не давали дышать.

Красный предупреждающий сигнал на сетчатке сообщил о повышении уровня адреналина в крови. Она сморгнула, красный сигнал исчез; запросила соединение с сетью — и отправила короткое сообщение прежде, чем успела подумать.

Чрезвычайное происшествие. Свалка в районе Тайхан. Летумозис.

Она стиснула зубы, ощущая мучительную сухость в глазах. Пульсирующая головная боль подсказала, что сейчас она должна рыдать, всхлипывая вместе с сестрой.

— За что? — запинающимся голосом спросила Пиона. — Что я сделала?

— Ты ничего не сделала, — сказала Зола. — Это не твоя вина.

Зато вполне может быть, что моя.

— Что мне делать? — спросила Ико так тихо, что ее было едва слышно.

— Я не знаю, — ответила Зола. — Хувер уже в пути.

Пиона вытерла нос о предплечье. Глаза у нее покраснели.

— Вам н-надо идти. Иначе вы тоже ее подцепите.

Зола почувствовала головокружение и осознала, что все это время не дышала в полную силу. Она отступила еще на шаг, прежде чем набрать полные легкие воздуха.

— Может быть, я уже подцепила. Может быть, это моя вина, что ты заразилась. Эта вспышка сегодня на рынке… Я не думаю, что я была достаточно близко, но… Пиона… Прости.

Пиона снова зажмурилась и спрятала лицо. Ее каштановые волосы спутались, пряди в беспорядке спадали на плечи; сейчас они контрастировали с побледневшим лицом. Она еще раз икнула; еще раз всхлипнула.

— Я не хочу идти.

— Я знаю.

Это было все, что она могла сказать. Не бойся? Все будет хорошо? Она не могла лгать — по крайней мере не сейчас, когда ложь была так очевидна.

— Я бы хотела… — Она замолчала. Она услышала сирены раньше, чем Пиона. — Прости.

Пиона вытерла нос рукавом, оставив на нем склизкий след, и продолжила рыдать. Она не отвечала до тех пор, пока вой сирен не достиг ее слуха. Вскинув голову, она вглядывалась в даль, туда, где за кучами мусора был вход на свалку. Круглые глаза. Дрожащие губы. Лицо в красных пятнах.

Сердце у Золы сжалось.

Она ощущала себя абсолютно беспомощной. Если ей суждено было заболеть, она уже заболела.

Она рухнула на колени, обняв Пиону обеими руками. Пояс с инструментами впился ей в бедро, но она это едва заметила — Пиона вцепилась в ее футболку, разрыдавшись с новой силой.

— Прости.

— Что ты собираешься сказать маме и Перл?

Зола закусила губу:

— Я не знаю.

И затем:

— Правду, я думаю.

Она почувствовала вкус желчи во рту. Может быть, это знак. Может быть, нелады с желудком — это симптом болезни. Она посмотрела на руку, которой прижимала Пиону к себе. Все еще никаких пятен.

Пиона оттолкнула ее прочь и отшатнулась назад, в грязь.

— Отойди! Может быть, ты еще не заболела. Но они и тебя заберут. Тебе надо уйти отсюда.

Зола колебалась. Она услышала хруст шагов по алюминию и пластмассе. Она не хотела оставлять Пиону одну, но что, если она действительно еще не заразилась?

Она села на пятки, затем встала на ноги. Желтые огни приближались к ним из полной теней темноты.

Правая рука в перчатке вспотела. Дыхание снова стало поверхностным.

— Пиона…

— Уходи! Уходи отсюда!

Зола отступила назад. Назад. Едва ли имело смысл останавливаться, чтобы поднять свернутый магбелт. Она двигалась к выходу, чувствуя, что человеческие части ее тела находятся в таком же оцепенении, как протезы. Рыдания Пионы неслись ей вслед.

Три белых андроида встретили ее за углом. У них были желтые датчики, на головах красовались красные кресты; между ними, покачиваясь, ехала каталка — они толкали ее с двух сторон.

— Вы — жертва летумозиса? — спросил один из них невыразительным голосом.

Зола спрятала запястье.

— Нет. Моя сестра, Пиона Линь. Она там… идите налево.

Медроиды с каталкой пошли прочь от нее, вниз по тропинке.

Оставшийся медроид спросил:

— Был ли у вас прямой контакт с зараженным в последние двенадцать часов?

Зола открыла рот, колеблясь. Вина и страх скрутили ей внутренности.

Она могла солгать. Сейчас не было никаких доказательств, что она уже заразилась, но, если они заберут ее в карантин, у нее не останется ни малейшего шанса выжить.

Но если она пойдет домой, она может заразить всех. Адри. Перл. Всех этих детей, которые с визгом и смехом носятся в коридоре.

Она едва могла расслышать свой голос:

— Да.

— У вас наблюдаются признаки?

— Н-нет. Я чувствую какую-то странную легкость, но… — она заставила себя замолчать.

Медроид приблизился к ней, его гусеницы скрежетали по грязной земле. Зола отшатнулась от него, но он ничего не сказал, только медленно приближался, пока лодыжки Золы не прижались к гниющему ящику. В одной руке медроид держал ID-сканер, и тут из его туловища появилась третья рука — на месте клешней был шприц.

Зола дрожала, но не сопротивлялась — медроид уже обхватил ее правое запястье и ввел шприц. Она дрожала, глядя, как темная жидкость, почти черная в свете желтого датчика, втягивалась в шприц. Она не боялась игл, но мир начал кренироваться. Медроид вынул иглу как раз вовремя — в следующий миг она осела на ящик.

— Что вы делаете? — прошептала она.

— Произвожу забор крови для исследования на предмет содержания болезнетворных микроорганизмов летумозиса.

Зола услышала, как внутри андроида запускаются какие-то механизмы; их запуск сопровождался: еле слышными звуковыми сигналами. Датчик андроида потускнел, когда энергия распределилась между несколькими процессами.

Зола задержала дыхание, пока ее панель управления не включилась, заставив легкие сократиться.

— ID, — сказал андроид, протягивая ей сканер. Красноватый свет пробежал по ее запястью, и сканер пискнул. Андроид

отдернул сканер и спрятал его в полом туловище.

Она думала, сколько времени займет исследование ее крови, чтобы подтвердить, что она переносчик и это она виновата. Во всем.

Звук гусениц, ползущих по тропинке, приближался. Зола повернула голову — это возвращались два андроида с каталкой, на которой теперь сидела Пиона. Она обхватила колени руками. Взгляд широко распахнутых глаз дико метался по кладбищу старых автомобилей, словно пытаясь отыскать путь к бегству. Как будто она завязла в ночном кошмаре.

Но она не пыталась бежать. Никто никогда, не пытался сопротивляться, когда его забирали в карантин.

Их взгляды встретились. Зола открыла рот, но не смогла издать ни звука. Глазами она пыталась умолять о прощении.

Слабая-слабая улыбка тронула губы Пионы. Она подняла руку и помахала одними пальцами.

Зола помахала в ответ, зная, что на месте Пионы должна была быть она.

Однажды она уже выжила, перехитрив судьбу. Это ее должны были увозить сейчас. Это она должна была умереть. Она. Это все должно было случиться с ней.

Она попыталась сказать Пионе, что пойдет следом за ней. Что та не одна. Но тут андроид подал звуковой сигнал.

— Сканирование завершено. Болезнетворные микроорганизмы летумозиса не обнаружены. Прошедший проверку должен соблюдать дистанцию не менее пятидесяти футов от зараженного.

Зола моргнула. Облегчение и страх перекрутились у нее внутри.

Она не больна. Она не умрет.

Не пойдет с Пионой.

— Мы будем сообщать вам о последующих стадиях заболевания Пионы Линь. Благодарим за сотрудничество.

Зола обхватила себя руками, глядя, как Пиона по-младенчески свернулась на каталке, когда ее увозили прочь.

Глава 6

Зола крадучись шла сквозь пряную ночь; звук шагов по бетону отдавался, как будто обе ее подошвы были из стали. Для Золы пустынная ночь была соткана из звуков: вот гусеницы Ико, похрустывая, ползут по песку; потрескивает над ними масляная лампа уличного фонаря; слышится непрерывный гул сверхпроводника под улицей. Болт в лодыжке Золы звякает при каждом шаге. И все это меркнет и блекнет по сравнению с картинкой, которая крутится в голове.

Иногда ее интерфейс проделывал такие штуки — записывал моменты, когда эмоции были особенно сильны, и воспроизводил их снова и снова. Как дежавю — или как бывало, когда разговор окончен, но последнее слово еще долго висит в воздухе после того, как наступила тишина. Обычно ей удавалось остановить эту закольцованную память прежде, чем это сведет ее с ума, но сегодня вечером у нее просто не было на это сил.

Черная точка на коже Пионы. Ее крик. Шприц медроида — игла воткнута в локоть Золы, вверх по шприцу поднимается ее кровь. Пиона, маленькая и дрожащая, на каталке. Уже умирающая.

Она остановилась, прижав руки к животу, когда к горлу подкатила тошнота. Ико, ехавшая на несколько шагов впереди, остановилась, посветив на искаженное лицо Золы:

— Ты в порядке?

Свет пробежал вдоль всего тела Золы — и она была уверена, что Ико искала похожие на синяки пятна, хотя медроид и сказал, что она не заразилась.

Вместо ответа Зола стянула перчатки и сунула их в задний карман. Слабость проходила; она прислонилась плечом к уличному фонарю и сделала глоток влажного воздуха. Они почти пришли. Здание башни Феникса — на следующем углу; только верхняя его часть была видна в слабом свете месяца, остальная скрыта в тени. Окна черны за исключением нескольких, в которых горит свет, да еще тех, которые отражают голубоватый свет нетскринов. Зола посчитала этажи, отыскивая окна кухни и спальни Адри.

Свет, хотя и слабый, все еще горел где-то в недрах квартиры. Адри не была совой, но, возможно, она заметила, что Пионы еще нет дома. Или, может быть, не спала Перл — трудилась над каким-нибудь школьным проектом или посылала сообщения друзьям глубоко в ночи.

Может, это и к лучшему. По крайней мере, ей не придется их

будить.

— И что я собираюсь им сказать?

Свет датчика Ико на миг скользнул по зданию, затем опустился на землю, выхватывая из темноты разномастный мусор, валяющийся вдоль тротуара.

Зола вытерла вспотевшую ладонь о штаны и заставила себя двигаться вперед. Но как она ни старалась, она не могла найти нужных слов. Объяснения, оправдания. Как сказать женщине, что ее дочь умирает?

Она с размаху приложила к кодовому замку свой ID и на этот раз вошла с главного входа. Серый холл, единственным украшением которого был нетскрин с объявлениями для жильцов — повышение квартплаты, петиция о новом ID-сканере в парадной двери, объявление о пропавшей кошке. Потом в лифт, громыхавший старыми механизмами. Коридор был пуст, не считая человека из квартиры 1807, который прилег прямо на пороге своего дома. Золе пришлось убрать с прохода его руку, чтобы Ико не проехала прямо по ней. До Золы донеслось тяжелое дыхание и запах рисового вина.

С колотящимся сердцем она медлила перед квартирой 1820. Она не могла вспомнить, когда видео с Пионой прекратило повторяться в ее голове, — все затмило нервное напряжение.

Что она собиралась сказать?

Зола закусила губу и задержала запястье перед сканером. Свет крошечного датчика сменился зеленым. Она открыла дверь настолько спокойно, насколько могла.

Яркий свет из гостиной лился в прихожую. Зола мельком увидела экран — он транслировал произошедшее сегодня на рынке: языки пламени охватывали ларек булочницы снова и снова. Звук был выключен.

Зола вошла было в комнату, но остановилась, сделав полшага. Ико врезалась ей в ногу.

Из центра комнаты на нее смотрели три андроида с красными крестами на круглых головах. Медроиды чрезвычайного реагирования.

Позади них Адри в шелковом банном халате стояла напротив фальшивого камина, хотя сейчас голографическое пламя было выключено. Перл была все еще полностью одета и сидела на диване, подтянув колени к подбородку. Обе прижимали к носам сухие тряпки для мытья посуды и следили за Золой со смесью страха и отвращения.

У Золы скрутило живот. Она отступила на полшага назад, в прихожую, пытаясь понять, кто из них заразился, но быстро осознала, что ни одна из них не могла быть больна. Медроиды

забрали бы их немедленно. Они не защищали бы нос и рот. Все здание было бы в строгом карантине.

Она заметила тоненькую полоску бинта на локте у Адри. Их уже проверили.

Зола опустила свою курьерскую сумку на пол, но не выпустила из рук магбелт.

Адри прочистила горло и опустила тряпку от носа к груди. При слабом освещении она была похожа на скелет — мучнистая кожа, выступающие кости. Без макияжа были видны темные круги под налитыми кровью глазами. Она плакала, но теперь ее губы сжались в жесткую линию.

— Я получила сообщение час назад, — сказала она, когда в комнате повисла ледяная тишина. — Мне сообщили, что Пиону обнаружили на свалке в районе Тайхан и забрали в… — Ее голос прервался. Она опустила глаза. Когда она снова подняла их, ее взгляд сверкал: — Но тебе это уже известно, не так ли?

Зола отступила в сторону, пытаясь не смотреть на медроидов. Не дожидаясь ответа Золы, Адри сказала:

— Ико, можешь начать избавляться от вещей Пионы. Все, что она надевала за последнюю неделю, — на выброс, но вынеси это на улицу сама. Я не хочу, чтобы это забивало мусоропровод. Остальное, думаю, можно продать на рынке, — она говорила резко и уверенно, как будто этот список дел она повторяла про себя с того самого момента, как получила сообщение.

— Да, Линь-цзе, — сказала Ико, откатываясь обратно в прихожую. Зола осталась стоять, застыв, обеими руками держа магбелт, как щит. Хотя андроид не мог проигнорировать команду Адри, по тому, как медлительно Ико исполняла ее приказ, было ясно — она не хочет оставлять Золу в одиночестве, под взглядами пустых желтых датчиков медроидов.

— Как вышло, что моя младшая дочь оказалась этим вечером на Кладбище старых автомобилей?

Зола выставила магбелт пред собой — от плеча до кончиков носков. Он был из той же стали, что и ее рука, и почти так же потускнел; сейчас он казался ей продолжением ее самой. Язык распух, горло сжималось.

— Мне так жаль. Я не… я увидела черные точки и вызвала хувер чрезвычайного реагирования. Я не знала, что делать.

Глаза Адри на краткий миг наполнились слезами, но она тут же их сморгнула. Она уронила голову, уставившись на скрученную ткань. Обмякла у каминной доски.

— Я не была уверена, что ты вернешься сюда, Зола. Я ожидала в любую минуту получить еще одно сообщение — о том, что и мою подопечную забрали в карантин. — Адри отвела плечи

назад, подняла взгляд. Слабость прошла, взгляд темных глаз стал тверже. — Эти медроиды уже проверили меня и Перл. Ни на одну из нас чума не распространилась.

Зола начала кивать с облегчением, но Адри продолжала:

— Скажи мне, Зола. Если ни у меня, ни у Перл ничего не нашли, где Пиона могла подхватить заразу?

— Я не знаю.

— Не знаешь? Но ты знала о вспышке сегодня на рынке.

У Золы приоткрылся рот. Ну, конечно. Тряпки. Медроиды. Они думали, что она заразилась.

— Я не могу понять, Зола. Как ты могла быть такой эгоисткой.

Она мотнула головой: нет!

— Они и меня проверили — там же, на свалке. У меня ничего нет.

Она вытянула руку, демонстрируя порез на внутреннем сгибе локтя.

— Они могут еще раз проверить, если хотят.

Один из медроидов впервые подал признаки жизни, посветив на маленькую красную точку, где белая игла недавно прокололо кожу. Но они не двигались, и Адри не подгоняла их. Вместо этого она сосредоточилась на фотографии в рамке на каминной доске, затерявшейся среди детских фотографий Перл и Пионы. Фотографий, сделанных, когда они жили в прежнем доме, с садом. Фотографий самой Адри до того, как она перестала улыбаться. Фотографий с их отцом.

— Мне так жаль, — сказала Зола. — Я тоже ее люблю.

Адри коснулась рамки.

— Не оскорбляй меня, — сказала она, подвинув рамку поближе к себе. — Ты… ты и тебе подобные, вы хоть знаете, что такое любовь? Вы можете чувствовать хоть что-нибудь, или это просто… программа?

Она говорила сама с собой, но ее слова больно ранили. Зола осмелилась взглянуть на Перл, которая все еще сидела на диване, наполовину спрятав лицо в колени, но уже не прижимала тряпку к лицу. Заметив взгляд Золы, она уставилась в пол.

Зола перехватила поудобнее магбелт.

— Разумеется, я знаю, что такое любовь.

И печаль. Если бы она могла расплакаться прямо сейчас, в доказательство своих слов!..

— Хорошо. Тогда ты поймешь, что я делаю ровно то, что сделала бы любая мать, чтобы защитить своих детей.

Адри положила фото на каминную полку изображением вниз. Перл, не вставая, отвернулась, прижавшись щекой к коленям.

Страх снова начал скручивать Золе живот.

— Адри?

— Вот уже пять лет, как ты стала частью этого дома, Зола. Пять лет, как Гаран оставил мне тебя. Я до сих пор не знаю, что его заставило, до сих пор не знаю, почему он чувствовал себя обязанным путешествовать по Европе, по всей Европе — и все ради чего… Ради того, чтобы найти какого-то… мутанта и взвалить на себя заботу о нем. Он никогда не объяснял мне. Может быть, однажды он объяснил бы. Но мне ты никогда не была нужна. Ты это знаешь.

Зола закусила губу. На нее смотрели медроиды с пустыми лицами.

Да, она знала. Но не думала, что Адри когда-нибудь выскажется так ясно.

— Гаран хотел, чтобы о тебе позаботились, — и я делала все, что в моих силах. Даже когда он погиб, даже когда закончились деньги, даже когда… все развалилось.

Голос Адри надломился, и она прижала ладонь ко рту. Зола видела, как дрожат ее плечи, слышала прерывистые вдохи, когда Адри пыталась подавить рыдания.

— Но Гаран был бы со мной согласен. Пиона важнее. Наши девочки важнее.

Зола попыталась что-то сказать тонким от напряжения голосом. Она слышала в словах Адри попытку оправдаться. И решимость.

Ее передернуло:

— Адри…

— Если бы не ты, Гаран был бы все еще жив! И Пиона…

— Я не виновата!

Зола заметила белую вспышку, увидела, как Ико нерешительно мнется в прихожей. Ее датчик практически почернел.

Зола пыталась что-то сказать. Чувствовала бешеное биение пульса; перед глазами плыли белые точки. В углу зрения замерцал красный огонек — предупреждение: программа рекомендует успокоиться.

— Я не просила, чтобы со мной сделали это! Не просила меня удочерять — ни вас, ни кого бы то ни было! Я не виновата!

— Я тоже! — Адри внезапно обрушила удар на экран, одним взмахов выбив его из скоб-держателей; тот упал и разбился, увлекая с собой две пластинки — свидетельства достижений ее мужа. Куски пластика рикошетом отскакивали от рваного ковра.

Зола отшатнулась назад, но приступ ярости прошел так же быстро, как и появился. Нервное дыхание Адри уже замедлялось.

Она так ревностно старалась никогда не причинять беспокойство соседям. Быть незаметной. Не устраивать беспорядка. Не делать ничего, что могло бы бросить тень на их репутацию. Даже сейчас.

— Зола, — сказала она, вытирая пальцы тряпкой. — Ты пойдешь с этими медроидами. Не устраивай сцену.

Пол под ногами у Золы закачался.

— Что? Зачем?

— Потому что это наш долг — сделать все, что мы можем, а ты знаешь, как высок спрос на… тебе подобных. Особенно сейчас. — Она прервалась. Ее лицо пошло красными пятнами. — Мы все еще можем помочь Пионе. Им просто нужны киборги, чтобы найти лекарство.

— Вы записали меня в волонтеры для исследований чумы? — Язык ей повиновался с трудом.

— А что еще я должна была сделать?

У Золы отвисла челюсть. Она оторопело помотала головой, а три желтых датчика сфокусировались на ней.

— Но… после исследований никто не выживает. Как вы могли…

— Никто не выживает после чумы. Если Пиона тебе так небезразлична, как ты заявляешь, ты сделаешь, как я сказала. Если бы ты не была такой эгоисткой, ты бы сама записалась в волонтеры, как только вышла с рынка сегодня днем, прежде чем прийти сюда и разрушить мою семью. Во второй раз.

— Но…

— Заберите ее. Она ваша.

Зола была слишком ошеломлена, чтобы двигаться, когда ближайший к ней андроид поднял сканер к ее запястью. Сканер издал писк и снова втянулся.

— Линь Зола, — сказал металлический голос, — вашей добровольной жертвой восхищаются все жители Восточного Содружества. Она будет оценена по достоинству. Вашим близким будет выплачена компенсация в знак благодарности за ваш вклад в наши исследования.

Ее пальцы с силой сжали магбелт.

— Нет, вот в чем все дело! Вам плевать на Пиону, плевать на меня, вам просто нужна эта идиотская компенсация!

Глаза Адри расширились, на висках запульсировали жилки — их было хорошо видно под кожей, туго обтягивающей череп.

Она в два шага пересекла комнату и хлестнула Золу по лицу. Зола упала у дверей и прижала ладонь к щеке.

— Заберите ее, — сказала Адри. — Заберите ее прочь с глаз моих!

— Я не записывалась в волонтеры! Вы не можете забрать

меня против воли!

Андроид был невозмутим.

— Ваш официальный опекун уполномочил нас взять вас под надзор, если потребуется, с применением силы.

Зола сжала пальцы, прикрыв голову рукой.

— Нет! Вы не можете заставить меня быть подопытным кроликом.

— Да, — сказала Адри. — Могу, пока ты находишься под моей опекой.

— Вы и не думаете, что это может спасти Пиону, так что не притворяйтесь, что это ради нее! У нее в запасе дни. И шансы найти вакцину до того, как…

— Значит, моя единственная ошибка в том, что я ждала так долго, прежде чем избавиться от тебя. — Адри теребила в руках. — Поверь мне, Зола, ты — жертва, о которой я никогда не буду сожалеть.

Гусеницы одного из медроидов зашуршали по ковру.

— Вы готовы следовать за нами?

Зола сжала губы и убрала руку от лица. Бросила взгляд на Адри, но в глазах ее мачехи не было ни тени сочувствия. И Зола почувствовала, как в ней закипает какая-то новая ненависть.

— Нет. Не готова.

Она размахнулась и с силой ударила магбелтом по черепу первого андроида. Робот упал на пол; гусеницы продолжали двигаться в воздухе.

— Я не пойду! Ученые и так достаточно сотворили со мной!

К ней катился следующий андроид:

— Процедура двести сорок В: принудительное сопровождение киборга, подлежащего рекрутскому набору.

Зола презрительно ухмыльнулась и ударила концом магбелта в сенсор андроида, разбив линзу и опрокинув его на спину.

Она развернулась и оказалась лицом к лицу с третьим андроидом, уже прокручивая в мыслях, как выбежит из квартиры. Думая, не слишком ли опасно вызывать хувер. Прикидывая, где достать нож, чтобы вырезать ID-чип из запястья — с чипом они выследят ее, сомневаться не приходится. Гадая, достаточно ли быстро может передвигаться Ико, чтобы следовать за ней. И хватит ли ей сил всю дорогу до Европы проделать на своих ногах.

Медроид приближался слишком быстро. Она запнулась, пытаясь изменить траекторию магбелта, но металлические клещи медроида уже обхватили ее запястье. Выстрелили электроды. Слишком сильное напряжение для ее проводов. Ее рот раскрылся, но крик прилип к гортани.

Она уронила магбелт и отключилась. Красные

предупреждающие сигналы мигали перед глазами до тех пор, пока мозг, повинуясь инстинкту самосохранения, как у всех киборгов, не заставил ее замолчать.

Глава 7

Доктор Дмитрий Эрланд провел пальцем по портативному экрану, изучая историю пациента. Мужчина. Тридцать два года. У него был ребенок, но никакого упоминания о супруге. Безработный. Стал киборгом три года назад в ходе лечения после несчастного случая на производстве. Несомненно, большую часть сбережений пришлось потратить на операцию. Он проделал долгий путь из самого Токио.

Слишком многое говорило против его кандидатуры — и этого доктор Эрланд не мог объяснить никому. Зажав язык между зубами, доктор издал губами не вполне пристойный звук, выражая разочарование.

— Что вы думаете, доктор? — спросила сегодняшняя ассистентка, темнокожая девушка, имя которой он никак не мог запомнить и которая была выше доктора на четыре дюйма как минимум.

Ему нравилось давать ей задания, которые заставляли ее работать сидя.

Доктор Эрланд медленно наполнил легкие, потом резко выдохнул и сменил данные на экране диаграммой соотношения тела пациента. Шесть целых четыре десятых процента были искусственными — правая ступня, немного проводки, и контрольная панель размером с ноготь большого пальца, вживленная в бедро.

— Слишком старый, — сказал он, бросая порт на стойку перед окном наблюдения. По ту сторону стекла лежал пациент. Он казался спокойным — только пальцы выбивали безумную дробь по пластиковым подушкам. Он был босиком, но протезы были покрыты кожей.

— Слишком старый? — переспросила ассистентка. Она встала и подошла к стеклу, взмахнув портскрином в сторону доктора. — Теперь тридцать два — это слишком старый?

— Мы не можем его использовать.

Она сложила губы в трубочку и скривила рот.

— Доктор, это будет уже шестой доброволец за месяц, от которого вы отказываетесь. Мы не можем себе позволить продолжать в том же духе.

— У него есть ребенок. Сын. О чем прямо здесь и написано.

— Да, ребенок, которому будет чем поужинать, потому что его папочке посчастливилось соответствовать нашим требованиям.

— Соответствовать? С соотношением шесть целых и две

десятых процента?

— Это лучше, чем ставить опыты на людях. — Она уронила портскрин рядом с подносом с чашками Петри. — Вы действительно собираетесь его отпустить?

Доктор Эрланд заглянул в палату карантина, издав тихий гортанный стон. Расправил плечи и надел лабораторный халат.

— Введите ему плацебо.

— Пла… Но он же не болен!

— Да, но если мы ничего ему не введем, у казначейства могут возникнуть вопросы, чем мы тут занимаемся. А теперь введите ему плацебо и составьте отчет, а он может быть свободен.

Девушка фыркнула и подошла к полке, чтобы взять с нее подписанную пробирку.

— И чем же мы тут занимаемся?

Доктор Эрланд поднял палец, но девушка посмотрела на него с таким раздражением, что он забыл, что хотел сказать.

— Напомните, как вас зовут?

Она закатила глаза:

— Вот уж действительно. Я всего-то навсего вам ассистирую каждый понедельник последние четыре месяца.

Она крутанулась, повернувшись к нему спиной, длинная черная коса взлетела и хлестнула ее по бедру. Брови доктора Эрланда сошлись в одну линию — он уставился на косу, глядя, как та жалит сама себя, закручиваясь в кольцо. Как блестящая черная змея поднимает голову. Шипит на него. Готовится к броску.

Доктор резко закрыл глаза и сосчитал до десяти. Когда он открыл их вновь, коса была просто косой. Блестящими черными волосами. Безобидными.

Стянув шляпу, доктор быстро провел по своим волосам — седым и ощутимо менее густым, чем у ассистентки. Видения становились все хуже.

Дверь лаборатории открылась.

— Доктор?

Он вздрогнул и снова надел шляпу.

— Да? — отозвался он и взял портскрин. Ли, еще один ассистент, стоял в дверях, держась за дверную ручку. Доктору всегда нравился Ли — тоже высокий, но не настолько, как девушка.

— Доброволец ожидает в комнате 6Д, — сказал Ли. — Тот, которого привезли прошлой ночью.

— Доброволец? — сказала девушка. — Давно их у нас не было.

Ли вынул портскрин из нагрудного кармана.

— Тоже молодая, подросток. Мы еще не проводили диагностику, но, похоже, процент соотношения будет высоким. Искусственных кожных покровов нет.

Доктор Эрланд оживился и поскреб висок уголком портскрина.

— Девочка-подросток, говорите? Как… — Доктор замялся, подбирая подходящее слово. Повезло? Совпало? Удачно?

— Как подозрительно, — тихо сказала девушка.

Доктор обернулся и увидел, что она зло смотрит на него:

— Подозрительно? И что же вы хотите этим сказать?

Она оперлась о край стойки, став ниже, так что теперь их глаза были вровень, но выглядела она по-прежнему угрожающе — руки сложены на груди, и по глазам ясно, что слова доктора не произвели на нее никакого впечатления.

— Всего лишь то, что вы всегда более чем готовы ввести плацебо мужчинам-киборгам, которые к нам попадают, но стоит вам услышать краем уха о девушке, особенно о молоденькой, глаза так и горят.

Он открыл рот, закрыл, потом начал заново.

— Чем моложе, тем здоровее, — сказал он. — Чем здоровее, тем меньше сложностей у нас возникнет. И не я виноват, что жребий выпадает девушкам.

— Меньше сложностей. Верно. В любом случае им придется умереть.

— Что ж. Благодарю вас за оптимизм. — Он жестом указал на мужчину по ту сторону стекла. — Введите ему плацебо, пожалуйста. И присоединитесь к нам, когда закончите.

Доктор вышел из лаборатории вместе с Ли и прикрыл лот ладонью:

— Напомните мне еще раз, как ее зовут?

— Фатин?

— Фатин! Никак не могу запомнить. В один из таких дней я забуду, как меня самого зовут.

Ли издал смешок, и доктор Эрланд был рад, что все свел к шутке.

Казалось, люди не обращали внимания, что старик выживает из ума, если его самого не слишком это беспокоило.

Коридор был пуст, если не считать двух медроидов, замерших у лестницы в ожидании распоряжений. До лаборатории 6Д было недалеко.

Доктор Эрланд вытащил из-за уха стилус и постучал по портскрину, загружая информацию, которую переслал ему Ли. На экране всплыл профайл нового пациента.

ЛИНЬ ЗОЛА, ДИПЛОМИРОВАННЫЙ МЕХАНИК

ID #0097917305
РОД. 29 НОЯ 109 Т.Э.
0 СООТВЕТСТВИЙ В МЕДИА
РЕЗИДЕНТ НОВОГО ПЕКИНА. ВОСТОЧНОЕ СОДРУЖЕСТВО НАХОДИТСЯ ПОД ОПЕКОЙ ЛИНЬ АДРИ

Ли открыл дверь в лабораторию. Заложив стилус за ухо, доктор вошел, нервно постукивая пальцами.

Девушка лежала на столе по ту сторону окна наблюдения. Стерильная палата карантина была так ярко освещена, что ему пришлось прищуриться. Медроид как раз закрывал пластиковую пробирку, наполненную кровью, чтобы опустить ее на конвейер и отправить в лабораторию крови.

Руки и запястья девушки были пристегнуты металлическими ремнями. Левая рука была стальной, потертой, с потемневшими суставами, как будто нуждалась в хорошей чистке. Штанины были закатаны до голеней, открывая взору одну настоящую ногу и одну искусственную.

— К ней уже подключились? — спросил доктор, опуская портскрин в карман.

— Еще нет, — отозвался Ли. — Но вы посмотрите на нее.

Доктор Эрланд застонал, подавляя разочарование.

— Да, процент соотношения будет внушительным. Но не самого лучшего качества, верно?

— Может, с виду и не очень, но видели бы вы ее проводку. Автоконтроль и четырехуровневая нервная система.

Доктор Эрланд вскинул бровь — и тут же ее опустил.

— Она оказала сопротивление?

— Медроидам было непросто ее доставить. Она отключила двоих… магбелтом или чем-то вроде, прежде чем удалось парализовать ее систему. Она всю ночь без сознания.

— Но она записалась в добровольцы?

— Ее официальный опекун записал. Она подозревает, что наша новая пациентка уже контактировала с заболевшим. С сестрой — ее вчера привезли.

Доктор потянул на себя микрофон с другого края стола.

— Просыпайся, просыпайся, спящая красавица, — пропел он, легко постукивая по стеклу.

— Ее оглушили зарядом в двести вольт, — сообщил Ли, — но я думаю, она придет в себя с минуты на минуту.

Доктор Эрланд заложил в карманы большие пальцы.

— Что ж. Нам не нужно ее сознание. Давайте приступим.

— О, замечательно, — сказала Фатин, появляясь в дверном проеме. — Рада, что вы нашли кого-то, кто в вашем вкусе.

Доктор Эрланд прижал палец к стеклу.

— Молодая, — сказал он, глядя на металлическую обшивку стопы и кисти девушки. — Здоровая.

С гадкой ухмылкой Фатин заняла кресло перед нетскрином, на котором отображалась история киборга.

— Если тридцать два — это старый и дряхлый, то что тогда говорить о вас, а, старик?

— О, я крайне ценен на рынке антиквариата. — Доктор Эрланд наклонился к микрофону. — Мед? Подготовь, пожалуйста, детектор соотношения.

Глава 8

Она лежала на погребальном костре, спиной на горячих углях. Огонь. Дым. На коже вскипают волдыри. Ее стопа и кисть исчезли, оставив обрубки там, где когда-то их вживили хирурги. Из обрубков свисают мертвые провода. Она попыталась ползти, но была беспомощна, как перевернувшаяся черепаха. Она выбросила вперед здоровую руку, пытаясь оттащить свое тело от огня, но угли повсюду, куда ни глянь, до самого горизонта.

Она уже видела этот сон раньше — сотни раз. Однако сейчас сон изменился.

Обычно в этом сне она была одна. Теперь же ее окружали другие покалеченные жертвы — они корчились среди углей, стонали, умоляли дать воды. У всех отсутствовали какие-нибудь конечности. От некоторых остались только торс и голова — и рот, раскрытый в бесконечной мольбе. Зола скорчилась, пытаясь защититься от них — она заметила голубые пятна на их коже. На шеях, на обрубках бедер, на ссохшихся запястьях.

Она увидела Пиону. Пиона обвиняла Золу. Это из-за нее она заразилась. Это Зола принесла чуму в их дом. Это все ее вина.

Зола открыла рот, чтобы умолять о прощении, но осеклась, увидев свою здоровую руку. Ее кожа была покрыта голубыми пятнами.

От жара зараженная кожа начала плавиться, обнажая металл и провода под слоем плоти.

Она снова встретила взгляд Пионы, но голос сестры звучал как-то странно, слишком глубоко.

— Подготовь, пожалуйста, детектор соотношения.

Слова зажужжали, как пчелы, в ушах Золы. Ее тело тряслось, но она не могла двигаться. Руки и ноги слишком отяжелели. Запах дыма все еще оставался в ноздрях, но пламя затихало, оставляя после себя только ожоги на спине. Пиона растаяла. Растаяла и яма, наполненная углями.

По нижнему краю поля зрения побежала, прокручивалась, зеленая строка.

Сквозь темноту Зола услышала знакомый звук — стрекотали гусеницы андроида. Ико?..

ДИАГНОСТИКА ЗАВЕРШЕНА. ВСЕ СИСТЕМЫ СТАБИЛИЗИРОВАНЫ. ПЕРЕЗАГРУЗКА ЧЕРЕЗ 3… 2… 1…

Над головой раздался какой-то щелчок. Зажужжало электричество. Зола почувствовала, как у нее дергается палец — едва ли не большее, на что сейчас было способно ее тело.

Тьма начала теплеть, где-то вспыхнул свет, сквозь веки он

казался малиновым.

Зола заставила себя открыть глаза, щурясь в резком свете люминисцентов.

— О! Джульетта просыпается.

Она снова закрыла глаза, чтобы дать им привыкнуть к яркому свету. Она попыталась поднять руку, чтобы прикрыть глаза, но что-то ее не пускало.

Нервы пронзила паника. Она снова открыла глаза и повернула голову, силясь разглядеть говорившего.

Стена была зеркальной. На нее дикими глазами смотрело ее собственное лицо. Хвостик растрепался, спутанные волосы уныло свисали и явно нуждались в мытье. Кожа была слишком бледной, почти просвечивала, как если бы напряжение последних часов высосало из нее энергии больше, чем у нее на самом деле было.

С нее сняли перчатки и ботинки и закатали штанины. В зеркале она видела не девочку — механизм.

— Как вы себя чувствуете, мисс… эээ… Линь? — спросил бестелесный голос с акцентом, происхождение которого она не смогла определить. Европейский? Американский?

Она облизала запекшиеся губы и вытянула шею, чтобы посмотреть на андроида, стоявшего за ней. Он управлял каким-то аппаратом, стоявшим на стойке среди другой аппаратуры. Медицинское оборудование. Хирургические игрушки. Капельницы. Зубцы.

Зола осознала, что она подсоединена к одному из аппаратов проводами, отходящими от ее подбородка и лба.

На стене справа от нее висел нетскрин, отображавший ее личные данные: имя, идентификационный номер. Кроме нее самой и андроида, в комнате никого не было.

— Если вы будете сохранять спокойствие и окажете содействие, мы не займем у вас много времени, — сказал голос.

Зола нахмурилась.

— Очень смешно, — сказала она, распластанная под металлическими полосками ремней-фиксаторов. — Я на это не подписывалась. Не записывалась в добровольцы на ваши дурацкие тесты.

Тишина. Что-то запищало у нее за спиной. Оглянувшись, она увидела, что андроид вытягивает из аппарата два зубца, прикрепленные к проводам. Вверх по позвоночнику пополз холодок.

— Держите эту штуку от меня подальше!

— Это совершенно безболезненно, мисс Линь.

— Мне все равно. Убирайтесь из моей головы. Я не ваш лемминг-доброволец.

Голос хмыкнул:

— У меня есть подпись от мисс Линь Адри. Вы, вероятно, знакомы.

— Она не моя мать! Она всего лишь…

— Ваш официальный опекун?

Зола тяжело уронила голову на кушетку. Тонкая бумага под ней помялась.

— Это неправильно.

— Не волнуйтесь, мисс Линь. Своим пребыванием здесь вы оказываете своим соотечественникам неоценимую услугу.

Она уставилась в зеркало, надеясь, что смотрит на говорящего по ту сторону стены.

— Да ну? А они что-нибудь когда-нибудь сделали для меня?

Вместо ответа голос просто сказал:

— Мед, пожалуйста, продолжай.

Зола рванулась прочь, едва не свернув шею в попытке избежать холодных зубцов, но андроид уже схватил ее голову с безразличной механической силой и прижал правую щеку к бумажной простыне. Она пыталась извернуться, дергая руками и ногами, но все было бесполезно.

Возможно, если бы она сопротивлялась сильней, они бы вырубили ее снова. Она не была уверена, будет это лучше или хуже, но воспоминание о яме пылающих углей заставило ее прекратить сопротивление.

Ее сердце бешено колотилось, когда андроид открыл щиток у нее на затылке. Она закрыла глаза, пытаясь представить себя где угодно еще, только не в этой холодной стерильной комнате. Она не хотела думать о двух металлических зубцах, которые вставляли в ее контрольную панель — ее мозг, — но об этом нельзя было не думать, она слышала, как это происходит.

Тошнота. Она сглотнула желчь.

Она услышала щелчок зубцов. Она не могла ничего почувствовать — там не было нервных окончаний. Но дрожь, кажется, раздирала ее, заставляя руки покрываться гусиной кожей. Дисплей сетчатки известил ее, что теперь она подключена к детектору соотношения 2.3:

СКАНИРОВАНИЕ… 2 %… 7 %… 16 %…

Аппарат жужжал на столе рядом с ней. Зола представила тонкий поток электричества, скользящего по ее проводам. Сильнее всего это чувствовалось там, где кожа соединялась с металлом, — как покалывание в тех местах, где прекращался кровоток.

63 %…

Зола стиснула зубы. Кто-то уже побывал до этого в ее голове.

Факт, о котором она никогда не забывала — и всегда игнорировала. Какой-то хирург, какие-то незнакомые люди, которые открыли ее черепную коробку и вставили эту искусственную систему из проводов и проводников, пока она лежала, беспомощная, распластанная перед ними. Кто-то подменил ее мозг. Кто-то подменил ее.

78 %…

Она захлебнулась криком, который рвался выплеснуться из нее.

Это было безболезненно. Безболезненно. Но кто-то находился в ее голове. Внутри нее. Вторжение. Насилие. Она попыталась дернуться в сторону, но андроид твердо держал ее.

— Убирайтесь! — Крик эхом вернулся к ней, отразившись от холодных стен.

СКАНИРОВАНИЕ ЗАВЕРШЕНО.

Медроид отсоединил зубцы. Зола лежала, дрожа, ее сердце колотилось так, что, казалось, готово вот-вот разбиться о грудную клетку.

Медроид не обеспокоился тем, чтобы закрыть щиток у нее на затылке.

Зола ненавидела все это. Ненавидела Адри. Ненавидела безумный голос за зеркалом. Ненавидела неизвестных людей, превративших ее в это.

— Спасибо за достойное звезд сотрудничество, — сказал бестелесный голос. — Запись вашего кибернетического состава займет несколько минут, а затем мы продолжим. Пожалуйста, устраивайтесь поудобней.

Зола проигнорировала его и отвернулась от зеркала.

Это был один из тех редких моментов, когда она радовалась, что у нее нет слезных каналов, иначе — она была уверена — разревелась бы, шмыгая носом, и возненавидела бы себя за это еще больше.

Ей были слышны голоса, но они бормотали на каком-то своем профессиональном жаргоне ученых, которого она не понимала. Медроид суетился позади нее, убирая детектор соотношения. Готовя ее для следующего орудия пытки.

Зола открыла глаза. Нетскрин на стене изменился, он больше не показывал данных о ее жизни. Ее идентификационный номер все еще значился вверху экрана, озаглавливая голографическую диаграмму.

Диаграмму девочки.

Девочки, полной проводов.

Это выглядело, как если бы кто-то рассек ее посередине, разделив переднюю и заднюю части, и поместил картинку в

медицинский учебник. Ее сердце, ее мозг, ее кишечник, ее мышцы, ее голубые вены. Ее панель управления, ее искусственные рука и нога, провода, которые проходят от черепа по позвоночнику к протезам. Шрамы там, где плоть переходит в металл. Маленькие темные квадратики в запястьях — чипы с идентификационным номером.

Но это она и так знала. Этого она ожидала.

Она не знала о металлических позвонках в позвоночнике, четырех металлических ребрах, не знала о синтетической ткани вокруг сердца и о металлических пластинах вдоль костей в правой ноге.

Внизу экрана значилось:

СООТНОШЕНИЕ: 36,28 %

На 36,28 процента она не была человеком.

— Благодарю вас за терпение. — Внезапно зазвучавший вновь голос шокировал ее. — Вы, как вы, несомненно, и сами уже заметили, образцовая модель современной науки, юная леди.

— Оставьте меня, — прошептала она.

— Сейчас произойдет следующее. Медроид введет вам раствор, на десять процентов состоящий из возбудителей летумозиса, — произнес голос. — Они магнитно маркированы, так что вы сможете наблюдать их на голографической диаграмме в реальном времени в виде зеленых точек. Как только ваше тело войдет в первую стадию заболевания, в игру вступит ваша иммунная система и попытается уничтожить микробы, но потерпит неудачу. Тогда ваше тело вступит во вторую стадию болезни, которая начинается, когда мы видим синие пятна на вашей коже, похожие на ушибы. На этой стадии мы введем вам раствор с последней партией антител, которые в случае, если наши разработки были успешны, полностью остановят возбудителей. Абракадабра — и вы поспеете домой как раз вовремя для клецек. Вы готовы?

Зола пристально посмотрела на голограмму и представила, как наблюдает собственную смерть. В реальном времени.

— Сколько разных антител вы тестировали?

— Мед?..

— Двадцать семь, — сказал медроид.

— Но, — продолжил голос с акцентом, — каждый раз они гибнут чуть медленнее.

Пальцы Золы смяли бумажную простыню.

— Я думаю, что мы все готовы. Мед, продолжай. Шприц А.

Какая-то возня, звон и стук на столе — и вот медроид оказался позади нее. Обшивка его торса открылась, обнажив третью руку, которая заканчивалась шприцом, как у андроидов

чрезвычайного реагирования.

Зола попыталась увернуться, но ей некуда было деваться.

Представив, как бестелесный голос по ту сторону зеркала наблюдает за ней и смеется, видя ее бесполезное сопротивление, она застыла и изо всех сил постаралась лежать спокойно. Быть сильной. Не думать о том, что они с ней делают.

Она почувствовала, какие холодные у андроида пальцы-зубцы, когда он взял ее за локоть — на нем все еще не зажили следы уколов: у нее дважды брали кровь за последние двенадцать часов. Она скорчилась, так что мышцы туго обтянули кости.

— В вену легче попасть, если вы расслаблены, — сказал андроид гулким голосом.

Зола напрягла мышцы руки так, что рука начала трястись. Кто-то из докторов фыркнул — как будто бесплотный голос веселили ее кривлянья.

Андроид был хорошо запрограммирован. Вопреки ее мятежу игла нашла и проколола вену с первого раза. Зола задохнулась.

Укол. Просто укол. Воля к сопротивлению исчезла, как только прозрачная жидкость влилась в кровь.

Книга вторая

Вечером, когда она уставала от работы, ей приходилось ложиться спать не в постель, а на полу, рядом с печкой, на золе.

Глава 9

— Успешная передача возбудителей, — сказал Ли. — Все реакции нормальные. Кровяное давление стабилизируется. Признаки второй стадии ожидаются завтра, в районе десяти утра. — Он хлопнул в ладоши и развернулся на стуле лицом к доктору Эрланду и Фатин. — Значит, мы можем отправляться по домам и хорошенько вздремнуть, верно?

Доктор Эрланд шмыгнул носом. Он вел пальцем по экрану, медленно поворачивая голографическое изображение пациента. Двадцать маленьких зеленых огоньков двигались по кровотоку, медленно распространяясь по венам. Но он видел это раньше десятки раз. Сейчас его больше занимала искусственная часть пациента.

— Вы когда-нибудь раньше видели что-то подобное? — сказала Фатин, устраиваясь рядом с ним. — Денег с продажи лишь одной панели управления хватит, чтобы покрыть компенсацию семье.

Доктор Эрланд постарался посмотреть на нее с безразличием, но ничего не вышло, стоило ему только поднять голову, чтобы взглянуть на Фатин. Зарычав, он резко отвернулся и возвратился к голограмме. Он постучал по верхушке позвоночника, где соединялась пара металлических позвонков, и увеличил изображение. То, что до сих пор казалось маленькой тенью, сейчас выглядело слишком вещественным, слишком геометрическим.

Фатин скрестила руки и наклонилась:

— Что это?

— Я не уверен, — сказал доктор Эрланд, поворачивая изображение для лучшего обзора.

— Выглядит, как чип, — сказал Ли, вставая, чтобы присоединиться к ним.

— В позвоночнике? — спросила Фатин. — Какой ей от этого толк?

— Я просто сказал, как это выглядит. Или, может быть, они напортачили с позвоночником и пришлось что-то заново сваривать, например.

— Это не просто сварной шов. — Фатин указала на изображение: — Смотрите, вот здесь гребни, как будто он вживлен прямо в… — Она колебалась.

Оба — и Фатин и Ли — обернулись к доктору Эрланду, который следил за маленьким зеленым огоньком, только что появившимся в поле зрения.

— Как маленький вредоносный светлячок, — пробормотал доктор, разговаривая сам с собой.

— Доктор, — сказала Фатин, снова привлекая его внимание, — почему у нее чип вживлен в нервную систему?

Доктор откашлялся.

— Возможно, — сказал он, вынимая очки из нагрудного кармана и плавно водружая их на нос, — ее нервная система была травмирована.

— Из-за несчастного случая с хувером? — удивился Ли.

— Повреждения спинного мозга были частым явлением до того, как управление хувером было полностью передано компьютерным навигаторам. — Доктор поскреб ногтем по экрану, разворачивая голограмму так, чтобы на ней был виден весь торс. Он прищурился, глядя сквозь линзы очков на экран, его пальцы порхали по изображению.

— Что вы ищете? — спросила Фатин.

Доктор Эрланд уронил его руку и взглянул на неподвижную девочку по ту сторону окна.

— Чего-то не хватает.

Шрам вокруг запястья. Унылый блеск искусственной ноги. Грязь под ногтями.

— Чего? — спросил Ли. — Чего не хватает?

Доктор Эрланд шагнул поближе к окну и вспотевшей ладонью оперся о стойку.

— Маленького зеленого светлячка.

Ли и Фатин обменялись взглядами у него за спиной, прежде чем вернуться к голограмме. Они начали считать — он про себя, она вслух, и Фатин, охнув, остановилась на номере двенадцать.

— Один только что исчез, — сказала она, указывая на пустую точку на правом бедре девочки. — Возбудитель, он только что был здесь, я смотрела прямо на него, а теперь он исчез.

Пока они смотрели на экран, еще две точки вспыхнули и исчезли.

Ли схватил свой портскрин со стола и приготовился печатать.

— Ее иммунная система просто взбесилась, — сказал он, наклоняясь к микрофону.

— Мед, пожалуйста, возьмите у нее второй образец крови. Быстро.

Девочка вздрогнула от звука его голоса.

Фатин встала рядом с ним у окна.

— Мы еще не вводили ей антидот, — сказала она.

— Нет, — подтвердил Ли.

— Так как же…

Доктор Эрланд прикусил ноготь большого пальца, чтобы

унять головокружение.

— Тогда идите и принесите мне первый образец крови, — сказал он, пятясь и почти боясь отвести взгляд от девочки-киборга. — Когда все микробы исчезнут, переведите ее в лабораторию четыре.

— Лаборатория четыре не предназначена для карантина, — сказал Ли.

— Неважно. Она не будет заразной. — Доктор Эрланд щелкнул пальцами на полпути к двери. — И, наверное, пусть Мед ее развяжет.

— Развяжет? — Лицо Фатин искривилось от изумления. — Вы уверены, что это хорошая идея? Она была в ярости, когда медроиды пришли за ней, помните?

Ли сложил руки на груди:

— Она права. Не хотел бы я оказаться с той стороны стены, когда она разозлится.

— В таком случае вам нечего опасаться, — сказал доктор Эрланд. — Я встречусь с ней один.

Глава 10

Зола вздрогнула, когда таинственный голос снова наполнил комнату, требуя новой порции крови от жертвенного ягненка. Она взглянула в зеркало, не обращая внимания на медроида, который готовил очередную иглу с механической точностью.

Она сглотнула, смачивая горло.

— Когда мне введут антидот?

Она подождала, но ответа не последовало. Андроид сжал металлические пальцы вокруг ее руки. Она вздрогнула от холода, затем игла снова проткнула воспаленную кожу на сгибе локтя.

Теперь след останется на несколько дней.

Потом она вспомнила, что завтра она будет мертва. Или будет умирать.

Как Пиона.

Ее желудок сжался. Может быть, Адри была права. Может быть, это и к лучшему.

Дрожь пробежала по ее телу. Металлическая нога тяжело лязгнула о полоски-фиксаторы.

А может быть, и нет. Может быть, антидот сработает.

Она вдохнула, наполнив легкие прохладным стерильным воздухом лаборатории, и стала разглядывать голограмму, изображавшую ее. Две зеленые точки плавно перемещались по правой ноге.

Медроид вынул иглу и приложил ватный тампон, чтобы остановить кровотечение. Пузырек с ее кровью он поставил в металлическую коробочку, прикрепленную к стене.

Зола с силой ударила головой о каталку.

— Я задала вам вопрос. Антидот. Когда? Вы же собираетесь, по крайней мере, попытаться спасти мою жизнь, верно?

— Мед, — произнес новый голос, женский. Зола снова повернула голову, чтобы опять увидеть в зеркале только себя. — Отсоедините пациента от аппарата мониторинга и сопроводите в лабораторию четыре D.

Зола вцепилась пальцами в бумажную простыню. Что еще за лаборатория 4D? Специальное место, где наблюдают, как вы умираете?

Андроид захлопнул панель управления у нее на затылке и отсоединил датчики от груди. Кардиограмма вытянулась в прямую.

— Эй, — сказала Зола. — Можете объяснить мне, что происходит?

Никакого ответа. Зеленый свет мигнул за датчиком андроида,

и открылась дверь в коридор, выложенный белым кафелем.

Медроид катил каталку мимо зеркала, прочь из комнаты.

В коридоре было пусто и пахло хлоркой. Одно из колес каталки время от времени скрипело. Зола подняла голову и вытянула шею, но не смогла встретиться взглядом с датчиком андроида.

— Думаю, у меня в голени есть немного масла, так что, если хотите, я могла бы починить колесо, — сказала она.

Андроид по-прежнему молчал.

Зола сжала губы. Пронумерованные белые двери скользили мимо них.

— Что такое лаборатория четыре D?

Молчание.

Зола барабанила пальцами, слушая шелест мнущейся бумаги и скрип колеса, который, она была уверена, скоро доведет ее до нервного тика. Она уловила звук голосов где-то далеко, в конце другого коридора, и почти готова была услышать крики, доносившиеся из-за дверей. Тогда одна из дверей открылась, и они въехали внутрь мимо черной таблички «4D». Комната была точной копией предыдущей, не хватало только зеркала.

На каталке Золу подкатили к еще одному столу для осмотра — на нем лежали знакомые пары ботинок и перчаток.

Затем, к удивлению Золы, раздался свист — ремни-фиксаторы разжались, освободив ее. Она выдернула руки и ноги из колец металла раньше, чем андроид мог бы осознать, что допустил ошибку, и связать ее снова, но андроид никак не отреагировал — просто молча отступил в коридор. Дверь за ним с лязгом закрылась.

Дрожа, Зола села и оглядела комнату в поисках скрытых камер, но ничего не бросалось в глаза. На стойке вдоль стены — электрокардиограф и детектор соотношения, как и в той, прежней комнате. Справа — нетскрин с пустым экраном. Дверь. Два медицинских стола. И она сама.

Она свесила ноги с каталки и схватила перчатки и ботинки. Зашнуровывая ботинок, она вспомнила об инструментах, которые спрятала внутри протеза, когда уходила со свалки — сейчас казалось, это было целую вечность назад. Она открыла обшивку — и с облегчением обнаружила инструменты на прежнем месте; их никто не забрал. Дыхание постепенно выровнялось; прежде чем закрыть обшивку и дошнуровать ботинок, она вытащила самое тяжелое, что было, — гаечный ключ.

С протезами, скрытыми от посторонних глаз, и с оружием в руке она почувствовала себя лучше. Все еще напряженной, но не такой уязвимой, как раньше.

Сбитой с толку более чем когда-либо.

Зачем они вернули ей вещи, если все равно убьют ее? Зачем перевели ее в другую лабораторию?

Она потерла след от уколов на сгибе локтя прохладным гаечным ключом. След выглядел почти как чумное пятно. Она нажала на него большим пальцем, радуясь тупой боли, которая доказывала, что это просто след от уколов.

Она вновь оглядела комнату в поисках камеры, почти ожидая, что комнату наводнит небольшая армия медроидов — раньше, чем она успеет уничтожить все лабораторное оборудование. Но никто не появлялся. В коридоре не было слышно звука шагов.

Плавно спустившись с каталки, Зола подошла к двери и попробовала ручку. Закрыто. В рамке был ID-сканер, но он замигал красным, когда она поднесла к нему запястье с чипом — видимо, он был запрограммирован на доступ только для персонала.

Она пошла к шкафам и принялась дергать ящички, но ни один не открылся.

Постукивая гаечным ключом по бедру, Зола включила нетскрин. Экран, оживая, вспыхнул и спроецировал голограмму. Казалось, с экрана спрыгнула еще одна Зола — рассеченная пополам. Она проткнула голограмму ключом — изображение мигнуло, но тут же вернулось в норму.

Дверь за спиной у Золы открылась.

Она обернулась, спрятав гаечный ключ.

В дверях стоял старик в серой шляпе, в левой руке он держал портскрин, в правой — пузырек с кровью. Он был ниже Золы. Белый лабораторный халат висел на нем, как на скелете. Морщины, избороздившие лицо, наводили на мысль о том, что он провел много лет в глубоких размышлениях над серьезными проблемами. Но его глаза были голубее неба — и сейчас они улыбались.

Он напоминал ребенка, пускающего слюну над липкой булкой.

Дверь закрылась за ним.

— Здравствуйте, мисс Линь.

Ее пальцы сжали гаечный ключ. Странный акцент. Бестелесный голос.

— Я — доктор Эрланд, ведущий ученый королевской лаборатории по исследованиям летумозиса.

Зола заставила себя расправить плечи.

— Разве вы не должны быть в маске?

Он поднял седые брови:

— Чего ради? Вы чем-нибудь больны?

Зола стиснула зубы и изо всех сил прижала гаечный ключ к бедру.

— Почему бы вам не присесть? Мне нужно обсудить с вами очень важные вещи.

— Ах, теперь вы хотите поговорить, — сказала Зола, делая шаг к старику. — У меня создалось впечатление, что вас не слишком волнует мнение ваших морских свинок.

— Вы несколько отличаетесь от прочих добровольцев.

Зола смерила его взглядом. Металл нагревался в руке.

— Чем же? Может, тем, что я здесь не добровольно?

Быстрым движением она вскинула руку, нацелившись ему в голову. Мысленным взором Зола уже видела, как он падает на пол.

Но вдруг она застыла, зрение затуманилось. Сердцебиение уже замедлялось — пик адреналина миновал раньше, чем дисплей на сетчатке успел ее об этом предупредить.

Хлынули мысли, ясные и отчетливые среди общей каши, царившей в голове. Перед ней был обычный старик. Хрупкий и беспомощный старик. С нежнейшими глазами, самыми невинными и голубыми из всех, какие ей доводилось видеть. Она не хотела причинять ему вред.

Ее рука задрожала.

Крохотная вспышка оранжевого света — и Зола от удивления выронила ключ. Он со стуком упал на пол, но она была слишком потрясена, чтобы беспокоиться о таких мелочах.

Он ничего не сказал. Так как он мог лгать?

Доктор не шелохнулся. Его глаза сияли, он был доволен реакцией Золы.

— Пожалуйста, — сказал он, жестом указывая на стол для осмотра. — Может быть, вы присядете?

Глава 11

Зола быстро моргнула, пытаясь рассеять туман в голове.

Оранжевый огонек, мигнувший в углу поля зрения, исчез, и она понятия не имела, что могло его вызвать.

Возможно, сказывался недавно пережитый шок и система дала сбой?..

Доктор ловко проскользнул мимо нее и махнул в сторону голограммы, спроецированной перед нетскрином.

— Вы, несомненно, узнаете это изображение, — сказал он, проводя по голограмме пальцем, так что спроецированное тело начало медленно вращаться. — Позвольте сказать вам, что в нем необычного.

Зола натянула перчатку повыше, чтобы спрятать рубец. Сделала шаг к доктору. Нащупала ногой гаечный ключ и пинком отправила его под стол.

— Должен сказать, тридцать шесть целых и двадцать восемь сотых процента этого тела довольно-таки своеобразны.

Пока доктор Эрланд не смотрел на нее, Зола быстро нагнулась и подобрала ключ. Он казался тяжелее, чем раньше. На самом деле, все казалось тяжелее, чем раньше — ноги, руки, голова.

Доктор указал на правый локоть голограммы:

— Вот сюда мы впрыснули раствор с возбудителями летумозиса. Они были маркированы так, чтобы мы могли контролировать их перемещение в организме. — Он вытянул палец и постучал себя по губе. — Теперь вы видите, что в этом необычного?

— То, что я до сих пор не мертва, а вы не боитесь находиться со мной в одной комнате?

— В каком-то смысле, — сказал он, потирая голову сквозь шерстяную шляпу. — Как вы можете видеть, возбудители исчезли.

Зола поскребла отметину на руке гаечным ключом.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что они исчезли. Пропали. Пфф! — Он всплеснул руками, изображая фейерверк.

— То есть… У меня нет чумы?

— Верно, мисс Линь. У вас нет чумы.

— И я не умру?

— Верно.

— И я не заразна?

— Нет, нет, нет. Замечательное чувство, не правда ли?

Она прислонилась к стене, испытывая неимоверное

облегчение, которое, однако, вскоре сменилось подозрением. Они заразили ее чумой, а теперь она излечилась? Без всякого антидота?

Это выглядело, как ловушка, но оранжевый огонек не появлялся. Доктор говорил правду — неважно, какой невероятной она бы ни казалась.

— Такое уже случалось?

Обветренное лицо доктора расплылось в озорной улыбке:

— Вы первая. У меня есть пара предположений насчет того, как это могло произойти, но их нужно проверить, разумеется.

Он отвлекся от голограммы и направился к стойке, на которой были два пузырька.

— Это образцы вашей крови, один взят до инъекции, второй — после. И меня крайне волнует, что за секреты они содержат.

Зола быстро глянула на дверь, затем снова на доктора.

— Значит, вы говорите… Вы думаете, у меня иммунитет?

— Да! Именно так это выглядит. Крайне интересно. Крайне необычно. — Он сцепил руки. — Возможно, вы родились с этим. С чем-то таким в ДНК, что позволило иммунной системе справиться с возбудителями. Или, возможно, в прошлом в вашу кровь уже попадали возбудители — возможно, в детстве — и организм справился, выработав иммунитет, которым и воспользовался сегодня.

Зола отпрянула, чувствуя себя неуютно под настойчивым пристальным взглядом.

— Вы можете вспомнить какой-нибудь эпизод из детства, который может иметь к этому отношение? Какие-нибудь ужасные болезни? Когда вы оказывались при смерти?..

— Нет. Хотя… — Она помедлила, запихивая гаечный ключ во внутренний карман. — Я думаю, да. Мой отчим умер от чумы. Пять лет назад.

— Ваш отчим. Вам известно, где он мог контактировать с зараженными?

— Я не знаю. — Она пожала плечами. — Моя мачеха… Мой опекун, Адри, всегда подозревала, что он заразился в Европе. Когда удочерил меня.

Руки доктора дрожали — можно было подумать, что он сейчас взорвется и только сжатые пальцы удерживают его от этого.

— Так, значит, вы из Европы.

Она неуверенно кивнула. Было странно — чувствовать себя принадлежащей месту, о котором нет никаких воспоминаний.

— Там было много больных, в Европе, какой вы ее помните? Может быть, вспышки болезни в вашей провинции?

— Я не знаю. На самом деле, я не помню ничего из того, что было до операции.

Брови доктора поползли вверх, а глаза, казалось, вобрали весь свет в комнате.

— До кибернетической операции?

— Нет, по смене пола.

Улыбка доктора погасла.

— Я шучу.

Доктор Эрланд снова обрел самообладание:

— Что вы имеете в виду, когда говорите, что ничего не помните?

Зола сдула с лица прядь волос:

— Ровно это. Когда в мозг вживляли интерфейс, они повредили — ну, эту штуку — часть мозга, которая умеет запоминать.

— Гиппокамп.

— Вероятно.

— И сколько вам было лет?

— Одиннадцать.

— Значит, одиннадцать. — Он резко выдохнул. Его взгляд метался по полу, как будто на кафельных плитках был записан секрет ДНК Золы. — Одиннадцать. Из-за несчастного случая с хувером, верно?

— Да.

— Несчастные случаи с хуверами в то время уже были практически невозможны.

— До тех пор пока какому-то идиоту не приходило в голову выключить датчик столкновений, чтобы разогнать хувер.

— Все равно не верится, что несколько ушибов и порезов могут потребовать такого ремонта.

Зола забарабанила пальцами по бедру. «Ремонт» — какое же механическое слово!

— Что ж, моим родителям это стоило жизни, а меня вышвырнуло через ветровое стекло. От удара хувер слетел с магнитной дорожки, пару раз перевернулся и оказался прямо на мне, так что, когда меня из-под него извлекли, вместо некоторых костей у меня была костная мука. — Она снова принялась дергать перчатки. — По крайней мере, так мне рассказывали. Как я уже говорила, ничего из этого я не помню.

Все, что она помнила, — наркотический туман после операции. И боль. Каждая мышца горела огнем. Каждый дюйм кожи, казалось, кричал от боли. Как будто тело восстало, обнаружив, что с ним сделали.

— Вы испытываете какие-либо затруднения с запоминанием

всех последующих событий?

— По крайней мере, я о них не подозреваю. Это имеет отношение к делу?

— Это крайне увлекательно. — Доктор Эрланд уклонился от ответа. Он вынул портскрин и что-то записал. — Одиннадцать лет, — пробормотал он снова. — Вы должны были перенести множество операций, чтобы дорасти до этих протезов.

Зола собрала губы в трубочку. Да, должна была, вот только Адри отказывалась платить за запасные части для приемной дочери-уродца.

Вместо ответа Зола перевела взгляд на дверь, потом на пузырьки с кровью.

— Так… я могу идти?

Глаза доктора сверкнули, как будто вопрос Золы резал их, как слишком яркий свет.

— Идти? Мисс Линь, вы, вероятно, осознаете, насколько возросла ваша ценность в связи с этим открытием.

Зола почувствовала, как напрягаются ее мышцы; пальцы сжали в кармане гаечный ключ.

— Значит, я по-прежнему пленник? Только теперь ценный.

Лицо доктора смягчилось, и он убрал портскрин с глаз долой.

— Это значит больше, чем вы можете себе представить. Вы понятия не имеете о собственной важности… собственной ценности.

— И что теперь? Заразите меня чем-нибудь еще более смертельным и будете смотреть, справится мой организм или нет?

— Звезды небесные, нет. Вы слишком драгоценны, чтобы убивать.

— Час назад вы совершенно точно говорили совсем другое.

— За этот час все переменилось.

Взгляд доктора Эрланда снова метнулся к голограмме; он сдвинул брови, словно пытаясь осознать ее слова.

— Все совершенно переменилось, мисс Линь. С вашей помощью мы могли бы спасти сотни тысяч жизней. Если вы то, что я думаю, вы, мы могли бы… ну, хорошо, мы могли бы для начала прекратить набор киборгов. — Он поднес руку ко рту. — Плюс, конечно, мы будем вам платить.

Подцепив большими пальцами петли ремня, Зола облокотилась о стол, на котором стояли все эти приборы, раньше казавшиеся такими страшными.

У нее был иммунитет.

Она была важна.

И деньги — это, конечно, звучало заманчиво. Если бы она

могла доказать, что способна сама себя обеспечить, она могла бы аннулировать опекунство Адри. Могла бы выкупить свою свободу. Но даже эта мысль потускнела, когда она подумала о Пионе.

— Вы действительно думаете, что я могу помочь?

— Да. Действительно. На самом деле, я думаю, что каждый человек на Земле скоро будет вам неизмеримо благодарен.

Она сглотнула и уселась на стол для осмотра, поджав под себя ноги.

— Ладно, тогда — просто чтобы внести ясность — с этого момента я здесь действительно добровольно, и это значит, что я могу уйти в любое время. Без вопросов. Без споров.

Лицо доктора прояснилось, глаза в обрамлении морщинок сияли, как пара ламп.

— Именно так.

— И я ожидаю платы, но мне нужен отдельный счет. Такой, к которому мой опекун не будет иметь доступа. Я не хочу, чтобы она хоть что-нибудь знала о том, что я согласилась на эту работу, или о деньгах.

К ее удивлению доктор не колебался.

— Разумеется.

Она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— И еще одно. Моя сестра. Ее вчера забрали в карантин. Если вы найдете антидот или хоть что-нибудь, что остановит возбудителей… Я хочу, чтобы она была первым человеком, который получит лекарство.

— Этого, боюсь, — сказал доктор, — я не могу вам обещать.

Он отвернулся и зашагал к голограмме, вытирая руки о подол лабораторного халата.

— Почему?

— Потому, что первым человеком, который получит лекарство, должен быть император, — ответил доктор; морщинки вокруг глаз выражали сочувствие. — Но я могу пообещать, что ваша сестра будет вторым человеком.

Глава 12

Принц Кай смотрел сквозь стекло, как медроид ставит капельницу его отцу. Всего пять дней прошло с тех пор, как у отца появились первые признаки болезни, но казалось, что с тех пор миновала целая жизнь. Как если бы годы тревог и страданий уместились в часы, которых теперь оставалось немного.

Однажды доктор Эрланд сказал ему о старом суеверии — беды приходят по три.

Во-первых, его андроид Наинси вышла из строя раньше, чем смогла сообщить о результатах своих изысканий.

А сейчас его отец был болен без всякой надежды на выздоровление.

Что произойдет следующим? Что бы могло быть хуже, чем это?

Возможно, лунатики объявят войну.

Он склонил голову, желая, чтобы эта мысль исчезла в тот же миг, в который возникла.

Конн Торин, советник его отца и единственный человек, кроме самого принца, которому было позволено видеть императора в таком состоянии, похлопал Кая по плечу.

— Все будет хорошо, — сказал он без выражения, тем особым голосом, каким говорил, угадывая чужие мысли.

Отец Кая застонал и открыл опухшие глаза. Комната на седьмом этаже, в крыле дворца, отведенном для исследований, была на карантине, но для комфортного пребывания императора было сделано все возможное. На стенах висели рядами многочисленные экраны, так что он мог слушать музыку или смотреть развлекательные программы. Комната, в остальном стерильная, была наполнена его любимыми цветами — лилиями и хризантемами. Постельное белье было из нежнейшего шелка, какой только можно было найти во всем Содружестве.

Но это ничего не меняло. Комната оставалась комнатой, предназначенной для того, чтобы отделить умирающего от живых.

Прозрачное окно разделяло Кая и отца. Сейчас отец смотрел на Кая, но взгляд оставался пустым, как это стекло.

— Ваше величество, — произнес Торин. — Как вы себя чувствуете?

В углах глаз императора появились морщинки. Он не был стариком, но болезнь быстро его состарила. Лицо было желтоватым и бледным, шею покрывали черные и красные пятна.

Он приподнял пальцы с одеяла — помахать он уже не мог.

— Вам что-нибудь нужно? — спросил Торин. — Стакан воды? Еда?

— Эскорт пять-три? — предположил Кай.

Торин метнул на принца осуждающий взгляд, но император издал тихий смешок.

Кай почувствовал, что его глаза затуманиваются, и стал смотреть вниз, на собственные пальцы, прижатые к стеклу.

— Сколько еще? — спросил он тихо, так, чтобы отец его не услышал.

— Несколько дней, если ничего не изменится.

Кай ощущал на себе взгляд Торина — сочувствующий, но пронзительный.

— Вы должны быть благодарны за то время, что у вас есть. Большинство людей не видит своих близких, когда их забирают в карантин.

— А кто захочет увидеть своих близких в таком состоянии? — Он посмотрел на отца. Император боролся со сном, его веки дрожали. — Мед, принесите ему воды.

Андроид приблизился к кровати, поднял спинку ложа, поднес стакан к губам императора и вытер пролитые капли белой тканью. Император выпил совсем чуть-чуть, но, казалось, это его освежило.

— Кай, — позвал он.

— Я здесь, — отозвался принц, его дыхание затуманило стекло.

— Будь сильным. Верь… — Его слова прервал кашель. Андроид поднес ко рту полотенце, но Кай заметил алые капли на белом хлопке. Он закрыл глаза, стараясь выровнять дыхание.

Когда он открыл их снова, медроид наполнял капельницу прозрачной жидкостью, чтобы облегчить боль.

Кай и Торин наблюдали, как император погрузился в неподвижный сон. Как будто наблюдали за незнакомцем. Кай любил его, но не мог соединить в голове образ больного человека перед ним с живым отцом, который у него был еще неделю назад.

Одна неделя.

Его пробрала дрожь, и Торин сжал руку у него на плече — Кай уже забыл, что она там была.

— Ваше высочество.

Кай ничего не сказал, глядя, как поднимается и опадает грудь его отца.

Пальцы у него на плече коротко сжались, потом Торин уронил руку.

— Вы будете императором, ваше высочество. Мы должны начинать готовить вас. Мы и так уже откладывали слишком

долго.

Слишком долго. Одну неделю.

Кай притворился, что он не слышит.

— Как сказал Его Величество, вы должны быть сильным. Вы знаете, что я буду помогать вам всем, чем смогу. — Торин помолчал. — Вы будете хорошим правителем.

— Нет. Не буду. — Кай запустил руку в волосы и потянул.

Он будет императором.

Слова гулко звучали в голове.

Настоящий император был там, за стеклом, вот в этой кровати. А он был самозванцем.

— Я пойду поговорю с доктором Эрландом, — сказал он, отходя от стекла.

— Доктор занят, ваше высочество. Вам не стоит продолжать отвлекать его.

— Я просто хочу спросить, есть ли какие-то результаты.

— Я уверен, что он немедленно вам скажет, как только они появятся.

Кай сжал зубы и посмотрел на Торина, человека, который был советником его отца еще до того, как Кай родился. Даже сейчас, стоя в одной комнате с Торином, он чувствовал себя ребенком — и возвращалось детское побуждение сделать наперекор. Он и сам хотел бы знать, сможет ли он когда-нибудь это преодолеть.

— Я должен чувствовать, что делаю хоть что-то. Я не могу просто стоять и смотреть, как он умирает, — сказал он.

Торин опустил глаза.

— Я знаю, ваше высочество. Нам всем тяжело.

Кай хотел сказать, что это не то же самое, но придержал язык.

Торин отвернулся от него к стеклу и с поклоном сказал:

— Многая лета императору.

— Многая лета императору, — повторил шепотом Кай с пересохшим горлом.

Они молчали, покидая комнату для посетителей и направляясь вниз по коридору к лифтам.

Их ожидала женщина. Каю следовало это предвидеть — в последние дни она постоянно была где-то рядом, но она была последним человеком на земле, кого он хотел бы видеть.

Сибил Мира. Главный маг при дворе лунной королевы. Исключительной красоты — с черными волосами до талии и теплым медовым оттенком кожи. Она была в форме, соответствующей ее положению при дворе и титулу: длинный белый плащ с высоким воротником и рукавами-фонариками, вышитыми вдоль швов рунами и иероглифами, которые ничего не говорили Каю.

В пяти шагах позади нее — как и всегда, верный страж, как и всегда, безмолвный. Это был юноша, такой же красивый, как Сибил, — со светлыми волосами, собранными в низкий хвост, и резкими чертами лица, на котором принцу до сих пор не удалось увидеть никакого выражения.

Губы Сибил изогнулись в улыбке, когда Кай и Торин подошли ближе, но взгляд серых глаз оставался холодным.

— Ваше императорское высочество, — обратилась она, изящно склоняя голову. — Как здоровье досточтимого императора Рикана?

Когда Кай ничего не сказал, ответил Торин:

— Не слишком хорошо. Благодарю вас за участие.

— Мне печально это слышать, — сказала она, но печали в ее голосе звучало столько же, сколько в голосе кошки, которая только что загнала в угол мышь. — Моя возлюбленная королева передает вам свои соболезнования и пожелания наискорейшего выздоровления Его Величеству.

Она сфокусировала взгляд на принце, и ему показалось, что изображение перед ним дрожит, как мираж. Голову наполнили тихие голоса, они шептали: уважение и восхищение, сочувствие и участие.

Кай оторвал от нее взгляд. Ему понадобился всего миг, чтобы заставить голоса замолчать.

— Чего вы хотите? — сказал он.

Сибил жестом указала на лифты:

— Перемолвиться словом с человеком, который станет императором… если судьбе будет угодно.

Кай взглянул на Торина, но не увидел сочувствия в ответном взгляде. Такт. Дипломатия. Всегда. Особенно когда дело касается этих проклятых лунатиков.

Вздыхая, он обернулся к ожидающему андроиду:

— Третий этаж.

Сенсор вспыхнул:

— Пожалуйста, пройдите к лифту С, ваше высочество.

Они вошли в лифт. Сибил вплыла, как перышко на ветру. Последним вошел страж. Он остался у дверей и смотрел на них так, как будто придворный маг находился в смертельной опасности. Каю стало неуютно под его взглядом. Сибил же, казалось, вообще забыла о присутствии стража.

— Какой неподходящий момент для болезни Его Величества! — сказала Сибил.

Принц стиснул поручень, словно загоняя свою ненависть в полированное дерево:

— Следующий месяц устроил бы вас больше?

— Я, разумеется, имею в виду переговоры о создании альянса, которые велись между императором Риканом и моей возлюбленной королевой. Мы стремимся к соглашению, которое равно устроило бы и народ Союза, и народ Луны.

От взгляда на Сибил у него закружилась голова, так что принц сосредоточился на номерах этажей, вспыхивавших над дверью.

— Мой отец пытался создать альянс с королевой Леваной с тех самых пор, как она взошла на трон. Это она всегда отказывалась.

— Все же ему стоило принять во внимание ее разумные требования.

Кай стиснул зубы.

— Я надеюсь, — продолжала Сибил, — что как император вы окажетесь более способны понять, откуда проистекают эти требования, ваше высочество.

Кай молчал, пока лифт отмерял этажи — шестой, пятый, четвертый.

— Мой отец — мудрый человек. И я не имею намерения в ближайшее время изменять какое-либо из его решений. Я надеюсь, что мы сможем достигнуть соглашения, но, боюсь, вашей хозяйке придется умерить свои крайне разумные требования.

Улыбка Сибил застыла.

— Что ж, — сказала она, когда лифт остановился на третьем этаже и двери открылись, — вы юны.

Кай склонил голову, притворяясь, что принял ее слова за комплимент, затем обернулся к Торину:

— Если у вас есть несколько свободных минут, может быть, вы пойдете со мной к доктору Эрланду? У вас могут быть вопросы, которые не приходили мне в голову.

— Конечно, ваше высочество.

Они оба сделали вид, что не замечают ни придворного мага, ни ее стража, но прежде, чем двери лифта закрылись, до них долетел сладкий голос:

— Многая лета императору!

Принц зарычал.

— Нужно было заключить ее под стражу!

— Вряд ли это хороший способ продемонстрировать мирные намерения, ваше высочество.

— Они поступят с нами еще хуже. — Принц запустил руку в волосы.

Заметив, что Торин больше не идет за ним, Кай уронил руку и обернулся. В тяжелом взгляде Торина читалось беспокойство.

— Я знаю, что для вас настали тяжелые времена.

Кай постарался подавить волну раздражения и агрессии:

— Они настали для всех.

— В конце концов, ваше высочество, вам придется вести переговоры с королевой Леваной — и лучше бы иметь какой-нибудь план.

Кай подошел поближе к Торину, пропуская группу лабораторных техников, которым пришлось протиснуться мимо них.

— У меня есть план. Я не собираюсь на ней жениться. К черту дипломатию. Вот и все. Разговор окончен.

Торин сжал зубы.

— Не смотрите на меня так. Они нас уничтожат, — тихо сказал Кай. — Превратят в рабов.

— Я знаю, ваше высочество. — Сочувствие в глазах Торина погасило нарастающий гнев Кая. — Пожалуйста, верьте мне, когда я говорю, что не стал бы просить вас об этом, как никогда не просил вашего отца.

Кай отступил назад и прислонился к стене коридора. Мимо спешили ученые в белых халатах, гусеницы андроида торопливо шуршали по линолеуму. Если они и заметили принца и его советника, виду никто не подал.

— Ладно, я слушаю, — сказал он. — И какой у нас план?

— Ваше высочество, здесь не лучшее место для подобных разговоров.

— Все мое внимание в вашем распоряжении. Пожалуйста, дайте мне подумать о чем-то еще, кроме этой треклятой болезни.

Торин сделал глубокий вдох.

— Я не думаю, что нам стоит изменять внешнеполитический курс. Мы последуем примеру вашего отца. И сейчас подготовим для подписания мирное соглашение.

— А если она его не подпишет? Если она устала ждать и исполнит свои угрозы? Как вы представляете себе войну, когда у нас чума, экономика и… Она уничтожит нас. И знает это.

— Если бы она хотела начать войну, она бы уже сделала это.

— Если только она не тянет время нарочно, дожидаясь, пока Союз ослабнет настолько, что нам останется только сдаться.

Кай почесал затылок, наблюдая за суматохой в коридоре. Все так заняты, так поглощены поисками антидота.

Был бы антидот.

Он вздохнул:

— Я должен был жениться. Будь я женат, королеве Леване и в голову бы не пришло… и ей бы пришлось подписать мирный договор… если, конечно, она хочет мира.

Кай взглянул на советника и удивился редкой теплоте, которой сейчас светилось его лицо:

— Может быть, вы встретите девушку на фестивале. Влюбитесь без памяти и будете жить счастливо до конца своих дней.

Кай попытался снова взглянуть на советника, но не смог. Торин так редко шутил.

— Отличная мысль. И как я сам об этом не подумал! — Он снова прислонился к стене и сложил руки на груди. — На самом деле, может быть, есть еще одна возможность, которой не предусмотрели вы и мой отец. Об этом я и думаю в последнее время.

— Говорите, ваше высочество.

Он понизил голос.

— В последнее время я был занят одним исследованием… — Он помолчал, прежде чем продолжить. — Насчет… насчет наследницы лунного престола.

Глаза Торина расширились:

— Ваше высочество!..

— Просто выслушайте меня. — Жестом он призвал к тишине прежде, чем Торин успел ему возразить. Принц уже знал, что тот скажет: принцесса Селена, племянница королевы Леваны, мертва, она погибла тринадцать лет назад. Других наследниц нет. — Каждый день появляются слухи, — продолжал Кай. — Очевидцы, люди, которые клянутся, что помогали ей, теории…

— Да, мы все наслышаны об этих теориях. Вы не хуже меня знаете, что они безосновательны.

— Но что, если это правда? — Кай скрестил руки и наклонился к Торину, понизив голос до шепота. — Что, если среди нас есть девушка, способная свергнуть Левану? Кто-то, кто окажется сильней?

— Вы сами слышите, что говорите? Кто-то сильней Леваны? Может, кто-то вроде ее сестры — той самой, которая приказала отрезать ноги своей швее, чтобы той ничего не оставалось, кроме как сидеть и шить для нее красивые платья?

— Мы говорим не о королеве Ченнэри.

— Нет, мы говорим о ее дочери. Кай, вся их семья, все они — жадные, жестокие, ослепленные собственной властью. Это у них в крови. Поверьте мне, принцесса Селена, если она жива, окажется ничуть не лучше.

Кай почувствовал, что слишком сильно сжал руки — пальцам стало больно, кончики побелели.

— Сильно хуже уже не будет, — сказал он. — И, кто знает, если слухи правдивы и все это время она провела на Земле,

может быть, она и правда будет другой. Может быть, она нас поймет.

— Все ваши чаяния основаны на слухах.

— Тела так и не нашли.

Губы Торина сжались в жесткую линию:

— Нашли то, что от него осталось.

— В любом случае, небольшое исследование не повредит, верно? — Кай чувствовал, что впадает в отчаяние. Все свои надежды он возлагал на это исследование. Принимал его так близко к сердцу. И не мог вынести мысли, что ему просто хочется в это верить, хотя, конечно, эта мысль всегда таилась на задворках сознания.

— Вот именно, что оно может повредить, — сказал Торин. — Если королева Левана узнает, что у вас на уме, мы лишимся шанса подписать мирный договор. Нам не стоило даже говорить об этом здесь, это слишком опасно.

— Ну, и кто теперь верит слухам?

— Ваше высочество, разговор окончен. Ваш долг — предотвратить войну, а не беспокоиться о призрачной лунной принцессе.

— А что, если я не смогу предотвратить войну?

Торин устало развел руками:

— Тогда Содружество будет сражаться.

— Верно. Отличный план. Я так рад, что мы наконец все обсудили.

Он развернулся и зашагал в сторону лабораторий.

Конечно, Восточное Содружество будет сражаться. И проиграет Луне.

Глава 13

— Ваша панель управления удивительно сложно устроена. Никогда не встречал у киборгов таких высоких технологий. — Доктор Эрланд поворачивал голограмму то одним боком, то другим. — Взгляните на эти провода вдоль позвоночника. Они практически полностью компенсируют ущерб, нанесенный нервной системе. Истинное мастерство. И вот! Смотрите, — он указал в область таза, — репродуктивная система практически не тронута. Вы знаете, множество женщин-киборгов становятся бесплодными, но, судя по тому, что я вижу, едва ли у вас возникнут какие-то проблемы.

Зола сидела на одном из столов для осмотра, положив подбородок на руки.

— Вот свезло-то мне, — прокомментировала она.

Доктор погрозил ей пальцем:

— Вы должны быть благодарны хирургам, проявившим такую заботу!

— Уверена, я буду им куда более благодарна, когда найдется парень, который решит, что куча проводов внутри девчонки — это круто.

Она ударила пятками о металлическую столешницу.

— Это имеет какое-то отношение к моему иммунитету?

— Может быть, да, а может быть, и нет, — ответил доктор, вынимая из кармана очки и водружая их на нос.

Зола склонила голову:

— Вам так мало платят, что вы не можете себе позволить хирургию глаз?

— Мне просто нравится это ощущение. — Доктор развернул голограмму так, чтобы была видна внутренняя сторона головы. — Кстати, если говорить о хирургии глаз… вы знаете, что у вас нет слезных желез?

— Да ну? Неужели? А я-то думала, что я черствый сухарь. — Она подтянула к себе ноги и обняла колени. — Я, если что, еще и не краснею — на случай, если вы как раз собирались сделать это замечательное открытие.

— Не краснеете? — Доктор повернулся к Золе и посмотрел на нее глазами, казавшимися огромными из-за очков. — Как так?

— Мой мозг контролирует температуру тела и заставляет охлаждаться, если я слишком быстро и слишком сильно нагреваюсь. Думаю, обычная человеческая система потоотделения их чем-то не устроила.

Доктор Эрланд достал свой портскрин и что-то вбил.

— Действительно, вполне разумно, — пробормотал он. — Должно быть, их волновало, чтобы система не перегревалась.

Зола напрягла шею, но не смогла разглядеть, что у него на экране портскрина.

— Это важно?

Он не обратил на нее внимания.

— А посмотрите на свое сердце! — сказал он, снова указывая на голограмму. — Вот эти две камеры, они сделаны из силикона пополам с биологической тканью. Удивительно.

Зола стиснула руки на груди. Ее сердце. Ее мозг. Ее нервная система. Что они не тронули?

Ее рука потянулась к шее — она ощупывала выступающие позвонки, глядя на металлические позвонки, изображенные на голограмме.

— Что это? — спросила она, заметив на голограмме тень.

— Ах, да, я уже обсуждал это с моими помощниками. — Доктор Эрланд почесал голову через шляпу. — Судя по всему, это сделано из какого-то другого материала, не из того же, из которого позвонки… И оно прямо над центральным нервным узлом. Возможно, они пытались исправить какой-то сбой.

Зола сморщила нос:

— Здорово. Во мне есть сбои.

— Вас когда-нибудь беспокоит шея?

— Только если я пролежу под хувером целый день.

И во сне. В кошмарах всегда казалось, что огонь был горячее всего именно под шеей, жар пробирался вниз по позвоночнику. Непрерывная боль, как от раскаленных углей, терзала кожу. Она вздрогнула, вспомнив Пиону в своем последнем кошмаре — том, где она плакала и кричала, обвиняя Золу в том, что с ней случилось.

Доктор Эрланд наблюдал за ней, постукивая портскрином по губам.

Зола поморщилась.

— У меня есть вопрос.

— Да? — сказал доктор, убирая портскрин в карман.

— Вы до этого сказали, что я перестала быть заразной, как только организм избавился от микробов.

— Это верно.

— Тогда… если я действительно контактировала с переносчиком чумы, скажем, пару дней назад… Сколько времени понадобилось, чтобы я перестала быть заразной?

Доктор Эрланд сморщил губы.

— Что ж. Допустим, организм с каждым разом справляется с возбудителями все быстрее. На этот раз вам понадобилось

двадцать минут. Значит, в прошлый раз час… Максимум два. Конечно, каждый организм, как и каждая болезнь, обладает своими особенностями.

Зола сложила руки на коленях. Дорога от рынка до дома заняла чуть больше часа.

— А как насчет… оно может приставать к одежде?

— Только ненадолго. Возбудители не могут долго выживать без хозяина. — Он внимательно посмотрел на Золу. — Вы в порядке?

Она возилась с пальцами своих перчаток. Зола кивнула.

— Когда мы уже начнем спасать жизни?

Доктор Эрланд поправил шляпу.

— Я боюсь, мы немногое можем сделать до того, как я проанализирую образцы вашей крови и составлю карту ДНК. Но для начала я бы хотел получше разобраться с тем, как устроено ваше тело — на случай, если это как-то повлияет на результаты.

— Разве то, что ты киборг, может повлиять на ДНК?

— Нет, но были некоторые исследования, позволяющие предположить, что организм вырабатывает определенные гормоны, химические вещества, антитела и все такое в результате операции. Конечно, чем больше площадь вмешательства, тем выше уровень…

— Значит, это все-таки повлияло на мой иммунитет?

Его светящиеся глаза заставляли ее нервничать и вызывали головокружение.

— Я не уверен, — сказал он. — Но, как я уже говорил, у меня есть пара теорий.

— И вы собираетесь поделиться со мной своими теориями?

— О да. Как только я пойму, что прав, я собираюсь поделиться своим открытием со всем миром. На самом деле, у меня есть мысль об этой таинственной тени на вашем позвоночнике. Вы не возражаете, если я проведу небольшой эксперимент? — Он снял очки и плавным движением опустил их обратно в карман, к портскрину.

— Что вы собираетесь делать?

— Просто небольшой эксперимент. Не о чем волноваться.

Она повернула голову, когда доктор обошел вокруг стола и кончиками пальцев коснулся шеи, ощупывая позвонки. Зола замерла. Руки были теплыми, но она все равно дрожала.

— Скажите, если почувствуете что-нибудь необычное.

Необычное? Любое человеческое прикосновение казалось ей необычным, и она уже открыла рот, собираясь сказать об этом, но дыхание вдруг прервалось.

Огонь и боль, казалось, разрывали позвоночник и наполняли

вены.

Она закричала и свалилась со стола на пол лаборатории.

Глава 14

Красный свет пронзал веки, дисплей сетчатки выдавал поток зеленой тарабарщины на изнанке век. Что-то случилось с ее проводкой — пальцы левой руки продолжали дергаться.

— Успокойтесь, мисс Линь. Вы в полном порядке. — Вслед за холодным голосом, в котором не было ни капли сочувствия, только этот странный акцент, она услышала другой, куда более встревоженный:

— В полном порядке? Вы с ума сошли? Что с ней случилось?

Зола застонала.

— Просто небольшой эксперимент. С ней все будет в порядке, ваше высочество. Вот, видите? Она уже приходит в себя.

Несмотря на внутренний протест, она открыла глаза. Только пара теней виднелась среди ослепляющей белизны лаборатории. Ее глаза сфокусировались, и она разглядела небесно-голубые глаза и шерстяную шляпу доктора Эрланда и принца Кая с неопрятными черными прядями, свисавшими на лоб.

Когда дисплей сетчатки снова начал проверку системы, уже второй раз за день, она прикрыла глаза, слегка опасаясь, что принц Кай заметит зеленый отблеск в глубине ее зрачков.

По крайней мере, она была в перчатках.

— Вы живы? — спросил Кай, отбрасывая прядку у нее со лба.

Прикосновения его пальцев казались горячими и липкими, а потом она осознала, что это у нее жар.

Жар, которого просто не может быть.

Она не могла покраснеть, у нее не могло быть жара.

Она не могла перегреваться.

Что доктор с ней сделал?

— Она ударилась головой? — спросил Кай.

Пальцы перестали дергаться. Зола прижала руки к телу, инстинктивно пытаясь спрятать их.

— С ней все в порядке, — повторил доктор. — Слегка напугана, но цела и невредима. Прошу меня извинить, мисс Линь. Не думал, что вы окажетесь столь чувствительны.

— Что вы сделали? — спросила она, сосредоточившись на том, чтобы не проглатывать слова.

Кай взял ее за плечи и помог сесть. На всякий случай она одернула штанину, боясь, как бы принц не увидел металлического блеска протеза.

— Я просто вправлял вам позвоночник.

Зола взглянула на доктора — ей не нужно было дожидаться оранжевого огонька, чтобы понять, что он лжет. В любом случае,

огонек появился и уплыл вверх.

— Что такое с ее позвоночником? — Рука принца скользнула вниз по ее спине. Зола сделала глубокий вдох, ее пробрала дрожь. Она боялась, что боль возвратится и система снова даст сбой, как под пальцами доктора, но ничего не произошло, и вскоре Кай прекратил надавливать на позвоночник.

— С ним все в порядке. Но именно в области спины нервы переплетаются, прежде чем послать сигналы в мозг.

Зола смотрела на доктора дикими глазами, уже представляя себе, как принц быстро отдернет руку, обнаружив, что прикасается к киборгу.

— Мисс Линь жаловалась, что ей досаждает боль в шее, — сказал доктор.

Зола сжимала пальцы до тех пор, пока они не заболели.

— Так что я постарался вправить позвоночник. Это называется хиропрактика — удивительно эффективное средство. Вероятно, искривление оказалось сильнее, чем я предполагал, так что при вмешательстве нервная система испытала шок. — Доктор улыбнулся принцу, его взгляд не выдавал ни тени тревоги.

Оранжевый огонек мигал, не переставая.

Зола вытаращила глаза… Сейчас доктор прекратит свою бессмысленную ложь и выложит принцу все ее секреты. Что она киборг, у нее иммунитет к чуме и она его новая любимая морская свинка.

Но доктор Эрланд больше ничего не сказал — только улыбнулся ей невиннейшей улыбкой, заронив подозрения.

Чувствуя на себе взгляд Кая, Зола обернулась к нему, собираясь пожать плечами, как будто объяснение доктора говорило ей не больше, чем принцу, но слишком пристальный взгляд лишил ее дара речи.

— Я надеюсь, он говорит правду, поскольку с вашей стороны было бы просто бессовестно умереть, когда я только-только имел удовольствие вас встретить. — Его глаза вспыхнули, как бы призывая посмеяться этой шутке, понятной только им двоим, и Зола заставила себя выдавить смешок — никогда с ее губ не слетало настолько фальшивого звука. — Вы в порядке? — спросил принц, свободной рукой беря ее за руку — другая рука по-прежнему покоилась на ее талии. — Можете встать?

— Думаю, да.

Он помог ей встать. От мучительной боли не осталось и следа.

— Благодарю вас, — сказала она, отступая на шаг, и принялась отряхиваться, хотя даже пол лаборатории был безупречно чист. Она врезалась бедром в лабораторный стол.

— Что вы здесь делаете? — спросил он, уронив руки; секунду, пока он не убрал их в карманы, они неловко свисали вдоль тела.

Зола открыла рот, но доктор Эрланд прочистил горло.

— Вы уже встречались? — спросил он, седые брови уползли под шляпу.

— Вчера. На рынке, — ответил Кай.

Зола убрала руки в карманы, подражая Каю, и обнаружила в кармане гаечный ключ.

— Я… ммм… здесь… потому что… ох…

— Один из медроидов вышел из строя, ваше высочество, — перебил ее доктор Эрланд. — Я попросил, чтобы она пришла взглянуть на него. У нее репутация исключительного механика.

Кай начал кивать, но остановился и оглядел комнату:

— Что за медроид?

— Его здесь уже нет, разумеется, — ответил доктор, бодро чеканя слова, как будто ложь была веселой увлекательной игрой. — Наверное, берет образцы крови, пока мы беседуем.

— В-верно, — сказала Зола, стараясь, чтобы челюсть прекратила отвисать, как у идиота. — Я его уже починила. Теперь как новенький. — Она вынула из кармана ключ, как будто он служил неопровержимым доказательством.

Хотя Кай казался смущенным, он кивнул, как если бы эта история не подлежала сомнению.

Зола была благодарна, что доктор так легко изобрел отговорку, но в то же время это ее нервировало. Что заставляет его хранить секреты от наследного принца, особенно если он близок к прорыву в поисках лекарства от чумы? Разве Кай не заслуживает этого знать? Разве все не заслуживают?

— Я так думаю, у вас не было шанса осмотреть Наинси? — спросил Кай.

Зола прекратила вертеть гаечный ключ и сжала его обеими руками, чтобы сдержаться и не начать одергивать перчатки.

— Нет. Еще нет. Простите… за последние двадцать четыре часа столько всего…

Он пожал плечами в ответ на ее слова, но жест получился принужденным.

— У вас, вероятно, список клиентов длиной в милю. Я не должен ожидать королевского обращения… впрочем, — его рот дернулся, — думаю, я его и так получаю.

Сердце Золы дало сбой — улыбка принца застала ее врасплох, такая же чарующая и внезапная, как тогда, на рынке. И тут она увидела голограмму — та все еще выставляла на всеобщее обозрение ее внутренности — от металлического позвоночника до пучков проводов и совершенно нетронутых

яичников. С бешено колотящимся сердцем она перевела взгляд обратно на принца.

— Обещаю, я осмотрю ее сразу же, как только будет время. До фестиваля. Определенно.

Кай повернулся, следуя за ее взглядом, и увидел голограмму. Зола сжала руки в кулаки, нервы, казалось, завязались узлом в ее желудке, когда Кай оторвался от изображения.

Девушка. Механизм. Уродец.

Она закусила губу и уже вынесла себе приговор — никогда больше принц не улыбнется ей одной из улыбок, от которых останавливается сердце, — когда доктор Эрланд шагнул к голограмме и щелчком выключил изображение:

— Прошу прощения, ваше высочество. Конфиденциальность пациента. Это из сегодняшнего набора.

Еще одна ложь.

Зола вцепилась в гаечный ключ, исполненная благодарностью пополам с подозрением.

Кай вздрогнул от удивления.

— На самом деле, из-за этого я сюда и пришел. Хотел узнать, есть ли какие-нибудь успехи.

— Сейчас сложно сказать, ваше высочество, но, возможно, мы нашли потенциальное решение. Я, разумеется, буду по-прежнему держать вас в курсе. — Он невинно улыбнулся сначала Каю, потом Золе. Было ясно, что он ничего не скажет Каю.

Она просто не могла понять почему.

Откашлявшись, она попятилась к двери.

— Я пойду, не буду вас отвлекать от работы, — сказала она, похлопывая ключом по ладони. — Думаю, мне стоит… ммм… зайти еще раз, убедиться, что с медроидом все в порядке? Скажем… завтра?

— Отлично, — сказал доктор, — в любом случае, у меня есть ваш ID, на случай, если вы вдруг понадобитесь. — Его улыбка поблекла — лишь слегка — как будто напоминая Золе, что статус добровольца будет сохраняться до тех пор, пока она будет возвращаться сюда сама. Сейчас она представляла ценность. И он совершенно не собирался отпускать ее насовсем.

— Я провожу вас, — сказал принц, ловя запястьем свет сканера. Дверь распахнулась.

Зола вскинула руки в перчатках, не выпуская гаечного ключа:

— Нет, нет, не стоит. Я смогу найти дорогу.

— Вы уверены? Мне не составит никакого труда…

— Уверена. Точно. У вас наверняка полно важных дел… королевских… правительственных… исследовательских… Которые надо обсудить. Но спасибо. Ваше высочество. — Она

неуклюже попыталась поклониться, радуясь, что, по крайней мере, у нее на этот раз обе ноги на месте.

— Что ж, ладно, был рад увидеть вас снова. Приятный сюрприз!

Она иронически засмеялась и с удивлением обнаружила на его лице серьезное выражение. Его глаза смотрели на нее с теплотой и легким любопытством.

— И-и мне. — Она попятилась к двери. Улыбаясь. Дрожа. Молясь, чтобы на этот раз у нее не оказалось на лице масляных пятен. — Тогда я отправляю вам сообщение. Когда ваш андроид будет готов.

— Благодарю вас, Линь-мэй.

— Вы можете называть меня Зо… — дверь закрылась, — …ла. Зола. Будет мило с вашей стороны. Ваше высочество. — Она сползла по стенке коридора, постучала себя по лбу костяшками пальцев: — Я отправлю вам сообщение. Можете звать меня Зола, — передразнила она себя и закусила губу. — И не обращайте внимания на лепечущую девчонку.

О нем мечтали все девчонки страны. Он был так далек от ее реальности, ее мира, что она должна была перестать думать о нем в ту же секунду, как закрылась дверь. Должна перестать думать о нем немедленно. И больше не должна думать о нем снова — никогда — разве что как о клиенте и своем принце.

И все же память о прикосновении его рук к ее коже не желала исчезать.

Глава 15

Золе пришлось загрузить карту исследовательского крыла дворца, чтобы отыскать выход. Она была на грани нервного срыва — из-за принца, из-за Пионы, из-за всего. Она чувствовала себя самозванцем, который бродит по гладким залам, склонив голову, чтобы не встречаться взглядом с учеными в белых халатах и покрытыми белым металлом андроидами. Даже если она теперь и вправду доброволец. Ценный.

Она пересекла комнату для ожидания, снабженную двумя нетскринами и тремя мягкими стульями, и застыла, устремив взгляд в окно.

Этот вид.

Этот город.

С первого этажа город выглядел беспорядочно — слишком много строений теснилось на слишком маленьком пространстве, улицы кривые, и над каждой растянуты провода и веревки с бельем, все дороги извиваются и торопятся к вершине холма, каждый закуток огорожен бетонной стеной.

Но отсюда, с вершины утеса — и с высоты третьего этажа, — город был красив. Солнце было высоко, и его свет ликовал, отражаясь в стеклах небоскребов и золоте островерхих крыш. Золе было видно непрерывное движение нетскринов и блеск хуверов — они сновали от одного здания к другому. Отсюда казалось, что город наполнен не механическим гулом, а тихим шепотом жизни.

Зола отыскала скопление узких высоких зданий из голубого стекла и хрома — они стояли, как часовые, над рыночной площадью. Она попыталась проследить дорогу на север, чтобы найти Башню Феникса, но ее не было видно из-за скопища других домов и слишком густых теней.

Ее благоговение исчезло.

Ей нужно было возвращаться. В квартиру. В ее тюрьму.

Ей нужно было починить андроида Кая. И защитить Ико, которую Адри — не пройдет и недели — без нее просто продаст на запчасти или, еще хуже, решит заменить чип личности, как она выражалась, «бракованный». Она постоянно жаловалась, что с тех пор, как Зола поселилась с ними, ее андроид стал слишком самоуверенным.

И потом, ей больше некуда было идти. До тех пор пока доктор Эрланд не переведет первый платеж на счет, о котором Адри не будет знать, у нее нет никаких денег, и хувера тоже нет, а единственного друга забрали в карантин.

Она сжала кулаки.

Да, сейчас ей нужно возвращаться.

Но она не задержится там надолго.

Адри вполне ясно дала понять, что считает Золу никчемной обузой. Когда представился шанс избавиться от Золы, она не колебалась и не испытывала угрызений совести — ведь, в конце концов, Пионе нужен был антидот.

Пионе нужен был антидот.

И, возможно, она поступила правильно. Возможно, это был долг Золы как киборга — пожертвовать своей жизнью, чтобы нормальные люди могли вылечиться. Возможно, имело смысл использовать для опытов тех, кто уже был испорчен. Но Зола знала, что никогда не простит этого Адри. Ведь эта женщина должна была помогать ей, защищать ее. Если ее единственной семьей были Адри и Перл, лучше уж совсем без семьи.

Она должна была исчезнуть. И знала, как собирается это сделать.

По сравнению с выражением лица Адри, когда Зола вошла в квартиру, кошмар сегодняшнего дня показался почти развлечением.

Адри сидела на диване и что-то читала на портскрине. Перл была в дальнем конце комнаты и играла в голографическую доску, в которой герои были похожи на кумиров всех девчонок — в частности, там было три копии принца Кая. Это была их любимая с Пионой игра, но сейчас Перл играла с кем-то незнакомым по сети и выглядела одновременно скучающей и несчастной. Когда Зола вошла, Перл, как и Адри, уставилась на нее — и миниатюрная копия принца Кая упала на длинный меч своего соперника. Перл слишком поздно поставила игру на паузу.

— Зола? — сказала Адри, откладывая портскрин на придиванный столик. — Каким образом?..

— Они сделали какие-то анализы и решили, что я им не подхожу. Так что они отослали меня обратно. — Зола изобразила тонкими губами улыбку. — Не волнуйтесь, уверена, они не забудут о вашей благородной жертве. Может быть, даже пришлют благодарственное сообщение.

Адри встала, глядя на Золу и не веря своим глазам:

— Они не могли отправить тебя обратно!

Зола стянула перчатки и сунула их в карман.

— Думаю, вам стоит подать официальную жалобу. О, так неловко вторгаться. Вы, как я вижу, ужасно заняты своими делами. Так что, с вашего позволения, я пойду поработаю — у вас как раз будет время придумать удобный способ от меня избавиться.

Она зашагала в коридор. Круглая голова Ико выглянула из кухни — голубой датчик сиял от изумления. Зола сама удивилась, как быстро горечь сменилась облегчением. Совсем недавно она думала, что никогда не увидит Ико.

Недолгая радость тут же исчезла, когда Адри ворвалась в коридор следом за ней:

— Зола, стой.

Подавив искушение проигнорировать ее, Зола остановилась и обернулась к своему опекуну.

Они уставились друг на друга. Адри то открывала, то закрывала рот, как будто запиналась от удивления. Она выглядела старой. На годы старше, чем раньше.

— Я свяжусь с лабораторией, чтобы убедиться, что ты не лжешь, — сказала она. — Если ты что-то натворила… Лишила меня единственного шанса помочь моей дочери… — Гневный голос Адри надломился, затем взлетел до пронзительного крика. Зола слышала, что за словами Адри пытается спрятать слезы. — Ты не можешь быть настолько бесполезной! — Она расправила плечи и схватилась за дверной косяк.

— Чего еще вы от меня хотите? — закричала в ответ Зола, размахивая руками. — Давайте, звоните в лабораторию. Я не сделала ничего плохого. Я пошла с ними, они взяли анализы, и я им не подошла. Прошу меня извинить, что они не упаковали меня в подарочную коробку, когда отправляли обратно, если вы на это рассчитывали.

Губы Адри вытянулись в линию:

— Твое положение в этом доме не изменилось, и я не испытываю восторга, когда сирота, которую я приютила, смеет разговаривать со мной в таком непочтительном тоне.

— Неужели? — ответила Зола. — Мне перечислить, от чего я сегодня не испытала восторга? Иглы под кожу, зубцы в голову, смертоносные микробы… — Зола спохватилась, она не хотела, чтобы Адри узнала правду. Ее настоящую ценность. — Честно говоря, мне все равно, от чего вы в восторге, а от чего нет. Вы предали меня, хотя я вам ничего не сделала.

— Достаточно. Ты прекрасно знаешь, что ты мне сделала. Что сделала этой семье.

— Смерть Гарана не моя вина. — Она отвернулась. Перед глазами от гнева мелькали белые точки.

— Ладно. — В голосе Адри ничуть не убавилось превосходства. — Добро пожаловать домой, Зола. Но, пока ты продолжаешь жить в моем доме, ты продолжаешь подчиняться моим приказам. Делаешь, что я тебе говорю, это ясно?

Зола оперлась металлической рукой о стену, выпрямив

пальцы и успокаиваясь.

— Подчиняться вашим приказам. Ладно. Например, «Сделай уборку, Зола», «Найди работу, Зола, чтобы я могла оплатить мои счета», «Иди поиграй в лабораторную крысу с этими чокнутыми учеными, Зола» — да, все предельно ясно. — Она обернулась через плечо, но Ико спряталась в кухню. — Тогда вам тоже должно быть ясно, что из-за вас я потеряла половину рабочего дня, так что вы не станете возражать, если я одолжу вашу Служанку девять-два, чтобы возместить убытки. — Не дожидаясь ответа, она ринулась в свою спальню и захлопнула за собой дверь.

Она стояла, прислонившись к двери спиной до тех пор, пока предупреждающий текст не пропал с сетчатки, а руки не перестали дрожать. Открыв глаза, она обнаружила, что старый нетскрин, который Адри сбила со стены, лежит поверх стопки одеял, которая служила ей постелью, а осколки пластика просыпались на подушку.

Она не заметила, успела ли Адри купить новый или стена гостиной пустовала.

Вздыхая, Зола переоделась, стремясь избавиться от больничного запаха, пропитавшего одежду. Она ссыпала оставшиеся куски пластика в ящик с инструментами, взяла нетскрин под мышку и рискнула снова выйти в коридор. Ико не двигалась — она так и стояла, наполовину спрятавшись в кухне. Зола кивнула на выход, и Ико последовала за ней.

Она не стала заглядывать в гостиную, проходя мимо, но ей показалось, что она услышала предсмертный крик принца Кая из игры Перл.

Только они вышли в общий коридор — довольно тихий, если учесть, что соседские дети вернулись из школы, — как Ико обхватила неуклюжими руками ноги Золы:

— Как это может быть? Я была уверена, что тебя убьют. Что произошло?

Зола протянула роботу ящик с инструментами и направилась к лифтам.

— Я тебе все расскажу, но мне предстоит работа.

Она дождалась, пока они остались одни в лифте, спускающемся в подвал, прежде чем посвятить Ико во все, что произошло — исключая тот момент, когда принц Кай вошел и обнаружил ее без сознания на полу.

— Ты имеешь в виду, что тебе придется туда вернуться? — спросила Ико.

— Да, но это ничего. Доктор сказал, я сейчас вне опасности. Плюс они будут мне платить — и Адри ничего об этом не узнает.

— Сколько?

— Не знаю, но думаю, довольно много.

Ико схватила Золу за запястье, как раз когда Зола открывала дверь из проволочной сетки, ведущую в мастерскую.

— Ты понимаешь, что это значит?

— Какая именно часть?

— Это значит, ты сможешь купить себе бальное платье — красивее, чем у Перл! И сможешь пойти на бал, а Адри нечего будет возразить.

Зола сжала губы, как будто только что проглотила лимон, и выдернула руку из пожатия Ико.

— В самом деле, Ико? — сказала она, оглядывая беспорядок из инструментов и запасных частей. — Ты в самом деле думаешь, что сейчас Адри позволит мне пойти просто потому, что я смогу купить платье? Да она скорее сорвет с меня это платье… и попытается перепродать пуговицы, чем пустит на бал.

— Ладно, тогда мы ей ничего не скажем про бал. Тебе не обязательно идти с ними. Ты лучше них. Ты ценная. — Вентилятор Ико жужжал как сумасшедший, как будто ее процессор перегрелся от всех этих новостей. — У тебя иммунитет к чуме. Звезды мои, ты ведь можешь стать благодаря этому знаменитой!

Зола проигнорировала ее, наклонившись, чтобы прислонить нетскрин к стеллажам. Ее взгляд остановился на серебристой ткани, сложенной в дальнем углу, измятой, слегка сияющей в пыльном свете.

— Что это, Ико?

Вентилятор Ико замедлился — было слышно только тихое жужжание.

— Бальное платье Пионы. Я… я не смогла себя заставить его выбросить. И не думала, что кто-то еще пойдет сюда без тебя. И решила, что просто… оставлю его. Для себя.

— Это плохо, Ико. На нем могла остаться инфекция.

Зола колебалась лишь мгновение, прежде чем подойти к платью и взять его за расшитые жемчугом рукава. Оно было в грязи и помялось, и на нем действительно могла остаться инфекция, но ведь доктор сказал, что возбудители сами по себе долго не живут.

Кроме того, его больше некому было носить.

Она повесила платье на сварочный аппарат и отвернулась.

— Мы не будем тратить эти деньги на одежду, — сказала она. — И не пойдем на бал.

— Но почему? — В механическом голосе Ико отчетливо слышалось хныканье.

Зола подошла к столу, приподняла ногу и начала выгружать из голени спрятанные там инструменты.

— Помнишь автомобиль, который мы видели на свалке?

— Тот, старый, бензиновый?

Микрофоны Ико издали протяжный звук, изображая стон.

— Что с ним такое?

— Нам понадобятся деньги и время, чтобы его починить.

— Нет. Зола! Скажи, что ты шутишь!

Зола мысленно составляла список, закрывая отделение на голени и одергивая штанину. Слова бегущей строкой прокручивались у нее перед глазами: ДОСТАТЬ АВТОМОБИЛЬ. ОЦЕНИТЬ СОСТОЯНИЕ. ЗАГРУЗИТЬ СХЕМУ УСТРОЙСТВА. НАЙТИ ЗАПЧАСТИ. ЗАКАЗАТЬ БЕНЗИН. Взгляд упал на андроида Кая на рабочем столе. ПОЧИНИТЬ АНДРОИДА.

— Я серьезно.

Ощущая странное возбуждение, она стянула волосы в хвост на затылке.

Направляясь к ящику с инструментами в углу, она высматривала то, что могло пригодиться, — провода, цепи, тряпки, генераторы — все, что могло помочь привезти автомобиль, очистить или починить.

— Мы вернемся к ночи. Если получится, поставим его в гараж. Или придется чинить его прямо на свалке. Так, теперь мне нужно во дворец завтра утром и осмотреть андроида завтра днем. Но если постараться, думаю, мы сможем починить автомобиль за пару недель — может, и быстрее, смотря что придется делать, конечно.

— Но зачем? Зачем нам его чинить?

— Затем, что этот автомобиль увезет нас отсюда.

Глава 16

Ночные сиделки и андроиды прижались к стенам, когда принц Кай мчался по коридору. Он бежал всю дорогу от своей спальни на шестнадцатом этаже частных покоев дворца и остановился перевести дыхание, только когда пришлось ждать лифт. Он ворвался в дверь комнаты для посетителей и мгновенно замер, все еще сжимая дверную ручку.

Его безумный взгляд остановился на Торине — тот прислонился к стене, скрестив руки. Советник оторвал взгляд от стекла и обреченно встретил панический взгляд Кая.

— Я слышал… — начал Кай, расправляя плечи. Он вошел, смачивая пересохший рот. Дверь за ним со щелчком закрылась. Маленькая гостиная была освещена только настольной лампой и ярким флуоресцентом из карантина.

Кай вгляделся в комнату больного — как раз в этот момент медроид прятал под белой тканью закрытые глаза его отца. Бешено колотившееся сердце упало.

— Я опоздал.

— Это случилось лишь несколько минут назад, — сказал Торин, заставляя себя отойти от стены. Кай взглянул в изборожденное морщинами лицо советника, в бессонные глаза, потом на нетронутую чашку чая за портскрином. Он остался работать допоздна, вместо того чтобы идти домой, в свою постель.

Усталость и опустошение навалились на Кая разом, и он прижал пылающий лоб к холодному стеклу. Он тоже должен был быть здесь.

— Я назначу пресс-конференцию, — бесцветным голосом сказал Торин.

— Пресс-конференцию?

— Страна должна знать. Мы будем оплакивать его вместе. — Под размеренным дыханием Торин прятал потрясение, и в редкие моменты оно проступало наружу.

Кай зажмурился и потер глаза руками. Да, он знал, что это должно произойти, что его отец неизлечимо болен — все это были слова, лишенные всякого смысла. А теперь он в одночасье потерял все. Не только отца. Не только императора.

Свою молодость. Свою свободу.

— Вы будете хорошим императором, — сказал Торин. — Таким же, как он.

Кай отшатнулся от него. Он не хотел думать обо всем этом — и о том, насколько он не соответствует новой роли. Он был

слишком молод, слишком глуп, слишком оптимистичен, слишком наивен. Он не мог этого сделать.

Экран позади них засвистел, затем из него раздался сладкий женский голос: «Входящее сообщение для Его Высочества наследного принца Кайто Восточного Содружества от королевы Луны Леваны».

Кай обернулся к экрану — пустому, если не считать вращающегося глобуса в углу, означавшего, что есть входящие сообщения. Подступавшие слезы превратились в начинающуюся головную боль. Воздух сгустился, но оба — и принц и советник — оставались неподвижны.

— Как она могла узнать? Так быстро? — сказал Кай. — У нее должны быть шпионы.

Краешком глаза он увидел, как Торин поднял на него взгляд. Предупреждая, что не стоит сразу предполагать заговор.

— Возможно, вас видели маг и ее страж, — сказал он, — бегущим через весь дворец посреди ночи. Что еще это могло значить?

Кай, стиснув зубы, выпрямился во весь рост и обернулся к экрану, как к врагу.

— Похоже, период траура подошел к концу, — прошептал он. — Экран, прошу принять сообщение.

Экран вспыхнул. Он увидел королеву, она была в вуали, скрывавшей лицо, как у вечной невесты. Все, что он видел сквозь завесу, — контур черных волос и призрачные черты. Лунатики объясняли это тем, что красота их королевы — дар, видеть который земляне недостойны, но Кай слышал другое: говорили, на самом деле очарование королевы — чары, с помощью которых она морочит людей, заставляя их видеть себя божественно прекрасной, — не передавалось через нетскрины, так что она никогда не позволяла смотреть на себя через них.

Какой бы ни была причина, у Кая всегда начинало жечь глаза, если он смотрел на фигуру в белом саване слишком долго.

— Мой дорогой принц-регент, — сказала Левана сахарным голосом, — позвольте мне первой выразить соболезнования вашей потере. Вы лишились отца. Чтимого нами императора Рикана. Да покоится он с миром.

Кай бросил взгляд на Торина. *Шпионы?*

Торин не посмотрел на него в ответ.

— Хотя это трагедия, я ожидаю продолжения переговоров о заключении альянса с вами как новым лидером Содружества Земли. Поскольку я не вижу причин откладывать переговоры до вашей коронации, я думаю назначить переговоры так скоро, как это позволит ваш траур. Мой шаттл готов. Я смогу отправиться в

путь с вашим следующим восходом и лично принести вам как мои соболезнования, так и мои поздравления. Я предупрежу своего мага о прибытии. Она сможет обеспечить надлежащие условия для моего пребывания. Прошу вас не беспокоиться о моем удобстве. Уверена, у вас много других забот в это печальное время. Мои мысли с вами и всем Содружеством. — Она закончила сообщение кивком головы, и экран потемнел.

Кай с отвисшей челюстью обернулся к Торину:

— Она хочет приехать сюда? Сейчас? Еще и пятнадцати минут не прошло!

Торин прочистил горло.

— Мы должны обсудить это утром. Думаю, до пресс-конференции.

Кай отвернулся и уткнулся головой в стекло. По ту сторону под простыней виднелись очертания тела его отца — это напомнило Каю о королеве с ее вуалью. Император так сильно исхудал за последние недели, что казалось, под простыней скорее манекен, чем человек.

Его отец был уже не здесь. Он не мог больше защитить Кая. Предложить совет. Или когда-либо снова повести за собой страну.

— Она думает, что я слаб, — сказал Кай. — Она попытается убедить меня принять матримониальные условия альянса сейчас, пока вся страна в хаосе. — Он пнул стену и подавил крик боли; он и забыл, что не успел обуться. — Мы не можем отказать ей? Сказать, что она нежеланный гость?

— Я не уверен, что это демонстрация желания поддерживать мир, которого ваш отец такими усилиями добивался.

— Но это она угрожала войной последние двенадцать лет!

Торин скривил губы, и нескрываемое волнение в его глазах остудило гнев Кая.

— Обсуждение должно идти в двух направлениях, ваше высочество, — сказал он. — Мы выслушаем ее требования. Ей так же придется выслушать наши.

Плечи Кая поникли. Он развернулся и, вытянув шею, стал смотреть в потолок, по которому бродили тени.

— Что она имела в виду под тем, что ее маг обеспечит надлежащие условия?..

— Подозреваю, уберет зеркала.

Кай закрыл глаза:

— Зеркала. Точно. Я забыл.

Он помассировал лоб. Что же это за лунатики? И не просто какой-то там лунатик — королева Левана. На Земле. В его стране, в его доме. Он передернулся.

— Людям это не понравится.

— Да, — вздохнул Торин. — Завтра будет темным днем для Содружества.

Глава 17

Зола услышала свист, вслед за ним сквозь черноту сна перед глазами прокрутилось сообщение:

СООБЩЕНИЕ ИЗ 24-ГО КВАРТАЛА НОВОГО ПЕКИНА, КАРАНТИН ЛЕТУМОЗИСА. ЛИНЬ ПИОНА ВОШЛА В ТРЕТЬЮ СТАДИЮ ЗАБОЛЕВАНИЯ В 04:57 22 АВГУСТА 126 Т. Е.

Примерно минуту Зола боролась с сонным оцепенением и пыталась вникнуть в смысл слов, которые, казалось, корябали сетчатку. Она открыла глаза в своей спальне без окон и села. Все мышцы ныли после ночного путешествия на свалку. Спина болела так, что, казалось, этот старый автомобиль переехал ее, а не они с Ико тянули и толкали его по боковым дорогам. Но им все удалось. Автомобиль был ее — теперь он стоял в темном углу подземного гаража в Башне Феникса, и теперь она могла работать над ним каждую свободную минуту. И до тех пор, пока никто не пожалуется на запах, автомобиль останется их с Ико маленьким секретом.

Когда они наконец вернулись домой, Зола отключилась, как будто кто-то нажал на кнопку. И в первый раз у нее не было никаких кошмаров.

По крайней мере никаких кошмаров до того, как ее разбудило сообщение.

Мысль о Пионе — совсем одной, в карантине — заставила ее с приглушенным стоном вскочить со стопки одеял. Она натянула перчатки, стащила зеленое парчовое одеяло из бельевого шкафа в коридоре и прошла мимо Ико, работающей в режиме энергосбережения и подключенной к зарядному устройству в гостиной.

Она чувствовала себя странно, уходя без андроида, но сразу после она собиралась пойти во дворец. В коридоре она услышала чьи-то шаги этажом выше и звуки нетскрина, бормочущего утренние новости. Зола впервые вызывала хувер — и когда она вышла на улицу, он ее уже ждал. Она поднесла к сканеру свой чип и сообщила координаты карантина, прежде чем сесть далеко назад. Зола соединилась с сетью, чтобы проследить по карте, как хувер полетит в карантин. Карта загрузилась и теперь была у нее перед глазами; судя по ней, квартал карантина находился в промышленной зоне в пятнадцати милях за чертой города.

Город был сплошь тени, размытые очертания сонных домов и пустых тротуаров. Здания стали меньше, а пространство между ними больше, как только они оставили сердце города позади. Бледный солнечный свет полз вниз по улицам, и длинные тени

ложились на тротуары.

Зола и без помощи карты знала, что они достигли промышленного района. Она сморгнула ее и стала смотреть на фабрику. Невысокие бетонные корпуса были снабжены огромными жалюзи над входом — таким широким, что туда поместился бы даже самый большой хувер. А может, и грузовые суда.

Зола приложила чип к сканеру при выходе, так что хувер списал с ее и так небольшого счета практически все средства, и попросила ожидать ее. Она направилась к ближайшему корпусу, у входа в который стояли андроиды. Над дверью мерцал новый экран-вывеска:

КАРАНТИН ЛЕТУМОЗИСА. ПАЦИЕНТЫ И МЕДРОИДЫ — ТОЛЬКО ДО ЭТОЙ ЧЕРТЫ.

Она несла одеяло перед собой, и старалась выглядеть уверенно, и думала, что скажет андроидам, если они начнут расспрашивать. Но медроиды, видимо, не были запрограммированы на случай прихода в карантин здоровых людей — они едва обратили на Золу внимание, когда она вошла внутрь. Она надеялась, что и уйти сможет так же легко. Может быть, ей стоило попросить пропуск у доктора Эрланда.

Запах испражнений и гниения коснулся ее ноздрей, как только она вошла. Она отступила назад, прикрывая нос ладонью. Желудок скрутило. Она жалела, что не может регулировать уровень восприятия запаха так же, как уровень звука.

Вдыхая через перчатку и задерживая дыхание, она заставила себя войти внутрь.

Внутри было прохладнее, солнечные лучи не достигали бетонного пола. Узкий ряд окон под потолком был покрыт непрозрачным зеленым пластиком, отчего здание было погружено в тусклую дымку. Наверху жужжали серые лампы, но они едва рассеивали мрак.

Сотни кроватей выстроились между стен, покрытые разномастными одеялами: часть была собрана из пожертвований, часть — из заводского брака. Зола порадовалась, что принесла Пионе хорошее одеяло. Большая часть кроватей пустовала. Этот корпус спешно открыли как раз в прошлые недели, когда болезнь подступила к городу. И все-таки часть кроватей уже была заполнена, и человеческое присутствие наполняло корпус гулом голосов.

Несколько больных, мимо которых прошла Зола, спали или неотрывно и безучастно смотрели вверх, в потолок, их кожа была покрыта голубой и черной сыпью. Те, у кого еще оставались какие-то эмоции, склонились над портскринами — своей

последней связью с внешним миром. Они провожали Золу взглядом блестящих глаз, когда она проходила мимо.

По пути ей встретились еще медроиды — они сновали между кроватями, разнося еду и воду, но ни один из них не остановил Золу.

Она нашла Пиону спящей, замотанной в детское голубое одеяльце. Зола не была уверена, что узнала бы ее, если бы не каштановые локоны, рассыпавшиеся по подушке. Красноватые пятна распространились по коже рук. Хотя она дрожала, ее лоб блестел от пота. Она выглядела как старая женщина на пороге смерти.

Зола сняла перчатку и тыльной стороной руки прикоснулась ко лбу Пионы. Лоб был горячим и влажным на ощупь. Третья стадия летумозиса.

Она укрыла Пиону зеленым одеялом, затем замерла в нерешительности: она не знала, стоит ли будить Пиону или лучше дать ей поспать. Качаясь на пятках, она осмотрелась. Кровать позади нее была пуста. На той, что стояла с другой стороны от Пионы, чье-то маленькое тельце свернулось под одеялом в позе зародыша. Ребенок.

Зола вздрогнула, когда почувствовала, что кто-то взял ее за запястье. Пиона слабо сжимала ее стальные пальцы — на большее у нее не осталось сил. Ее глаза смотрели на Золу умоляюще. Испуганно. Потрясенно, как если бы Пиона увидела привидение.

Зола с усилием сглотнула и села в изножье кровати. Она была почти такой же жесткой, как и ее собственная.

— Заберешь меня домой? — Пиона с трудом выговаривала слова.

Зола вздрогнула. Она накрыла руку Пионы.

— Я принесла тебе одеяло, — сказала она, как если бы это объясняло ее присутствие.

Взгляд Пионы скользнул в сторону. Ее свободная рука отыскала парчовую ткань. Они ничего не говорили довольно долго, пока не услышали пронзительный крик. Пиона сжала руки, Зола обернулась, уверенная, что кого-то убивают.

Женщина в четырех проходах от них билась в кровати, крича и умоляя оставить ее в покое; медроид спокойно ждал со шприцом. Через минуту подошли еще два андроида — они держали женщину, заставляя лежать спокойно, пока первый андроид впрыскивал что-то в неподвижную руку.

Зола почувствовала прикосновение вьющихся волос Пионы и обернулась. Пиону трясло.

— Меня наказывают за что-то, — сказала Пиона, закрывая глаза.

— Не будьте смешной, — ответила Зола. — Чума — это просто… просто несправедливо. Я знаю. Но ты не сделала ничего плохого. — Она похлопала девочку по руке.

— Как мама и Перл?

— Убиты горем. Мы все очень по тебе скучаем. Но они не заразились.

Глаза Пионы широко раскрылись. Она осматривала лицо и шею Золы.

— Где у тебя пятна?

Приоткрыв рот, Зола растерянно потерла шею, но Пиона не ожидала ответа.

— Ты можешь спать там, ведь так? — сказала она, указывая на пустую кровать. — Они же не заставят тебя лежать далеко?

Зола сжала руки Пионы:

— Пиона, я не…

Она осмотрелась, но никто не обращал на них внимания. Медроид через две кровати поил какого-то больного водой.

— Я не больна.

— Но ты здесь!

— Я знаю. Это сложно объяснить. Понимаешь, я вчера была в исследовательской лаборатории, они взяли анализы и сказали… Пиона, у меня иммунитет. Я не могу заразиться чумой.

Напряженно поднятые брови Пионы вернулись на место. Она рассматривала лицо и шею Золы, ее руки снова и снова, как будто иммунитет — это что-то такое, что можно увидеть.

— Иммунитет?

Зола погладила руку Пионы быстрее, чем собиралась, обеспокоенная тем, что кому-то раскрыла свой секрет.

— Они попросили меня прийти сегодня снова. Доктор думает, что с моей помощью они смогут найти антидот. Я попросила, чтобы если они что-то найдут, первым человеком, который это получит, была ты. И он обещал.

Она с удивлением увидела, как глаза Пионы наполняются слезами:

— Это правда?

— Правда. Мы найдем антидот.

— Когда?

— Я… я не знаю точно.

Свободной рукой Пиона нашла ее запястье и сжала. Длинные ногти впились в кожу, но Зола нескоро поняла, что испытывает боль. Дыхание Пионы участилось. Она плакала и плакала, и из ее глаз ушла надежда, оставив после себя дикое отчаяние.

— Не дай мне умереть, Зола. Я хотела пойти на бал. Помнишь? И ты представишь меня принцу…

Она отвернулась, закрыв лицо в тщетной попытке то ли сдержать слезы, то ли спрятать, то ли заставить их течь быстрее. Изо рта вырвался грубый кашель с тонкой струйкой крови. Зола болезненно поморщилась, наклоняясь вперед, чтобы стереть кровь с подбородка Пионы уголком одеяла.

— Не сдавайся, Пиона. Если у меня иммунитет, значит, должен быть способ победить болезнь. И ученые его найдут. И ты пойдешь на бал. — Она собиралась сказать, что Ико удалось спасти ее платье, но тогда пришлось бы рассказывать, что исчезло все, чего Пиона когда-либо касалась. Она откашлялась и смахнула прядь с виска Пионы:

— Я могу что-нибудь для тебя сделать?

Пиона покачала головой, не поднимая ее со старой подушки, держа краешек одеяла у рта. Но потом подняла на Золу глаза:

— Мой портскрин?

Зола виновато вздрогнула.

— Прости. Он все еще сломан. Но я посмотрю его вечером.

— Я просто хочу послать сообщение Перл. И маме.

— Конечно. Я принесу его тебе, как только смогу.

Портскрин Пионы. Андроид принца. Автомобиль.

— Прости, Пиона, но я должна идти.

Маленькие руки сжались крепче.

— Я вернусь, как только смогу. Обещаю.

Пиона прерывисто вздохнула, шмыгнула носом и отпустила Золу. Она спрятала тонкие руки под одеяло, укрывшись им до подбородка.

— Попытайся поспать. Береги силы.

Пиона смотрела на Золу мокрыми глазами:

— Я люблю тебя, Зола. Я рада, что ты не больна.

У Золы сжалось сердце. Она наклонилась и поцеловала Пиону в лоб.

— И я тебя люблю.

Она старалась восстановить дыхание, одновременно заставляя себя уйти, она пыталась надеяться. Был шанс. Один шанс.

Она не смотрела ни на кого из других больных, идя к выходу из карантина, когда услышала, как ее окликают.

Она задержалась, думая, что голос, скребущий, как наждак, был не более чем плодом ее воображения — слишком много вокруг истерических криков.

— Зола?

Она обернулась и обнаружила знакомое лицо, наполовину скрытое под стеганым одеялом.

— Чан-цзе? — Она приблизилась к изножью, морщась от

острого запаха, исходившего от кровати. Чан Сачу, булочницу с рыночной площади, было почти не узнать из-за опухших век и землистого цвета, который приобрела ее кожа.

Стараясь дышать нормально, Зола обошла кровать.

Стеганое одеяло, которое закрывало рот и нос Сачи, колебалось от ее дыхания. Глаза были блестящими и такими огромными, каких Зола никогда у нее не видела. Впервые она смотрела на Золу без пренебрежения.

— Ты тоже? Зола? — спросила Сача.

Вместо ответа Зола неуверенно спросила:

— Я могу что-то для вас сделать?

Это были самые добрые слова, когда-либо сказанные между ними. Одеяло сползло, и Зола заставила себя подавить вскрик, когда увидела испещренный пятнами подбородок и горло женщины.

— Мой сын, — сказала она, с хрипом выговаривая каждое слово. — Приведи Сунто? Мне нужно его увидеть.

Зола не двигалась, вспоминая, как несколько дней назад, на рынке, Сача запретила сыну приближаться к ней.

— Привести его?

Сача выпростала одну руку из-под одеяла и схватила Золу за запястье — там, где кожа переходила в металл. Зола скорчилась, пытаясь отнять руку, но Сача крепко держала ее. Вокруг желтых ногтей расплывались синие пятна. Четвертая и последняя стадия лихорадки.

— Я постараюсь, — сказала Зола. Она потянулась и неуверенно погладила Сачу по костяшкам.

Голубые пальцы выпустили ее и легли на кровать.

— Сунто, — прошептала она. Ее взгляд все еще был прикован к Золе, но узнавание померкло. — Сунто…

Зола отстранилась, слушая, как обрывается речь. Жизнь погасла в черных глазах Сачи.

Зола содрогнулась и обхватила руками живот. Она осмотрелась. Никто из больных не обращал внимания ни на нее, ни на труп женщины рядом с ней. Потом она увидела андроида, направлявшегося к ним. Наверное, подумала Зола, они запрограммированы так, чтобы знать, когда кто-то умирает.

Как скоро уведомление о смерти пошлют семье? Когда Сунто узнает, что остался без матери?

Она хотела отвернуться и уйти, но ноги словно приросли к полу, когда андроид приблизился к кровати и взял металлическими захватами вялую руку Сачи. Женщина посерела, за исключением багровых пятен на подбородке. Ее глаза были все еще открыты и обращены к небу.

Возможно, у медроида были вопросы к Золе. Возможно, кто-то может захотеть узнать последние слова женщины. Может быть, ее сын захочет. Зола должна кому-то передать.

Но датчик медроида даже не повернулся к ней.

Зола облизнула губы. Но не могла придумать, что нужно сказать.

В корпусе медроида открылась панель, он потянулся внутрь свободной рукой с тремя зубцами и вынул скальпель. Зола скорчилась от отвращения, когда он вонзил лезвие в мертвое запястье. По ладони Сача потекла тонкая струйка крови.

Стряхнув оцепенение, Зола шагнула вперед. Бедро прижалось к спинке кровати.

— Что вы делаете? — сказала она громче, чем собиралась.

Андроид помедлил, не вынимая скальпеля из плоти Сачи. Желтый прибор видения вспыхнул, повернувшись к Золе, затем померк.

— Чем я могу вам помочь? — спросил андроид с механической вежливостью.

— Что вы с ней делаете? — Ей хотелось броситься вперед, вырвать скальпель и отшвырнуть его прочь, но она боялась, что ошибается. Должна быть причина. Что-то очень логичное. Медроиды сплошь состоят из логики.

— Извлекаю ID-чип, — сказал андроид.

— Но зачем?

Прибор видения снова полыхнул, затем опять сфокусировался на запястье Сачи.

— Ей он больше не нужен.

Андроид взял вместо скальпеля пинцет, и Зола услышала, как металл звякнул о металл. Она поморщилась, когда андроид извлек маленькую схему. Его защитное пластиковое покрытие блестело алым.

— Но… Разве вам не нужно опознавать тело?

Андроид уронил чип в поднос, который открылся в его пластиковой обшивке. Зола увидела, как чип упал в кучу других окровавленных чипов.

Андроид скрыл под потрепанным одеялом немигающие глаза Сачи.

Вместо ответа он просто сказал:

— Я запрограммирован, чтобы следовать инструкциям.

Глава 18

Медроид встал на пути у Золы, когда она выходила из здания фабрики, и преградил дорогу, вытянув худые руки:

— Пациентам строго запрещено покидать территорию карантина, — сказал он, подталкивая Золу назад, в сумрак дверного проема.

Зола сглотнула панику и остановила робота, положив ладонь на его плоский лоб.

— Я не пациент, — сказала она. — Я даже не больна. Вот, — она протянула руку, демонстрируя внутренний сгиб локтя с незажившими ранками — слишком часто кожу протыкали за последние два дня.

Внутри андроида зажужжал процессор, просматривая базу данных в поисках логической реакции. Потом панель в его торсе открылась, обнаружив третью руку, увенчанную шприцом — и рука потянулась к Золе. Она вздрогнула, ощутив прикосновение нежной кожей, но постаралась расслабиться, пока андроид брал новый образец крови. Шприц исчез в корпусе андроида, и Золе оставалось только ждать, раскатав и одернув рукав, — теперь он прикрывал край перчатки.

Тест, кажется, занял больше времени, чем тогда, на свалке, — и вверх по позвоночнику Золы поползла паника. Что, если доктор Эрланд ошибся? Но тут она услышала низкий гудок, и андроид попятился, освобождая ей путь.

Она выдохнула и пошла прочь по горячему асфальту, не оглядываясь на медроида и его компаньонов. Хувер все еще ждал ее. Сев на заднее сиденье, она приказала отвезти ее во дворец в Новом Пекине.

В прошлый раз ее доставили во дворец без сознания, и теперь она приникла к окну хувера, когда он взмыл над крутой дорогой, ведущей к вершине утесов, окаймлявших город. Она подключилась к сети в поисках информации и узнала, что дворец был построен после Четвертой мировой войны, когда от города остались одни булыжники. Он был спроектирован в стиле Старого света, с равной долей ностальгического символизма и инженерии, возведенной в ранг искусства. Крыши в форме пагод были сделаны из позолоченной черепицы, их окружали горгульи — *цилини*, но на самом деле черепицы были из гальванизированной стали, покрытой тонким слоем солнечных капсул, которые позволяли снабжать энергией весь дворец, включая исследовательское крыло, а горгульи были оснащены датчиками движения, ID-сканерами, камерами полного обзора и

радарами, которые могли обнаружить приближение воздушных судов и хуверов в радиусе шестидесяти миль. Однако все это было скрыто от глаз в вычурной резьбе балок и ярусах павильонов.

Но внимание Золы привлекли не современные технологии, а мощеная дорога с вишневыми деревьями в цвету по сторонам. Бамбуковые ширмы у входов в сад. Ручей, непрерывно текущий сквозь маленькое окошко.

Хувер не остановился у главного входа с алой крытой колоннадой. Вместо этого он обогнул дворец с северной стороны — ближе всего к исследовательскому крылу. Хотя эта часть дворца была более современной и куда менее ностальгической, Зола все-таки заметила у входа приземистого Будду с улыбающимся лицом. Когда она расплатилась с хувером и подошла к автоматической стеклянной двери, едва уловимый импульс коснулся ее лодыжки — Будда сканировал посетителей на предмет ношения оружия. К ее облегчению, сталь в ее ноге не заставила сработать сигнал тревоги.

Внутри ее поприветствовал андроид, который спросил у нее имя и сказал подождать лифт в холле. Исследовательское крыло было похоже на улей, где роились дипломаты, доктора и андроиды — все по своим делам.

Лифт открылся, и Зола шагнула внутрь, радуясь, что может побыть одна. Двери начали закрываться, но потом замерли и открылись снова.

— Пожалуйста, подождите, — сказал механический голос оператора лифта.

Мгновением позже в полуоткрытые двери ворвался принц Кай.

— Прошу прощания, благодарю, что подожда… — Он увидел ее и застыл: — Линь-мэй?

Зола заставила себя отойти от стены лифта и склонилась в самом естественном поклоне, какой могла изобразить, попутно проверяя, достаточно ли высоко натянута перчатка.

— Ваше высочество, — слова вырвались тут же, сами собой, автоматически, и она чувствовала, что должна сказать что-то еще, чтобы заполнить пространство в лифте, но ничего не приходило в голову.

Двери закрылись; лифт начал подниматься.

Она откашлялась.

— Вы можете… эммм… звать меня просто Зола. Не обязательно быть столь…

Дипломатичным.

Уголок его рта дернулся, но эта почти-улыбка не отразилась в

его глазах.

— Ладно, Зола. Ты преследуешь меня?

Она нахмурилась, внутренне ощетинившись, прежде чем поняла, что он ее просто дразнит.

— Я просто иду проверить медроида, которого осматривала вчера. Чтобы убедиться, что не осталось скрытых неполадок и все такое.

Он кивнул, но Зола заметила, что в глубине его глаз залегли тени, а осанка приобрела какую-то новую твердость.

— А я просто шел к доктору Эрланду узнать, как дела с антидотом. Появились новые слухи, будто бы он добился успеха с кем-то из недавнего набора. Думаю, тебе он ничего такого не говорил?

Зола подергала петли для ремня на поясе.

— Нет, он не упоминал об этом. Но я всего лишь механик.

Лифт остановился. Кай жестом пригласил ее выйти первой и последовал за ней к лабораториям. Она шла и смотрела на белый пол, остающийся позади.

— Ваше высочество? — По пути им встретилась молодая женщина с тяжелой черной косой. Она смотрела на принца Кая с искренним сочувствием. — Мне так жаль.

Взгляд Золы метнулся к Каю, который кивнул женщине:

— Спасибо, Фатин.

И принц пошел дальше.

Зола нахмурилась.

Не успели они сделать и десяти шагов, как их остановил мужчина, несущий полные пригоршни чистых пробирок.

— Мои соболезнования, ваше высочество.

Зола задрожала, ноги сами собой остановились.

Кай тоже остановился и взглянул на нее:

— Ты не выходила утром в сеть.

Один удар сердца — и она уже соединялась с сетью, страницы мелькали перед глазами. Новая страница ВС, полдюжины фотографий императора Рикана, пара фотографий Кая — принца-регента.

Она прикрыла рот ладонью.

Кай выглядел удивленным, но только на миг. Он тряхнул головой, черные волосы упали на глаза.

— Быстро соображаешь.

— Мне так жаль. Я не знала.

Он сунул руки в карманы и оглядел коридор. Только теперь Зола заметила, что глаза у него слегка покраснели.

— Если бы смерть моего отца была самым худшим из всего…

— Ваше высочество?.. — Она все еще просматривала сеть, но

смерть императора казалась самым важным событием прошлой ночи. Помимо этой, стоящая новость была всего одна, но она сообщала, что коронация принца назначена на тот же день, что и фестиваль, и состоится перед балом.

Он встретил ее взгляд, и на его лице отразилось удивление, как будто он забыл, с кем разговаривает. Потом сказал:

— Можешь звать меня Кай.

— Прошу прощения?

— Больше никаких «высочеств». Мне этого хватает от… от всех остальных. А ты зови меня просто Кай.

— Нет. Это будет не…

— Не заставляй меня превращать это в королевский приказ! — На его лице мелькнула тень улыбки.

Зола подняла плечи до самых ушей, внезапно чувствуя смущение.

— Ладно. Я думаю.

Она почти забыла, что они были в холле исследовательского крыла, окруженные людьми, которые их вежливо не замечали, как будто их просто не было. Она пошла по коридору, гадая, не сказала ли чего не к месту, и чувствуя себя странно, потому что принц вдруг превратился в просто Кая. И это было неправильно.

— И что все-таки случилось с андроидом?

Она поскребла масляное пятно на перчатке.

— О, прошу прощения. Она еще не готова. Клянусь, я сейчас ею занимаюсь.

— Нет, я имел в виду медроида. Ты же его починила для доктора Эрланда?

— О. О, правда. Эмм… Это… во всем был… виноват сгоревший провод. Между оптосенсором и контрольной панелью.

Кай поднял бровь, словно сомневаясь в убедительности ее слов. Она откашлялась.

— Ты… эмм… сказал, что есть что-то худшее? До этого?

В мучительное мгновение до того, как Кай ответил, ее пробрала дрожь.

— Не обращай внимания. Я не собираюсь выспрашивать.

— Нет, все в порядке. — Он понизил голос и наклонил к ней голову. — Сегодня утром королева Луны сообщила, что собирается посетить Содружество с дипломатической миссией. Предположительно.

Зола чуть не упала, но Кай продолжал идти. Она замерла позади него:

— Королева Луны будет здесь? Не может быть.

— Хотел бы я в это верить. Все андроиды в замке провели утро, вынося все отражающие поверхности из крыла для гостей.

Это просто смешно — как будто нам больше нечем заняться.

— Отражающие поверхности? Я всегда думала, что это предрассудки.

— Очевидно, нет. Это как-то связано с их чарами… — Он обвел пальцем лицо, потом замолчал. — На самом деле, не имеет значения.

— Когда она приезжает?

— Сегодня.

Зола почувствовала, как внутри нее что-то оборвалось. Королева Луны? Приезжает в Новый Пекин? По рукам пополз холод.

— Я сделаю объявление через полчаса.

— Почему она приезжает сейчас, когда мы в трауре?

Мрачная улыбка:

— Именно потому, что мы в трауре.

Кай помолчал. Оглядев коридор, он шагнул к Золе и понизил голос:

— Послушай, я действительно ценю твою работу с медроидами и уверен, что у лучшего механика в городе есть миллион важных дел, но, хоть я и боюсь показаться избалованным принцем, могу я попросить тебя перенести Наинси в начало списка? Я уже начинаю нервничать, когда же она вернется. Я, — он поколебался, — я думаю, мне бы пригодилась моральная поддержка моего детского гувернера прямо сейчас. Понимаешь?

Напряженный взгляд не пытался скрыть истинного значения слов. Он хотел, чтобы она знала, что он лжет. Это не имело отношения ни к моральной поддержке, ни к детским воспоминаниям.

Паника в глубине глаз была красноречивее всяких объяснений. Что за сведения такой важности могли быть у андроида? И какое отношение это имело к королеве Луны?

— Конечно, ваше высочество. Извини, принц Кай. Я займусь ей сразу же, как только приду домой.

Ей показалось, она заметила благодарность где-то в глубине, спрятанную меж всех тревог и переживаний. Кай указал на дверь рядом с ним, на которой значилось «Доктор Эрланд». Он открыл перед ней дверь и пригласил войти первой.

Доктор Эрланд сидел за лакированным столом, на котором лежал экран, и был полностью поглощен изучением его содержимого. Заметив Кая, он вскочил, одновременно приподняв шляпу, и развернул к нему свой столик.

— Ваше высочество… мне так жаль. Я могу что-то сделать для вас?

— Нет, благодарю вас. — Отточенная частым повторением фраза. Потом он отвел плечи назад, словно передумал: — Найдите лекарство.

— Я найду, ваше высочество. — Он надел шляпу. — Конечно, найду.

Уверенность в лице доктора была просто поразительной, это и впрямь убеждало. Зола тут же подумала, может быть, он выяснил что-то новое за те несколько часов, что прошли с их последней встречи. Она подумала о Пионе, одной, в карантине. И, хотя мысль была ужасной и она тут же выругала себя, она ничего не могла с собой поделать: если император Рикан умер, Пиона первой получит антидот.

Кай прочистил горло:

— Я обнаружил вашего прелестного механика в лобби, и она сказала, что пришла еще раз проверить одного из медроидов. Вы знаете, что я могу найти средства на более современные модели, если потребуется.

Золу потрясло простое слово — *прелестный*, — но ни доктор, ни принц не смотрели на нее. Нетвердо стоя на ногах, она оглядела комнату. Из окна — от пола до потолка — открывался чудесный вид на роскошные королевские сады и город за ними. Открытые полки были наполнены вещами одновременно знакомыми и необычными, новыми и древними. Стопка книг — не портскринов, а настоящих, бумажных книг. Сосуды, наполненные высушенными листьями и цветами, с тщательно подписанными жидкостями, с образцами-животными в формальдегиде. Ряды камней, фрагментов металлов и руд — все так же тщательно подписаны.

Это скорее походило на приемную чародея, чем на кабинет королевского ученого.

— Нет, нет, за ними просто нужно немного присматривать. — Доктор Эрланд снова лгал так же гладко, как и вчера. — Не о чем беспокоиться, к тому же мне пришлось бы программировать новую модель заново, а это адова работа. И потом, если не будет сбоев в работе медроидов, где найти повод, чтобы время от времени приглашать мисс Линь во дворец?

Зола слушала доктора ни жива ни мертва, но потом увидела, как на лице Кая появляется улыбка.

— Доктор, — сказал Кай, — до меня дошли слухи, что на днях вы совершили некий прорыв. Это правда?

Доктор Эрланд вынул из кармана очки и принялся протирать их полою лабораторного халата.

— Мой принц, вы слишком хорошо осведомлены, чтобы спрашивать меня о подобном. Вы знаете, что я ненавижу

обнадеживать кого-то прежде, чем сам узнаю наверняка. Но когда у меня будет достоверная информация, вы первым увидите отчет. — Он нацепил очки на нос.

Кай сунул руки в карманы. Казалось, он удовлетворен.

— Ладно, тогда я вас оставлю и надеюсь со дня на день увидеть отчет на своем столе.

— Это будет непросто, ваше высочество, учитывая, что у вас нет стола.

Кай пожал плечами и обернулся к Золе. Его взгляд слегка смягчился, когда он с вежливым поклоном сказал:

— Надеюсь, наши пути пересекутся вновь.

— Правда? В таком случае, я продолжу вас преследовать. — Она тут же пожалела о шутке, но Кай уже рассмеялся. Настоящим смехом, и в груди у нее потеплело.

Принц взял ее руку — искусственную руку. Зола напряглась, ужасаясь при мысли, что он почувствует металл, даже сквозь перчатку, и не смея отдернуть руку — это покажется подозрительным. Она мысленно приказывала руке быть мягкой, податливой, человеческой, глядя, как Кай подносит руку к губам и целует. Она задержала дыхание, слишком взволнованная и смущенная.

Принц отпустил ее, поклонился — волосы снова упали на глаза — и вышел.

Зола стояла, не двигаясь, слушая, как гудят внутри нервы-провода.

Она слышала, как доктор Эрланд заинтересованно фыркнул, но дверь, едва закрывшись, открылась снова.

— Изящно, — прошептал доктор, когда Кай снова вошел.

— Прошу прощения, но я могу перемолвиться словом с Линь-мэй?

Доктор Эрланд сделал приглашающий жест в ее сторону:

— Безусловно.

Кай обернулся к ней, все еще стоя в дверях.

— Я знаю, что это прозвучит крайне несвоевременно, но поверьте, в основе моих побуждений лишь стремление к самосохранению. — Он сделал резкий вдох. — Вы согласитесь быть моим личным гостем на балу?

Золе показалось, что пол под ней разверзся. Вероятно, она просто не расслышала.

Но Кай стоял, терпеливо ожидая, и наконец вопросительно поднял брови.

— П-прошу прощения?

Принц прочистил горло и выпрямился.

— Я полагаю, вы идете на бал?

— Я… я не знаю. Я имею в виду, нет. Нет, мне очень жаль, я не иду на бал.

Кай смущенно отступил:

— О… Ладно… но, может быть, вы перемените свое решение? Потому что я… ну, вы знаете.

— Принц.

— Не хвастаюсь, — быстро сказал Кай. — Просто констатирую факт.

— Я знаю. — Она сглотнула. Бал. Принц. Принц Кай просит ее прийти на бал. Но той ночью она с Ико будет уже в пути, прочь отсюда, если автомобиль удастся починить вовремя. Той ночью они сбегут.

И потом, он и сам не знал, кого… нет, что… он об этом просит. Если бы он знал правду… А если кто-нибудь узнает?

Кай встал еще прямее, бросив нервный взгляд на доктора.

— Я… я благодарю вас. Мне очень жаль. Но я вынуждена ответить отказом на ваше любезное приглашение.

Он моргнул. Опустил глаза, осознав услышанное. Затем вскинул голову и попытался улыбнуться, но улыбаться было разве что не больно.

— Нет, все в порядке. Я понимаю.

Доктор Эрланд откинулся в кресле за своим столом.

— Мои искренние соболезнования, ваше высочество. Вижу, у вас появился еще один повод для скорби.

Зола бросила на него ледяной взгляд, но он снова был поглощен протиранием очков.

Кай почесал в затылке.

— Был рад снова увидеть вас, Линь-мэй.

Она попыталась что-то сказать в ответ — что-то формальное, принести извинения, придумать оправдания, но принц не стал дожидаться ни того, ни другого. Дверь уже захлопнулась за ним.

Она закрыла рот. Мысли в голове сверкали и роились, как пузырьки шампанского. Доктор Эрланд поцокал языком, и она уже собралась обрушиться на него со всеми своими дурацкими объяснениями, но он отвернулся раньше, чем она успела сказать хоть слово, и снова прямо уселся на своем месте.

— Какая жалость, что вы не умеете краснеть, мисс Линь.

Глава 19

Доктор Эрланд протянул руки к стулу по другую сторону стола.

— Сядьте, пожалуйста. Я только закончу с кое-какими записями, а потом расскажу вам о том, что узнал со вчерашнего дня.

Зола села, радуясь возможности дать отдых вдруг ослабевшим ногам.

— Принц просто…

— Да. Я стоял прямо здесь. — Доктор Эрланд занял свое место и постучал по экрану на столе.

Зола откинулась на спинку стула, сжав руки, чтобы они не дрожали. Ее мозг снова прокручивал разговор с принцем, в то время как дисплей на сетчатке сообщал о выбросе эндорфинов в большом количестве и советовал успокоиться.

— Как вы думаете, что он имел в виду, когда сказал, что им движет лишь стремление к самосохранению?

— Он, вероятно, не хочет, чтобы в этом году на него скопом набросились все барышни на балу. Вы знаете, пару лет назад это граничило с массовым помешательством.

Она прикусила губу. Из всех девчонок во всем городе она была… самой удобной.

Она заставила себя осмыслить сказанное и запомнить. Она была здесь; она казалась нормальной; она была безопасной спутницей для бала — вот и все.

Кроме того, он был в трауре. Он не думал ни о чем таком.

— Император Рикан умер, — сказала она, пытаясь ухватиться за любую другую тему для размышлений.

— Это правда. Принц Кай был близок со своим отцом, вы знаете.

Она опустила взгляд на экран, над которым сгорбился доктор Эрланд. Она смогла увидеть лишь небольшую диаграмму — человеческий торс, окруженный таблицами, плотно заполненными текстом. Казалось, он не имел к ней никакого отношения.

— Я бы соврал, — продолжил доктор Эрланд, — если бы сказал, что у меня не было тайной надежды успеть найти антидот, чтобы спасти Его Величество, но с того самого момента, как диагноз был поставлен, было ясно, что это маловероятно. Тем не менее, мы должны продолжать работать.

Она кивнула, думая о маленькой ручке Пионы, сжимающей ее руку.

— Доктор, почему вы не сказали принцу обо мне? Разве вы не хотите, чтобы он знал, что вы нашли кого-то, у кого есть иммунитет? Разве это не важно?

Он сжал губы, но не посмотрел на нее:

— Возможно, я должен был так поступить. Но на него легла бы ответственность поделиться этой новостью со страной, а я не думаю, что мы готовы привлекать такое внимание. Когда у нас будут неопровержимые доказательства того, что вы… так ценны, как я надеюсь, мы поделимся новостями с принцем. И с миром.

Она взяла в руки стилос, лежащий на столе в стороне от портскрина, и стала рассматривать его, как будто он был научным чудом. Потом, вращая его над пальцами, как фокусник, она прошептала:

— И еще вы не сказали, что я киборг.

Вокруг глаз доктора появились морщинки:

— Ах. И именно это волнует вас больше всего?

Прежде чем она успела согласиться или возразить, доктор Эрланд махнул рукой, словно говоря, что ей не обязательно занимать оборонительную позицию:

— Вы думаете, я должен ему сказать? Что ж, скажу, если вы хотите. Но, откровенно говоря, я не вижу, почему это должно его касаться.

Зола уронила стилос на колени:

— Нет, это не… Я просто…

Доктор Эрланд фыркнул. Он смеялся над ней.

Зола тоже раздраженно фыркнула и уставилась в окно. Город почти ослеплял, таким ярким он был в лучах утреннего солнца.

— Не то чтобы это имело значение. В конце концов он все равно узнает.

— Да, думаю, узнает. Особенно если продолжит проявлять к вам… гм… интерес.

Доктор Эрланд отодвинул стул от стола.

— Ну, вот. Секвенирование вашего ДНК завершено. Пойдем в лабораторию?

Она последовала за ним в стерильный коридор. До лаборатории было недалеко, и они вошли в комнату — на этот раз 11D, которая выглядела в точности как 4D: нетскрин, встроенные шкафы, стол для осмотра. Зеркала не было.

Зола молча села на стол.

— Я сегодня ходила в карантин… навестить сестру.

Доктор остановился, положив руку на кнопку включения нетскрина.

— Это было рискованно. Вы ведь понимаете, что люди, оказавшись в карантине, больше его не покидают?

— Я знаю. Но я должна была ее увидеть.

Она качнула ногами, ударив ножку стола.

— Один из медроидов взял у меня анализ крови, когда я уходила. Я была здорова.

Доктор суетился у панели управления нетскрина.

— На самом деле, я просто думала, что вы должны знать. На случай, если это на что-то повлияет.

— Не повлияет. — Он провел языком от одного уголка рта до другого. Через секунду экран вспыхнул, оживая. Он коснулся руками экрана, открывая файл Золы. Сегодня файл выглядел сложнее. Теперь там была информация, которой даже сама Зола о себе не располагала.

— И я кое-что видела, — сказала она.

Доктор крякнул, обращая больше внимания на экран, чем на нее.

— Один из медроидов забрал ID-чип у пациентки, когда она умерла. Медроид сказал, что его так запрограммировали. У него уже были десятки чипов.

Доктор Эрланд повернулся к ней. На его лице была написана заинтересованность. Казалось, он что-то обдумывал; беспокойство медленно сходило с его лица.

— Хорошо.

— Что хорошо? Зачем он это сделал?

Доктор почесал щеку, то место, где начинала расти борода.

— Это обычная практика в сельской местности, где чума свирепствует намного дольше, чем в городах. Чипы извлекают у умерших и продают. Незаконно, конечно, но я понимаю, что можно запросить высокую цену.

— Зачем кому-то чужой ID-чип?

— Затем, что довольно сложно прожить без чипа — денежные счета, доходы, лицензии — все это должно быть привязано к какой-то личности. — Он сдвинул брови. — Интересно другое. Эпидемия чумы длится уже несколько лет. Можно предположить, что рынок насыщен свободными чипами. Любопытно как раз то, что они по-прежнему востребованы.

— Я знаю, но если у вас и так есть… — Она замолчала, осмысляя его слова. Неужели на самом деле так легко украсть чужую личность?

— Разве что вы хотите стать кем-то другим, — сказал он, прочитав ее мысли. — Воры. Те, кто бежит от закона. — Доктор потер голову сквозь шляпу. — Редкие лунатики. У них, конечно, изначально нет вообще никаких чипов.

— Их нет на Земле. Ну, кроме послов, очевидно.

Доктор Эрланд посмотрел на нее с жалостью, как на

несмышленого ребенка.

— Ну, конечно, есть. К бесконечному разочарованию королевы Леваны, не всем лунатикам легко промыть мозги до состояния бессмысленной удовлетворенности, и многие, рискуя жизнью, пытаются сбежать с Луны и переселиться сюда. Луну покинуть нелегко, и чаще попытки к бегству заканчиваются гибелью, а не успехом, особенно учитывая ужесточения правил в портах Луны, но я уверен, это до сих пор случается.

— Но… это незаконно. Их здесь вообще не должно быть. Почему мы не остановим их?

В какой-то момент ей показалось, что доктор Эрланд сейчас засмеется.

— Трудно покинуть Луну. Пробраться на Землю — самая легкая часть. У лунатиков есть способы замаскировать свои корабли так, чтобы земные радары их не засекали.

Магия. Зола передернулась:

— Вы говорите об этом так, как будто они совершают побег из тюрьмы.

Доктор Эрланд поднял брови:

— Да. Это выглядит именно так.

Зола пинала ботинками лабораторный стол. От мысли, что королева Левана приедет в Новый Пекин, скручивало живот. А от мысли о десятках, может быть, даже сотнях лунатиков, живущих на Земле и выдающих себя за землян, ее чуть не стошнило. Эти дикари с запрограммированным чипом и способностью промывать мозги могут быть кем угодно, стать кем угодно.

И земляне даже не поймут, что ими манипулируют.

— Не пугайтесь так, мисс Линь. Они в основном держатся на окраинах, где больше шансов остаться незамеченными. Вероятность того, что вы когда-нибудь пересечетесь с одним из них, крайне мала.

Зола села прямо:

— Вы, я вижу, много знаете о лунатиках.

— Я старый человек, мисс Линь. Я многое знаю о многих вещах.

— Ладно, тогда вопрос. Что за история с лунатиками и зеркалами? Я всегда думала, что это предрассудки. Что они боятся зеркал. Но… это правда?

Доктор сдвинул брови:

— В этом есть доля истины. Но все не совсем так. Вы знаете, как именно лунатики используют чары?

— На самом деле, нет.

— Что ж, ясно, — сказал он, покачиваясь на пятках. — Хорошо… Дар лунатиков — не более чем возможность

манипулировать биоэлектрической энергией — энергией, которую естественным образом производят все живые существа. Например, ту же самую энергию акулы используют, чтобы обнаружить добычу.

— Похоже на то, что могли бы делать лунатики.

Вокруг рта доктора появились складки.

— У лунатиков есть уникальная способность не только обнаруживать чужую биоэнергию, но и управлять ею. Они могут манипулировать ею так, что люди видят то, что лунатик хочет им показать, и даже чувствуют то, что он хочет заставить их почувствовать. Очарованием они называют иллюзию, которую создают у других о себе.

— Это… как заставить людей думать, что вы красивее, чем на самом деле?

— Именно. Или… — он указал на руку Золы, — увидеть кожу там, где на самом деле металл.

Зола, стараясь прочувствовать, потерла искусственную руку сквозь перчатку.

— Именно поэтому королева Левана так поразительно выглядит. Некоторые одаренные лунатики — такие, как королева, — способны поддерживать чары постоянно. Но, точно так же, как она не может обмануть нетскрины, никто не может обмануть зеркала.

— Значит, они не любят зеркала, потому что не хотят видеть себя?

— Тщеславие тоже имеет значение, но это скорее вопрос контроля. Легче заставить других поверить, что ты прекрасна, если сама веришь, что ты на самом деле прекрасна. Но зеркала говорят тебе правду. — Доктор Эрланд с любопытством посмотрел на нее. — А теперь вопрос к вам, мисс Линь. Откуда такой внезапный интерес к лунатикам?

Облизнув губы, Зола опустила взгляд на руки и поняла, что все еще вертит стилос, позаимствованный со стола доктора.

— Из-за того, что сказал Кай.

— Его высочество?

Она кивнула:

— Он сказал, что королева Левана прибывает в Новый Пекин.

Доктор отступил на шаг. Он уставился на нее, густые брови почти касались краев шляпы, а затем отошел от шкафчиков. Впервые за сегодняшний день все его внимание принадлежало Золе:

— Когда?

— Она должна прибыть сегодня.

— Сегодня?

Зола подскочила. Она не могла представить до этого, что доктор Эрланд способен повысить голос. Он резко отвернулся от нее, поглаживая шляпу и размышляя.

— Вы в порядке?

Он отмахнулся от вопроса.

— Я полагаю, она дожидалась этого. — Он снял шляпу, обнажив лысину, окруженную тонкими спутанными волосами. Несколько раз продел пальцы сквозь редкую шевелюру. — Она надеется устроить охоту на Кая. Его юность. Его неопытность. — Он яростно выдохнул и водрузил шляпу обратно.

Зола положила руки на колени и растопырила пальцы.

— Что вы имеете в виду под охотой на него?

Доктор повернулся к ней спиной. У него было взволнованное лицо и обеспокоенные глаза. Взгляд, который он бросил на Золу, заставил ее съежиться.

— Вы не должны беспокоиться о принце, мисс Линь.

— Не должна?..

— Она прибывает сегодня? Он так сказал?

Она кивнула.

— Тогда вы должны уйти. Быстро. Вы не можете находиться здесь, когда она появится.

Он согнал ее со стола. Зола спрыгнула, но не сделала ни шага к двери.

— Какое это имеет отношение ко мне?

— У нас есть ваши образцы крови, ДНК. Теперь мы можем обойтись без вашего присутствия. Только держитесь подальше от дворца, пока она не уедет. Понятно?

Зола упорно стояла на месте.

— Нет, не понимаю.

Доктор посмотрел на нетскрин, на котором все еще были ее данные. Он казался сбитым с толку. Старым. Усталым.

— Экран, текущую ленту новостей, пожалуйста.

Данные Золы исчезли, сменившись новостями.

Заголовок сообщал о смерти императора. «…Его Высочество готовится через несколько минут сказать речь относительно смерти императора и предстоящей коронации. Мы проведем прямую трансляцию…»

— Без звука.

Зола сложила руки.

— Доктор?

Он повернулся, обратив к Золе умоляющие глаза:

— Мисс Линь, вы должны выслушать меня очень внимательно.

— Я включила свой аудиоинтерфейс на максимальную

громкость, — сказала она, прислонившись спиной к шкафчикам, разочарованная тем, что доктор никак не отреагировал на ее сарказм.

Вместо этого он недовольно вздохнул:

— Я не знаю, как сказать. Я думал, у нас больше времени.

Он потер ладонью о ладонь. Затем зашагал к двери. Расправил плечи и снова посмотрел на Золу:

— Вам было одиннадцать на момент операции, верно?

Этот вопрос был совсем не тем, чего она ожидала.

— Да…

— И вы ничего не помните до этого?

— Ничего. Какое это имеет отношение к…

— А ваши приемные родители? Они, разумеется, должны были вам рассказать что-нибудь о вашем детстве? О вашем происхождении?

Ее правая ладонь начала потеть.

— Мой отчим умер вскоре после аварии, и Адри не любит об этом говорить, если она вообще что-нибудь знает. Удочерить меня — это была не совсем ее идея.

— Вы что-нибудь знаете о своих биологических родителях?

Зола покачала головой:

— Только имена, даты рождения… То, что было в файлах.

— В файлах чипа.

— Ладно, — раздражение прорвалось наружу, — что вы имеете в виду?

Взгляд доктора Эрланд смягчился, пытаясь успокоить, но его вид только нервировал Золу.

— Мисс Линь, по вашим образцам крови я определил, что вы на самом деле лунатик.

Слова захлестнули Золу, как если бы он говорил на другом языке. Механизмы в голове тикали, тикали, тикали, как будто решали уравнение, не имеющее решений.

— Лунатик? — Слово исчезло, едва она его произнесла, словно его и не существовало вовсе.

— Да.

— Лунатик?!

— Самый настоящий.

Она шарахнулась назад. Посмотрела на стены, на стол для осмотра, на безмолвный выпуск новостей.

— У меня нет магии, — сказала она, скрестив руки, словно защищаясь.

— Да, ну что ж. Не все лунатики рождаются с даром. Таких называют пустышками, и в несколько унизительной коннотации, так что… хотя «биоэнергетически нечувствительные» звучит

немногим лучше, верно? — Он неловко засмеялся.

Зола сжала металлическую руку в кулак. На короткий миг ей захотелось и впрямь обладать магией и послать в голову доктору молнию.

— Я не лунатик. — Она сорвала перчатку и помахала перед ним металлической рукой. — Я киборг. Вам не кажется, что это и само по себе уже достаточно плохо?

— Лунатики могут быть киборгами так же легко, как и люди. Это редкость, учитывая, как они возражают против кибернетики и мозговых интерфейсов…

Зола даже вздохнуть не могла.

— Нет. Кто будет возражать против этого?

— Но быть лунатиком и быть киборгом не взаимоисключающие понятия. И я не удивлен, что вас привезли сюда. После того как королева Ченнэри узаконила детоубийство по отношению к лишенным дара, многие родители пытались спасти своих детей-пустышек, отправив их на Землю. Конечно, большинство погибло или было казнено, но… Видимо, вы из тех, кто выжил. И не был казнен.

Оранжевый свет мигнул в углу поля зрения. Зола покосилась на доктора:

— Вы врете.

— Я не вру, мисс Линь.

Она открыла рот, чтобы начать спорить — но с чем именно? Какие слова заставили сработать детектор лжи?

Свет пропал, когда доктор продолжил говорить.

— Это также объясняет ваш иммунитет. На самом деле, когда вчера ваш организм победил патогены, первое, что мне пришло в голову, — что вы родом с Луны, но я не хотел ничего говорить, пока моя догадка не подтвердится.

Зола прижала ладони к глазам, закрываясь от флуоресцентов.

— Какое отношение это имеет к иммунитету?

— У лунатиков иммунитет к этому заболеванию, разумеется.

— Нет! Не разумеется. Это не общеизвестно. — Она заложила руки за голову, под конский хвостик.

— Ах. Ну, это подсказывает здравый смысл, если вы знаете историю, — он всплеснул руками, — которую, я полагаю, большинство не знает.

Зола закрыла лицо, хватая ртом воздух. Может быть, доктор сумасшедший, и она не обязана верить его словам.

— Видите ли, — сказал доктор Эрланд, — лунатики изначально являлись носителями летумозиса. Их миграция на Землю, в сельские районы, в основном во время правления королевы Ченнэри, и обусловила первый контакт землян с

возбудителями. Это обычная ситуация в истории. Крысы, которые принесли бубонную чуму в Европу, конкистадоры, которые принесли оспу аборигенам Америки. Современный иммунитет сформировался у землян во второй эре, но когда началась миграция лунатиков… Иммунная система землян оказалась просто не готова. И как только появились первые лунатики-переносчики, болезнь стала распространяться со скоростью лесного пожара.

— Я думала, что не заразна.

— Сейчас не заразны, потому что ваш организм уже выработал средства для борьбы с возбудителем, но, возможно, в какой-то момент и были. Кроме того, я подозреваю, что лунатики обладают иммунитетом разного уровня, и если у некоторых организм способен полностью избавиться от возбудителей, другие остаются переносчиками — у них нет никаких внешних симптомов, и они просто живут, не подозревая, причиной каких бед становятся.

Зола замахала руками перед собой.

— Нет. Вы ошибаетесь. Есть какое-то другое объяснение. Я не могу быть…

— Я понимаю, что сложно принять все это сразу. Но мне нужно, чтобы вы поняли, почему вы не можете здесь находиться, когда приедет Ее Величество. Это слишком опасно.

— Нет, вы не понимаете. Я не одна из них!

Быть киборгом и лунатиком одновременно. Когда и чего-то одного достаточно, чтобы сделать ее мутантом, изгоем. Но сразу быть и тем, и другим?.. Она вздрогнула. Лунатики — жестокие дикари. Они убивают своих детей-пустышек. Они лгут и промывают друг другу мозги просто потому, что могут. Им все равно, кому они причиняют боль, если могут извлечь из этого выгоду. Она не одна из них.

— Мисс Линь, вы должны послушать меня. Вас привезли сюда не просто так. На это была причина.

— И она в том, чтобы помочь вам найти лекарство? Думаете, это своего рода хитрый подарок судьбы?

— Я не говорю о судьбе или предназначении. Я имею в виду выживание. Нельзя допустить, чтобы королева увидела вас.

Зола съежилась у ящичков, еще более озадаченная:

— Почему? Какое ей до меня дело?

— Ей до вас очень большое дело. — Он колебался, его голубые, как море, глаза смотрели на нее в дикой панике. — Она… она ненавидит лунатиков-пустышек, как я уже говорил. У пустышек иммунитет к лунным чарам. — Он покрутил руками в воздухе, словно в поиске подходящих слов. — К промыванию

мозгов. Королева Левана не может контролировать пустышек, поэтому продолжает их истреблять. — Очертания его губ стали жестче. — Королева Левана не остановится ни перед чем, чтобы сохранить власть и пресечь любые попытки сопротивления. Это означает, что она будет убивать всех, кто способен сопротивляться, то есть таких, как вы. Вы меня понимаете, мисс Линь? Она убьет вас, если увидит.

Сглотнув, Зола прижала палец к левому запястью. Она не могла чувствовать свой чип, но знала, что он там.

Извлеченный из мертвеца.

Если доктор Эрланд был прав, то все, что она знала о себе, своем детстве, своих родителях, было неправдой. Выдуманная история. Выдуманная девушка.

Идея, что лунатики были беглецами, уже звучала не так странно.

Она повернулась к нетскрину. Сейчас там был Кай, он говорил из пресс-центра, стоя на подиуме.

— Мисс Линь, кто-то преодолел очень большие трудности, чтобы доставить вас сюда, и теперь вы находитесь в крайней опасности. Вы не можете поставить свою жизнь под угрозу.

Она почти не слышала, глядя, как прокручивается в нижней части экрана текст:

ТОЛЬКО ЧТО БЫЛО ОБЪЯВЛЕНО: КОРОЛЕВА ЛУНЫ ЛЕВАНА ПРИБЫВАЕТ С ВИЗИТОМ В ВОСТОЧНОЕ СОДРУЖЕСТВО ДЛЯ ПЕРЕГОВОРОВ О ЗАКЛЮЧЕНИИ МИРНОГО СОЮЗА, КОРОЛЕВА ЛУНЫ ЛЕВАНА…

— Мисс Линь? Вы меня слушаете?

— Да, — сказала она. — В крайней опасности. Я слушаю.

Глава 20

Космический корабль лунатиков, казалось, не сильно отличался от кораблей землян, за исключением того, что сверкал, как будто был инкрустирован бриллиантами, а корпус опоясывала непрерывная линия рун. Корабль был слишком ярким в лучах послеполуденного солнца, и Каю приходилось щуриться. Он не знал, были руны магическими или должны были только казаться таковыми. Он не знал, был корабль сделан из этого невероятного блестящего материала или его просто покрасили. Он знал одно: смотреть на него больно.

Корабль был больше, чем личный шаттл придворного мага, Сибил, в котором та прибыла на Землю, и все же казался слишком маленьким по сравнению с важностью миссии, которую выполнял, — он был меньше, чем большинство пассажирских судов, меньше любого грузового корабля, какие Каю доводилось видеть. Это был частный корабль, предназначенный только для лунной королевы и ее окружения.

Корабль мягко, без удара приземлился. От бетона волнами поднялся жар. Шелк рубашки прилип к спине Кая, и он почувствовал, как по шее заструился пот, — вечером посадочная площадка будет в тени каменных стен дворца, но сейчас она была полностью открыта прямым лучам августовского солнца.

Они ждали.

Торин, стоя рядом с Каем, не дергался. Его лицо было бесстрастным, ожидающим. Спокойствие Торина только нервировало Кая еще больше.

С другой стороны от Кая стояла Сибил Мира, одетая в официальный белый плащ с вышитыми рунами, такими же, какие были на корпусе корабля. Материал казался легким, но воротник закрывал горло, рукава свисали до костяшек пальцев, и плащ доходил до колен. Она должна была изнемогать от жары, но она казалась свежей и собранной.

В нескольких шагах позади нее, сложив руки за спиной, стоял белокурый страж.

Двое королевских стражей Кая расположились по обе стороны от площадки.

Вот и все. Левана настаивала, чтобы больше никто не приветствовал ее на посадочной площадке.

Кай впился ногтями в ладони, пытаясь согнать гримасу с лица, и продолжал ждать; челка прилипала к вспотевшему лбу.

Наконец, королеве, видимо, надоело мучить их — и часть обшивки корабля отъехала в сторону, обнажив серебристый трап.

Сначала вышли двое мужчин — оба высокие и мускулистые. Один был бледным, со страшно неопрятной огненной шевелюрой, и был одет и экипирован так же, как страж Сибил. Другой человек был черен, как ночное небо, и совершенно лыс. На нем был такой же плащ, как на Сибил, с рукавами-фонариками и вышивкой, но малинового цвета — значит, это второй придворный маг, рангом ниже Сибил. Кай был рад, что его знаний о лунном дворе хватало, чтобы понять хотя бы это.

Он видел, как двое мужчин оглядели площадку и окружающие ее стены — и со стоическим выражением встали по обе стороны от трапа.

Сибил скользнула вперед. Кай глотнул удушающе горячего воздуха.

Королева Левана появилась на вершине лестницы. Она по-прежнему была в длинной вуали, ослепительно яркой под солнечными лучами. Белое платье шуршало вокруг бедер, когда она легко сошла вниз и приняла руку Сибил.

Сибил опустилась на одно колено и коснулась лбом колена королевы:

— Наша разлука была невыносима. Я рада снова служить вам, моя королева.

Затем она встала и одним изящным движением откинула вуаль с лица Леваны.

Кай задохнулся горячим воздухом. Королева помедлила — казалось, достаточно для того, чтобы глаза привыкли к яркому свету земного дня, но Кай подозревал, что она просто хочет, чтобы ее увидели.

Она была действительно красива, как будто кто-то взял и научно вычислил параметры красоты, а затем воплотил их все в одном-единственном совершенном образце. Лицо в форме сердца, с высокими скулами, едва тронутыми румянцем. Каштановые волосы шелковыми завитками спадают до самой талии. Безупречная кожа цвета слоновой кости мерцает на солнце, как перламутр. Ярко-красные губы, как будто она только что выпила пол-литра крови.

Кая пробрал озноб. Она была неестественной.

Кай рискнул взглянуть на Торина и увидел, что тот глядит на Левану без всяких эмоций. Решимость советника передалась и ему. Напомнив себе, что это всего лишь иллюзия, он заставил себя снова посмотреть на королеву.

Ее ониксовые глаза сверкнули, когда она взглянула на него.

— Ваше величество, — сказал Кай, приложив ладонь к сердцу, — для меня большая честь приветствовать вас в нашей стране и на нашей планете.

Ее губы изогнулись. Лицо сладко засветилось изнутри — с невинностью, которая была бы впору ребенку. Это сбило его с толку. Она не поклонилась, даже не кивнула — вместо этого протянула ему руку.

Кай колебался, глядя на бледную, прозрачную кожу, размышляя, достаточно ли одного прикосновения к ней, чтобы уничтожить человеческий разум.

Он заставил себя взять руку и быстро поцеловать пальцы. Ничего не произошло.

— Ваше величество, — сказала она, и от мелодичного голоса по позвоночнику Кая пробежал озноб. — Это вы оказываете мне честь подобной встречей. Могу я еще раз принести свои искренние соболезнования в связи с потерей вашего отца, императора Рикана?..

Кай знал, что она вовсе не опечалена смертью его отца, но ни выражение лица, ни интонация не выдавали ее истинных эмоций.

— Благодарю, — ответил он, — надеюсь, во время вашего визита ничто не обманет ваших ожиданий.

— Я с нетерпением предвкушаю ощутить знаменитое гостеприимство Восточного Содружества.

Сибил шагнула вперед, почтительно отводя глаза от королевы.

— Я осмотрела ваши покои, моя королева. Они уступают вашим покоям на Луне, но, думаю, пригодны для проживания.

Левана не удостоила мага ответом, но ее взгляд смягчился. Кай почувствовал, что земля под ним кренится. Воздух исчезает из земной атмосферы.

Солнце чернеет, и единственным источником света в галактике остается королева.

Слезы защипали глаза.

Он любил ее. Он нуждался в ней. Он сделает все, чтобы угодить.

Он изо всех сил вонзил пальцы в ладони. Он готов был завизжать от боли, но это сработало. Власть королевы улетучилась, оставив только красивую женщину, но не отчаянное поклонение ей.

Он знал, что она знает, какой эффект произвела, когда он пытался успокоиться, стараясь ровно дышать. Он хотел увидеть высокомерие в ее черных глазах, но ничего не увидел. Вообще ничего.

— Если вы последуете за мной, — сказал он чуть хрипло, — я могу показать вам ваши покои.

— В этом нет необходимости, — вмешалась Сибил, — я хорошо знаю гостевое крыло дворца и сама смогу проводить Ее

Величество. Мы бы хотели воспользоваться моментом и поговорить наедине.

— Конечно, — сказал Кай, надеясь, что они не видят, какое облегчение он испытывает.

Сибил шла впереди, второй маг и два стража — следом. Они не обратили на Кая и Торина ни малейшего внимания, но Кай не сомневался, что они мигом вцепятся ему в горло, соверши он подозрительное движение.

Он прерывисто выдохнул, когда они ушли.

— Вы почувствовали ее? — спросил он практически шепотом.

— Конечно, — сказал Торин. Его взгляд был прикован к кораблю, но точно так же он мог со всем вниманием смотреть на Марс.

— Вы хорошо сопротивлялись ей, ваше высочество. Я знаю, это было трудно.

Кай смахнул волосы со лба в ожидании ветерка, но не было ни малейшего дуновения.

— Это было не так уж трудно. И длилось какое-то мгновение.

Их взгляды встретились. Это был один из редких случаев, когда Кай мог прочесть искреннее сочувствие во взгляде советника:

— Будет труднее.

Книга третья

Нет, Золушка, ведь у тебя нет платья, да и танцевать ты не умеешь. Там над тобой только посмеются.

Глава 21

Зола с облегчением упала на рабочий стол. Наконец-то она вырвалась из квартиры. Мало того, что система кондиционирования вышла из строя — опять! — без всякой видимой причины, так еще неловкость между Золой и Адри стала практически невыносимой. Они ходили друг вокруг друга на цыпочках с тех пор, как два дня назад Зола вернулась из лаборатории, но Адри постоянно пыталась напомнить Золе о своем превосходстве — например, заставила ее провести дефрагментацию всех дисков центрального процессора квартиры и обновить все программное обеспечение, даже для программ, которыми они давно не пользовались. И в то же время казалось, за всем этим прячется нечто вроде стыда — за то, что Адри сделала.

Впрочем, возможно, Зола сама это выдумала.

По крайней мере, Перл весь день отсутствовала и показалась, только когда Зола и Ико как раз собирались заняться автомобилем.

Еще один длинный день. Еще одна поздняя ночь. Автомобиль требовал больших усилий, чем казалось сначала, — всю выхлопную систему нужно было менять целиком, а это значило, что многие запчасти придется делать самой, а это сплошная головная боль. Зола подумала, что вряд ли она в ближайшем будущем выспится — конечно, если хочет починить автомобиль к ночи бала.

Она вздохнула. Бал.

Зола не жалела, что сказала нет, когда принц пригласил ее на бал, потому что знала, как плохо это может закончиться. Что угодно пойдет не так — она споткнется на лестнице, открыв взору принца соблазнительную металлическую ножку, столкнется с Адри и Перл или кем-то с рынка. Пойдут слухи. Желтая пресса не преминет покопаться в ее прошлом. И довольно скоро весь мир будет знать, что принц пригласил на бал в честь коронации киборга. Он будет уничтожен. Она будет уничтожена.

Но от этого не становилось легче, когда она думала — а что, если она не права? Что, если принцу Каю все равно? Что, если бы мир был другим и никого не волновало, что она киборг… и к тому же лунатик?..

Ну-ну. Принимаем желаемое за действительное.

Увидев на ковре разбитый нетскрин, она встала со стула и наклонилась над ним. Черный экран отражал достаточно света для того, чтобы Зола могла увидеть в нем свои очертания:

контуры лица и тела, тронутая загаром кожа контрастирует с темной сталью руки.

Она отказывалась в это верить, пока могла. Она была лунатиком.

Но она не боялась зеркальной поверхности, не боялась своего отражения. Она не могла понять, что так беспокоит Левану и ей подобных, им подобных. Единственное, что не устраивало Золу в ее отражении, — ее механические конечности; но это с ней сделали уже здесь, на Земле.

Лунатик. И киборг.

И беглец.

Знала ли Адри? Нет, Адри никогда бы не приютила лунатика под своей крышей. Если бы она знала, она бы сама выдала Золу — возможно, ожидая вознаграждения.

Знал ли муж Адри?

Ответа на этот вопрос она, возможно, не узнает никогда.

Тем не менее, она была уверена, что пока доктор Эрланд будет молчать, ее тайна будет в безопасности. Нужно просто жить так, как будто ничего не изменилось.

Во многих отношениях так оно и было. Она оставалась таким же изгоем, как всегда.

Белая капля на поверхности экрана привлекла ее внимание — андроид Кая, его безжизненный датчик смотрел на нее сверху вниз со своего места на рабочем столе. Его грушевидное тело было самым ярким предметом в комнате и, вероятно, самым чистым. Он напомнил ей о стерильных медроидах в лабораториях и карантине, но в его туловище не прятались скальпели и шприцы.

Работа. Механика. Ей нужно отвлечься.

Вернувшись к столу, она переключила аудиоинтерфейс на успокаивающую фоновую музыку. Отшвырнув с дороги ботинки, Зола потянула андроида и подкатила его к себе. Быстро осмотрела внешнее покрытие и перевернула его — теперь андроид лежал горизонтально, балансируя на краю своих гусениц.

Зола открыла заднюю панель и проверила проводку внутри всего цилиндрического корпуса. Это был несложный андроид. Внутри в основном было пусто, имелось место для минимума жестких дисков, проводов, чипов. Для андроидов-наставников требуется немногим больше, чем просто центральный процессор. Зола подумала, что андроида придется полностью переделать и запрограммировать заново, но интуитивно понимала, что это не вариант. Несмотря на безразличие Кая, было ясно, что этот андроид знал что-то важное, и после разговора в коридоре

исследовательского крыла у Золы осталось неприятное чувство, что все это как-то связано с лунатиками.

Военные стратегии? Секретные сообщения? Доказательства шантажа? Что бы там ни было, Кай, очевидно, думал, что это может помочь, и доверил Золе спасти это.

— Только ни на что не давить, — пробормотала она, сжимая фонарик в зубах, чтобы посветить в андроида. Она схватила плоскогубцы и переложила провода с одной стороны его черепа на другую. Внутри он был такой же, как Ико; Золе были знакомы все части, она точно знала, где находятся все важные соединения. Она проверила — соединения были прочными, аккумулятор исправен, все важные детали на месте — на вид все было в порядке. Она почистила трансформатор и отрегулировала внутренний вентилятор, но Наинси по-прежнему оставалась безжизненной статуей из пластика и алюминия.

— Вся нарядилась, а идти некуда, — сказала Ико с порога.

Зола со смехом выплюнула фонарик и посмотрела на свои штаны в пятнах масла.

— Да, точно. Мне не хватает только тиары.

— Я говорила о себе.

Зола развернулась на стуле. Ико обмотала вокруг головы-луковки нитку жемчуга из шкатулки Адри и вишневой помадой изобразила под датчиком чудовищное подобие губ.

Зола рассмеялась:

— Ничего себе. Этот цвет потрясающе смотрится на тебе.

— Ты думаешь? — Ико вкатилась в комнату и остановилась перед столом Золы, пытаясь поймать свое отражение в сломанном нетскрине. — Я представляла, как иду на бал и танцую с принцем.

Зола потерла подбородок одной рукой и рассеянно постучала другой по столу.

— Забавно. Я в последнее время представляю себе то же самое.

— Я знала, что он тебе понравился. Ты делаешь вид, что не подвержена его обаянию, но я видела, как ты смотрела на него на рынке.

Ико потерла помаду, размазывая ее по белому подбородку.

— Что ж, — Зола взяла свой фонарик плоскогубцами, — у всех у нас свои слабости.

— Я знаю, — сказала Ико. — У меня вот — обувь.

Зола бросила плоскогубцы на стол. Сейчас, когда Ико кружила рядом, в ней начинало подниматься какое-то чувство, похожее на чувство вины, — она знала, что должна сказать Ико, что она лунатик. Что Ико поняла бы ее лучше всех — она хорошо

знала, что значит быть не такой, как все, быть нежеланной. Но почему-то Зола не могла заставить себя сказать это вслух. «Кстати, Ико, оказывается, я лунатик. Ты ничего не имеешь против, правда?»

— Что ты здесь делаешь? — спросила она вместо этого.

— Зашла посмотреть, может, тебе нужна помощь. Я должна была протирать от пыли вентиляцию, но Адри была в ванной.

— Ну и что?

— Я слышала, как она плачет.

Зола моргнула.

— О.

— Это заставило меня почувствовать себя бесполезной.

— Я вижу.

Ико не была обычным андроидом-служанкой, но она сохранила одну их отличительную черту — ощущение собственной бесполезности было худшей эмоцией, которую они знали.

— Ну, конечно, ты можешь помочь, — сказала Зола, вытирая руки. — Только не попадись Адри с этим жемчугом.

Ико подняла ожерелье пальцами-зубцами, и Зола заметила, что Ико так и не сняла ленточку, подаренную Пионой.

Зола отшатнулась, словно ужаленная.

— Как насчет посветить?..

Синий датчик ожил, заливая светом внутренности Наинси.

Зола сложила губы трубочкой:

— Как думаешь, может, это вирус?

— Может, принц оказался таким горячим, что она перегрелась?

Зола поежилась:

— Не могли бы мы, пожалуйста, перестать говорить о принце?

— Не могли бы. В конце концов, ты чинишь его андроида. Только подумай о том, что она знает и видела. — Ико перешла на скороговорку: — Как ты думаешь, а она видела его без одежды?

— О, ради всего святого. — Зола сорвала перчатки и бросила их на стол. — Ты не помогаешь…

— Я просто поддерживаю беседу.

— Ну, так перестань. — Скрестив руки на груди, Зола оттолкнулась на стуле от рабочего стола и положила на него обе ноги, чтобы отдохнуть. — Должно быть, все дело в программном обеспечении.

Она усмехнулась про себя. Проблемы с программным обеспечением обычно решались переустановкой, но это начисто сотрет память Наинси. Зола не знала, важен ли для Кая чип

личности Наинси — который за двадцать лет службы превратился, безусловно, в нечто сложное — но знала, что Кай посвятил этого андроида во что-то важное и это что-то находилось на жестком диске, и она не хотела рисковать и стирать это, что бы там ни было.

Единственный способ определить, в чем дело, и нужна ли перезагрузка — внутренняя диагностика, а это требовало подключения. Зола ненавидела подключения. Соединяя свои провода с чужеродными объектами, она всегда чувствовала опасность, как будто недостаточно осторожное движение может изменить и ее собственное программное обеспечение.

Ругая себя за брезгливость, она потянулась к своему затылку, ногтем подцепила защелку и открыла панель управления.

— Что это?

Зола посмотрела туда, куда указывали пальцы-зубцы Ико:

— Что?

— Вон тот чип.

Зола опустила ноги на пол и наклонилась вперед. Прищурившись, она вглядывалась внутрь головы андроида, где чипы стояли в ряд, как солдатики, внизу панели управления. Всего гнезд было двадцать, но только тринадцать из них были заполнены — производители всегда оставляли место для дополнений и обновлений.

Ико обратила внимание на тринадцатый чип — и она была права. Чем-то он отличался от остальных. Он стоял довольно далеко, позади остальных чипов, и при беглом осмотре его легко было пропустить, но когда Зола посветила на него, он заблестел, как будто был из полированного серебра.

Зола закрыла панель на своем затылке и вызвала виртуальную схему устройства андроида на сетчатке. Изначально, по замыслу создателей, полагалось всего двенадцать чипов. Но, конечно, за двадцать лет должно было быть хотя бы одно дополнение. Конечно, во дворце был доступ к новейшим технологиям, и все же она ни разу не видела чипа, подобного этому.

Она прижала ногтем разъем и щипцами ухватила за краешек чип. Он легко выскользнул из гнезда — как по маслу.

Зола взяла его в руки, чтобы рассмотреть поближе. Не считая перламутрового блестящего покрытия, он выглядел как любой другой чип. Она перевернула его — и увидела выгравированные на другой стороне буквы: D-COMM.

— Неужели? — Она опустила руки.

— Что это? — спросила Ико.

— Чип прямого сообщения.

Зола наморщила лоб. Почти все связи осуществлялись через сеть — прямая связь практически устарела, это было медленно и ненадежно, и связь часто прерывалась в процессе разговора. Конечно, можно предположить, что какие-нибудь параноики, помешанные на конфиденциальности, будут ими пользоваться, но все равно, они вставят чип в портскрин или нетскрин — устройство, предназначенное для этого. Использовать андроида просто бессмысленно.

Датчик Ико потускнел:

— Моя база данных сообщает мне, что андроиды не оснащались возможностью для прямой связи с 89 т.э.

— Теперь понятно, почему он не работает с ее программным обеспечением. — Зола протянула чип Ико. — Можешь просканировать материал и узнать, из чего это сделано?

Ико попятилась:

— Ни за что. Заработать психическое расстройство — такого пункта нет в моем списке дел на сегодня.

— Не похоже, что это могло привести к неисправности. Может, система просто отторгла его? — Зола вертела чип в руках, загипнотизированная тем, как он отражает свет датчика Ико. — Хотя… если она пыталась передать информацию по прямой связи, это могло повлиять на пропускную способность. — Зола встала и подошла к нетскрину. Хотя рамка разбилась, сам экран и панель управления, казалось, не пострадали. Она вставила чип и нажала на кнопку — жать пришлось сильнее, чем раньше, прежде чем на датчике загорелась бледно-зеленая лампочка, а сам экран вспыхнул ярко-синим. Спираль в углу экрана сообщила, что программа читает новый чип. Зола выдохнула и села, подвернув под себя ноги.

Через секунду спираль исчезла, сменившись текстом:

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРЯМОЙ СВЯЗИ С НЕИЗВЕСТНЫМ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕМ.

ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОЖДИТЕ…

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРЯМОЙ СВЯЗИ С НЕИЗВЕСТНЫМ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕМ.

ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОЖДИТЕ…

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРЯМОЙ СВЯЗИ С НЕИЗВЕСТНЫМ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕМ.

ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОЖДИТЕ…

Зола ждала. Болтала ногой. И продолжала ждать. Барабанила пальцами по коленке. И уже начала задаваться вопросом, не занимается ли она напрасной тратой времени. Она никогда не слышала, чтобы из-за чипа прямой связи что-то сломалось, даже если речь шла о старых технологиях. Это никак не помогало

решить проблему.

— Я думаю, никого нет дома, — сказала Ико, подкатываясь к ней сзади. Вентилятор обдувал шею Золы теплым воздухом. — А пропади все пропадом, Адри меня вызывает. Должно быть, вышла из ванной.

Зола откинула голову назад.

— Спасибо за помощь. Не забудь снять весь этот жемчуг, прежде чем она тебя увидит.

Наклонившись вперед, Ико прижалась прохладном лицом ко лбу Золы, без сомнения, оставив пятно губной помады. Зола рассмеялась.

— Ты выяснишь, что случилось с андроидом Его Высочества. Я не сомневаюсь в этом.

— Спасибо.

Зола вытерла липкую ладонь о штаны, слушая, как удаляется шорох гусениц Ико. Текст продолжал повторяться на экране. Казалось, тот, кто был на другом конце, не собирался отвечать.

Она вздрогнула, когда что-то защелкало, а потом загудело. Она обернулась, опираясь пальцами о пыльный пол.

Панель управления андроида сияла, система проходила обычную диагностику. Он снова включался.

Зола стояла и вытирала руки, когда из динамиков андроида раздался спокойный женский голос, звучавший, как если бы он продолжал речь, которая была грубо прервана:

— Предполагалось, что человек по имени Логан Таннер, доктор-лунатик, который работал во время правления королевы Ченнэри, доставил принцессу Селену на Землю спустя четыре месяца после ее предполагаемой смерти.

Зола замерла. *Принцесса Селена?*

— К сожалению, Таннер был заключен в тюрьму в Новом Пекине 8 мая 125 т.э., и 17 января 126 т.э. совершил с помощью биоэлектрических волн самоубийство. Хотя источники указывают, что принцесса Селена была передана другому опекуну за год до заключения Таннера, я до сих пор не могу с уверенностью назвать личность этого опекуна. Одним из подозреваемых является бывший военный летчик Восточного Содружества, командир воздушного отряда Мишель Бенуа, который…

— Стоп, — сказал Зола. — Перестаньте говорить.

Голос замолчал. Голова андроида повернулась на 180 градусов. Его датчик вспыхнул ярко-голубым, рассматривая Золу. Внутренняя панель не горела. Вентилятор внутри туловища начал вращаться.

— Кто вы? — спросил андроид. — Моя система глобального позиционирования показывает, что мы находимся в 76-м секторе

Нового Пекина. Я не помню, чтобы выходила из дворца.

Зола села на свое место и заложила руки за спину.

— Добро пожаловать в механический сервис Нового Пекина. Принц Кай нанял меня, чтобы я тебя починила.

Громкое жужжание в туловище андроида становилось все тише и тише, пока не стало едва различимым в тишине комнаты.

Голова-луковка поворачивалась туда-сюда, то исследуя незнакомое окружение, то снова поворачиваясь к Золе:

— Мой календарь подсказывает мне, что я была без сознания на протяжении двенадцати дней пятнадцати часов. Произошел сбой системы?

— Не совсем, — сказала Зола, оглядываясь через плечо на нетскрин. Он продолжал повторять те же строки текста, не в состоянии установить прямую связь. — Похоже, кто-то установил новый чип связи, не совместимый с твоим программным обеспечением.

— У меня уже были встроенные функции передачи текстовых и видеосообщений. Новый чип был не нужен.

— Это был чип прямой связи. — Зола положила подбородок на запястья. — Ты не знаешь, это мог быть принц Кай? Быть может, он хотел иметь возможность связаться с тобой, минуя сеть?

— Я ничего не знала о чипе прямой связи в моем программном обеспечении.

Зола кусала губы. Очевидно, что во внезапной неисправности андроида был виноват чип, но почему? И если Кай не устанавливал его, то кто это сделал?

— Когда ты только что проснулась, — сказала Зола, — ты говорила о… у тебя есть информация о лунном наследнике.

— Это была засекреченная информация. Вы не должны были ее слышать.

— Я знаю. Но я думаю, что ты передавала эту информацию кому-то, когда отключилась.

Зола молила, чтобы это был Кай или кто-то, кто верен ему. Она сомневалась, что королева Левана была бы так уж счастлива узнать, что тот, кто скоро станет императором, искал законного наследника трона.

— Стой спокойно, — сказала она, протягивая руку за отверткой. — Я закрою панель управления, а потом отведу тебя обратно во дворец. А тебе пока стоит загрузить новости за последние несколько дней. Пока ты была выключена, много чего случилось.

Глава 22

Предупреждения доктора Эрланда эхом звучали в голове у Золы все шесть миль до дворца.

Королева Левана не остановится ни перед чем, чтобы сохранить власть и пресечь любые попытки сопротивления. Это означает, что она будет убивать всех, кто способен сопротивляться, то есть таких, как вы.

Если она вас увидит, то убьет.

И все же Зола никогда не простила бы себе, если бы по дороге во дворец с андроидом, обладавшим информацией о пропавшей принцессе Селене, что-то произошло. Это входило в ее обязанности — в целости и сохранности вернуть андроида Каю.

И потом, дворец огромен. Каковы шансы встретить королеву Левану, которая вряд ли собирается посвятить много времени общению с горожанами?

Наинси передвигалась куда быстрее, чем Ико, и Золе приходилось поторапливаться, чтобы не отставать.

Но им пришлось замедлить шаг, когда они обнаружили, что не они одни идут сегодня во дворец. У подножия скалы главная дорога была перекрыта, как будто теперь здесь заканчивался город и начиналась частная дорога во дворец, затененная соснами и изогнутыми ивами. Улица была заполнена пешеходами, медленно поднимающимися на холм. Некоторые шли поодиночке, другие — большими компаниями. До Золы доносились их разговоры, полные гнева и решимости; люди вокруг безумно жестикулировали. *Мы не хотим видеть ее здесь. О чем только думал Его Высочество?* Сотни, а возможно, тысячи разгневанных голосов звучали в унисон.

— Нет королеве Луны! Нет королеве Луны! Нет королеве Луны!

Свернув в последний раз, Зола увидела толпу, заполняющую площадь перед алыми воротами во дворец и прилегающую улицу. Цепь охранников еле сдерживала поток людей.

Над головами собравшихся были плакаты.

ВОЙНА ЛУЧШЕ РАБСТВА! НАМ НУЖНА ИМПЕРАТРИЦА, А НЕ ДИКТАТОР! НЕТ АЛЬЯНСУ СО ЗЛОМ!

Многие принесли изображение королевы в вуали, перечеркнутое красным крест-накрест.

Полдюжины хуверов летали вокруг — снимали кадры народного протеста для глобального вещания.

Зола обогнула толпу по краю, пробиваясь к воротам и стараясь прикрыть компактное тело Наинси своим собственным.

Но когда она добралась до ворот, то увидела, что они закрыты и охраняются людьми и андроидами, стоящими плечом к плечу.

— Простите, — сказала она ближайшему охраннику, — мне нужно во дворец.

Человек протянул руку к ней, отталкивая ее:

— Нет входа для публики.

— Но я не с ними. — Она положила руки на голову Наинси. — Это андроид Его Императорского Высочества. Меня наняли починить ее, и теперь я ее возвращаю. Очень важно, чтобы она вернулась к нему как можно скорее.

Охранник смотрел на андроида свысока.

— Может, Его Императорское Высочество дал вам пропуск?

— Нет, но…

— У андроида есть ID?

— Есть. — Наинси развернула к нему туловище и мигнула кодом с запястья.

Он кивнул.

— Вы можете войти.

Ворота чуть-чуть приоткрылись — и меньше, чем через мгновение, толпа бросилась вперед. Зола вскрикнула, когда ее накрыл рев голосов, а внезапный наплыв тел швырнул на охранника. Наинси прошла за ворота без помех, но, когда Зола попыталась проскользнуть вслед за ней, охранник выставил вперед руки:

— Только андроид.

— Но мы вместе! — Она пыталась перекрыть гул толпы, которая продолжала скандировать.

— Нет пропуска — нет входа.

— Но я починила ее! Мне нужно ее доставить. Мне нужно… получить оплату. — Она сама поразилась, услышав, что может так ныть.

— Отправьте счет в королевскую казну, как все остальные, — сказал мужчина. — Приказано никого не впускать без пропуска.

— Линь-мэй, — сказала Наинси с той стороны железных ворот. — Я проинформирую принца Кая, что вы хотели бы его видеть. Я уверена, он сможет прислать вам сообщение с официальным пропуском.

Зола мгновенно осознала, как глупо себя вела. Конечно, ей не нужно видеть принца. Она доставила андроида; ее работа была закончена. И на самом деле она вовсе не собиралась выставлять ему счет за работу. Но прежде чем Зола смогла возразить, Наинси уже отвернулась и покатилась к главному входу во дворец, оставив Золу. Зола пытаться придумать разумное оправдание, почему ей так важно увидеть Кая. Объяснение получше того

детского, глупого объяснения, которое первым пришло ей в голову. Просто потому, что она хотела его увидеть.

Толпа замолчала так внезапно, что Зола подскочила.

Молчание создавало на улице вакуум, который мучительно хотелось наполнить — вздохом, словом — чем угодно. Зола оглянулась — ее окружали ослепленные лица, обращенные вверх, ко дворцу. Люди опускали транспаранты, сжимая древки плакатов неверными пальцами. По позвоночнику Золы пробежал озноб страха.

Она посмотрела туда, куда были устремлены все взгляды — на балкон одного из верхних этажей дворца.

Там стояла лунная королева, положив одну руку на бедро, а другую — на перила балкона. Выражение ее лица было строгим и горьким, но это не уменьшало ее сверхъестественной красоты. Даже издалека Зола могла разглядеть бледное свечение ее кожи, рубиновый оттенок губ. Ее темные глаза разглядывали онемевшую толпу, и Зола отпрянула от ворот, пытаясь спрятаться за пустыми лицами.

Но шок и ужас были не долгими. Эта женщина не была страшной, не была опасной.

Она была доброй. Приветливой. Щедрой. Она должна была стать их королевой. Управлять ими, вести их, защищать их…

Дисплей на сетчатке предупреждающе мигнул. Она тщетно попыталась сморгнуть оранжевый огонек, избавиться от раздражающей помехи, которая отвлекала ее от созерцания королевы. Она хотела смотреть на королеву вечно. Она хотела, чтобы королева заговорила. Чтобы пообещала мир и безопасность, благосостояние и комфорт.

Оранжевый свет сиял в углу поля зрения. Золе понадобилось мгновение, чтобы осознать, что он означает. Этот свет был не к месту. Она знала, что он не имеет никакого смысла.

Ложь.

Она зажмурилась. Когда она посмотрела еще раз, иллюзия доброты исчезла. Милая улыбка королевы оказалась надменной и властной. У Золы скрутило живот.

Она же промывала им мозги.

Она уже промыла мозги ей.

Зола отступила на шаг, наткнувшись на мужчину средних лет с бессмысленным лицом.

Взгляд королевы метнулся к ним и остановился на Золе. На ее лице изобразилось удивление. Потом ненависть. Отвращение.

Зола вздрогнула, желая спрятаться. Холодные пальцы сжали сердце. Она должна бежать, но ноги стали ватными и не повиновались. По дисплею сетчатки бежали непонятные линии,

как будто еще миг — и глаза просто не выдержат взгляда на чары королевы.

Она чувствовала себя голой и уязвимой, в полном одиночестве среди толпы с промытыми мозгами. Она была уверена, что земля под ногами разверзнется и поглотит ее целиком. Что взгляд королевы обратит ее в кучку пепла на мостовой.

Взгляд королевы накалялся и накалялся, пока Зола не почувствовала, что есть у нее слезные протоки или нет, но она сейчас разрыдается.

Но тогда королева резко развернулась и исчезла во дворце.

Зола ожидала, что теперь, когда королева ушла, толпа снова начнет протестовать, еще сильнее разозлившись, что королева осмелилась показаться им.

Но они этого не сделали. Медленно, как во сне, толпа начала расходиться. Те, кто держал плакаты, роняли их на землю, и их затаптывала толпа. Зола отошла к стене, ограждавшей дворец, и стояла, пока мимо брели люди.

Так вот как действуют лунные чары — заклятие способно очаровать, обмануть, обратить чье-то сердце в твою сторону и против твоих врагов. И среди всех этих людей, которые презирали лунную королеву, казалось, только Зола смогла оказать сопротивление.

И тем не менее она тоже не смогла. По крайней мере, не сразу. Руки покрылись гусиной кожей. Стало больно там, где кожа переходила в металл.

Она не была полностью невосприимчива к чарам, как положено пустышкам.

Но худшим было не это — королева ее видела, и теперь она знала.

Глава 23

Кай впился ногтями в колени, когда толпа прекратила скандировать. Торин повернулся к нему, их лица выражали одинаковое удивление, хотя Торину быстрее удалось его скрыть. Слишком легко королеве удалось успокоить толпу. Кай надеялся, что его народ хотя бы попытается сопротивляться.

Сглотнув, Кай вернул лицу сосредоточенность.

— Это один из самых полезных трюков, — сказала Сибил, сидя на краю шезлонга у голографического огня. Она сложила руки. — Особенно когда речь идет о возмущенных подданных — на Луне это недопустимо.

— Я слышал, что, когда граждане чем-то возмущены, обычно на это есть веские причины, — заметил Кай. Торин, нахмурившись, послал ему предупреждающий взгляд, но Кай его проигнорировал. — И промывание мозгов совершенно точно не похоже на правильное решение.

Руки Сибил были вежливо сложены на коленях.

— «Правильное» звучит так субъективно. Это эффективное решение, и вряд ли с этим можно поспорить.

Левана влетела обратно со стиснутыми в кулак пальцами. У Кая участился пульс, когда королева посмотрела на него. Находиться рядом с ней было все равно что сидеть в комнате, в которой быстро заканчивается кислород.

— Кажется, — сказала она, тщательно выговаривая каждое слово, — вы нарушаете Межпланетное Соглашение пятьдесят четвертого года, статью семнадцать.

Кай попытался сохранить нейтральное выражение, услышав обвинение, но его правый глаз начал подергиваться, и он ничего не мог с этим поделать.

— Я боюсь, что не помню полный текст Соглашения наизусть. Не могли бы вы просветить меня, о какой статье идет речь?

Она медленно вдохнула через расширившиеся ноздри. Даже сейчас, когда ее лицо искажали ненависть и гнев, она была невероятно прекрасна.

— Статья семнадцать гласит, что ни одна из сторон, подписавших Соглашение, не должна сознательно давать убежище лунным беглецам.

— Лунные беглецы? — Кай взглянул на Торина, но лицо его советника было непроницаемым. — Почему вы думаете, что мы даем убежище лунным беглецам?

— Потому что я только что видела одного в вашем дворе, вместе с этими наглыми протестующими. Это недопустимо.

Кай встал и скрестил руки на груди.

— Я впервые слышу о лунатиках в моей стране. Присутствующие, разумеется, не в счет.

— Что приводит меня к мысли, что вы закрываете на проблему глаза точно так же, как ваш отец.

— Как я могу закрывать глаза на то, о чем никогда не слышал?

Торин откашлялся.

— Со всем уважением, ваше величество, я могу заверить вас, мы контролируем все космические корабли, прибывающие и покидающие Содружество. Хотя мы не можем отрицать возможности, что некоторым лунатикам удается проникнуть тайно, могу вас заверить, что мы сделали все возможное, чтобы выполнить условия Межпланетного Соглашения. Кроме того, даже если лунный беглец проживает в странах Содружества, мне кажется маловероятным, чтобы он решил открыто принять участие в акции протеста, зная о вашем присутствии. Возможно, вы ошиблись.

Глаза королевы горели ненавистью.

— Я уверена в том, что вижу, и прямо сейчас один из них находится внутри стен этого города. — Она указала пальцем на балкон. — Я хочу, чтобы ее нашли и привели ко мне.

— Действительно, — сказал Кай, — в городе с населением в два с половиной миллиона это не проблема. Пойду откопаю мой луноскоп и быстренько ее приведу.

Левана откинула голову назад, чтобы посмотреть на Кая сверху вниз, хотя он и был выше:

— Вам не стоит испытывать мое терпение сарказмом, юный принц.

Он сжал зубы.

— Если вы не в состоянии разыскать ее, я вызову на Землю отряд своих стражей, и они найдут ее.

— В этом нет необходимости, — сказал Торин. — Мы приносим извинения за то, что заставили вас сомневаться, ваше величество, и готовы выполнить нашу часть Соглашения. Прошу дать нам время подготовиться к коронации и фестивалю, и, как только позволят ресурсы, мы начнем поиски.

Левана прищурилась, глядя на Кая.

— Собираетесь до бесконечности позволять вашему советнику принимать решения за вас?

— Нет, — сказал Кай, позволяя себе холодную улыбку. — В конце концов, для этого у меня будет императрица.

Взгляд королевы Левана смягчился, и Кай еле сдержался, чтобы не продолжить. *И это будешь не ты.*

— Хорошо, — сказала Левана, отворачиваясь и садясь рядом со своим магом. — Я рассчитываю, что она, подобно любому другому лунному беглецу, обнаруженному в стране, будет доставлена на Луну в течение одного цикла после вашей коронации.

— Хорошо, — ответил Кай, надеясь, что Левана забудет этот разговор прежде, чем обещание придется выполнять. *Лунатики в Новом Пекине — никогда не слышал ничего нелепее*.

Гнев исчез с лица Леваны так бесследно, что, казалось, последние несколько минут были сном. Она скрестила ноги так, что из-под одежды была видна молочно-белая полоска кожи. Кай стиснул зубы и уставился в окно, не зная, что он сейчас сделает — то ли покраснеет, то ли захихикает.

— Если уж речь зашла о вашей коронации, — сказала королева, — у меня есть подарок.

— Вы так предусмотрительны, — заметил он с каменным лицом.

— Да. Я была не уверена, должна ли я хранить его до великой ночи, но, боюсь, подобное промедление может быть истолковано неправильно.

Не в силах подавить любопытство, Кай посмотрел на королеву:

— Неужели?

Она склонила голову — каштановые кудри каскадом спадали на грудь — и протянула руку ко второму магу, мужчине в малиновом плаще. Тот вынул из рукава стеклянный флакончик — не больше мизинца Кая — и положил на ладонь королевы.

— Я хочу, чтобы вы знали, — сказала Левана, — что я крайне заинтересована в благополучии Содружества, и смотреть на вашу борьбу с летумозисом было для меня невыносимо.

Кай впился ногтями в ладони.

— Вы, наверное, не знаете, но у меня была группа исследователей, которая посвятила несколько лет изучению болезни, и, кажется, мои ученые наконец обнаружили лекарство.

Кровь прилила к голове Кая.

— Как?

Левана взяла флакончик большим и указательным пальцами и протянула ему:

— Этого должно быть достаточно, чтобы вылечить одного взрослого мужчину, — сказала она, а затем цокнула языком: — Непростительная несвоевременность, не так ли?

Мир закрутился. У Кая задрожали руки и зачесались пальцы от желания задушить Левану на месте.

— Ну же, — сказала Левана, упрямо изображая доброту в

глубине глаз, — возьмите.

Кай выхватил у нее флакон.

— Как давно оно у вас появилось?

Королева подняла брови.

— Подтверждение, что это действительно антидот, пришло за несколько часов до моего отъезда.

Она лгала. Она даже не пыталась скрыть тот факт, что она лгала.

Ведьма.

— Ваше высочество, — сказал Торин, положив твердую руку Каю на плечо. Сначала прикосновение было легким, потом Торин предупреждающе сжал пальцы.

Кай попытался изгнать из головы сцены убийства, но не особенно старался.

Левана сложила руки на коленях.

— Этот флакон — мой подарок. Я надеюсь, он окажется полезным, мой юный принц. Я считаю, что в наших общих интересах избавить планету от болезни. Мои ученые могут приготовить к концу месяца тысячи доз. Тем не менее такое обязательство в сочетании с шестью годами затрат труда и ресурсов окажется весьма тяжелым бременем для моей собственной страны, поэтому я уверена, вы согласитесь, что необходима компенсация. И это потребует дальнейших переговоров.

Кай задохнулся:

— Вы будете выжидать? В то время как столькие умирают? — Это был глупый вопрос. Она уже ждала достаточно долго — какое ей дело, что еще какие-то земляне в эту самую минуту страдают?

— Вам предстоит многое узнать о политике. Я думаю, мой дорогой прекрасный принц, вы скоро поймете, что все построено по принципу «ты — мне, я — тебе».

Кровь стучала в висках. Он знал, что покраснел, знал, что его гнев играет ей на руку, но ему было наплевать. Как она смеет использовать это как разменную политическую монету? Как она смеет?

Сибил вдруг встала:

— У нас гости.

Выдохнув, принц вслед за Сибил перевел взгляд на дверь, радуясь, что может смотреть куда угодно, но не на королеву, и ахнул.

— Наинси!

Датчик Наинси засиял:

— Ваше высочество, прошу прощения, что прерываю вашу беседу.

Кай покачал головой, пытаясь прийти в себя от неожиданности.

— Как… когда?

— Я снова в сознании уже один час и сорок семь минут, — сказал андроид. — И теперь я в вашем распоряжении. Могу я принести вам свои соболезнования в связи со смертью императора Рикана? Последние новости разбили мне сердце.

Кай слышал, как королева Левана фыркнула у него за спиной.

— Идея о том, что груда металла может испытывать эмоции, оскорбительна. Отошлите это чудовище прочь.

Кай поджал губы — ему было что сказать о ее собственном бессердечии, — но вместо этого он обернулся к Торину:

— Действительно, позвольте мне увести долой с королевских глаз это чудовище и привести его в активное состояние.

Он почти ожидал, что Торин осудит его за такой жалкий план побега, но Торин, казалось, был слишком рад, что спор окончен. Кай заметил, что советник побледнел, и задумался, каких усилий ему стоит сдерживать собственный нрав.

— Разумеется. Возможно, Ее Величество желает экскурсию по саду?

Кай взглянул на королеву Левану с отвращением и щелкнул каблуками.

— Благодарю вас за трогательный подарок, — сказал он с небольшим поклоном.

— Это доставило мне удовольствие, ваше высочество.

Кай вышел из комнаты, Наинси шла рядом. Когда они оказались в главном коридоре, он выпустил рвавшийся наружу крик, ударил в ближайшую стену кулаком и упал на нее, прижавшись лбом к штукатурке.

Когда он смог справиться с дыханием, он обернулся, вдруг ощутив желание разрыдаться от гнева, отчаяния и облегчения. Наинси вернулась.

— Ты не представляешь, как я счастлив тебя видеть.

— Похоже на то, ваше высочество.

Кай закрыл глаза.

— Ты даже не знаешь. Эти несколько дней. Я был уверен, что наши исследования будут потеряны.

— Все записи кажутся нетронутыми, ваше высочество.

— Хорошо. Мы должны вернуться к исследованиям немедленно — сейчас это важнее, чем когда бы то ни было.

Он изо всех сил старался сдержать панику, когтями рвущую его внутренности. До коронации оставалось еще девять дней. Королева Левана не пробыла на Земле и двадцати четырех часов, а уже перевернула переговоры о создании альянса с ног на

голову. Какие еще секреты она может раскрыть до коронации, когда ответственность за страну ляжет на его плечи?

В голове стучало. Он презирал ее — за все, чем она являлась, за все, что она делала, за то, что она превращала страдания землян в политическую игру.

Но она ошиблась, если ожидала, что он станет ее марионеткой. Он будет сопротивляться столько, сколько сможет, и использует для этого любые средства. Он найдет принцессу Селену. Доктор Эрланд дублирует антидот. Если получится, он даже не будет танцевать с Леваной на этом дурацком балу — и к черту дипломатию.

Мысль о бале внезапно заставила тучи в голове у Кая разойтись. Открыв один глаз, он взглянул вниз, на андроида.

— Почему механик не пришел с тобой?

— Она пришла, — сказал Наинси. — Я оставила ее ждать за пределами дворца. Ее не пустили внутрь без официального пропуска.

— За пределами дворца? А она все еще там?

— Подозреваю, что да, ваше высочество.

Кай сжал флакон в карман.

— Я так понимаю, она ничего не говорила насчет бала? Что она передумала?

— Ни о каком бале она не говорила.

— Ладно. Хорошо.

Сглотнув, он вынул руки из карманов и вытер ладони о штаны, осознавая, как разгорячил его гнев.

— Я правда надеюсь, что она передумала.

Глава 24

Зола осела у стены, окружавшей дворец. Камень холодил тело сквозь футболку. Толпа ушла, о ней напоминали только растоптанные транспаранты. Даже охранники покинули двор, хотя затейливые железные ворота по-прежнему были закрыты. Над головой у нее сидели два каменных *цилиня*, время от времени посылая магнитные сигналы, от которых гудело в ушах.

Ее рука наконец перестала дрожать. Предупреждающие сообщения исчезли с сетчатки. Осталась путаница в голове, навязчивая, как никогда.

Итак, она лунатик. Прекрасно.

Лунатик редкой породы, лишенный способности морочить других и защищенный от чужих чар.

Прекрасно.

Но почему тогда чары Леваны подействовали на нее, как и на остальных?

Или доктор Эрланд ошибается, или лжет. Может быть, она вообще никакой не лунатик, а ее иммунитет имеет совершенно другие истоки?

Она издала разочарованный стон. Никогда раньше она не испытывала такой жажды узнать свое происхождение, свою историю. Она должна узнать правду.

Из задумчивости ее вывело жужжание открывающихся ворот. Зола подняла голову — по мостовой к ней катился кристально белый андроид.

— Линь Зола? — Он протянул сканер.

Моргая, она поднялась на ноги и оперлась для верности о стену.

— Да? — сказала она, протягивая руку.

Сканер подал звуковой сигнал, и, не дожидаясь полной остановки, андроид развернулся на 180 градусов и с урчанием покатился обратно ко дворцу.

— Следуйте за мной.

— Подождите… что?.. — Ее взгляд испуганно метнулся вверх, к балкону, где стояла королева.

— Его Императорское Высочество хотел бы поговорить с вами.

Проверив перчатки, Зола бросила взгляд в сторону дороги, уводящей обратно в город — в безопасность, в возможность затеряться и стать девушкой-невидимкой. Медленно выдохнув, она повернулась и последовала за андроидом.

Искусно сделанные двустворчатые двери были позолочены и,

открываясь, практически ослепляли отблесками солнца. Вестибюль был наполнен благословенной прохладой, огромными нефритовыми статуями, экзотическими цветами, звуками голосов и шагов десятков спешащих дипломатов и служащих вперемешку с успокаивающей песней журчащей воды — но Зола ничего этого не заметила. Она паниковала при мысли о том, что может столкнуться с королевой Леваной лицом к лицу, — до тех пор, пока не обнаружила себя лицом к лицу с принцем Каем. Кай ждал у резной колонны, скрестив руки. Он выпрямился, увидев ее, и почти улыбнулся, но не одной из своих блестящих беззаботных улыбок. На самом деле, он выглядел смертельно усталым.

Зола склонила голову.

— Ваше высочество.

— Линь-мэй. Наинси сказала мне, что ты ждешь…

— Они не пускали никого во дворец. Я просто хотела удостовериться, что она благополучно до вас добралась. — Она спрятала руки за спину. — Я надеюсь, проблема национальной безопасности вскоре будет решена.

Зола попытались придать голосу легкость, но выражение лица Кая к этому не располагало.

Он бросил взгляд на андроида.

— Она будет, — и подождал, пока Наинси исчезла в нише у входа, прежде чем продолжить. — Прошу прощения, что трачу твое время, но я хотел бы поблагодарить тебя лично за то, что ты ее починила.

Она пожала плечами.

— Это было честью для меня. Я надеюсь… Я надеюсь, ты найдешь то, что ищешь.

Кай подозрительно прищурился, глядя на двух хорошо одетых женщин — одна оживленно болтала, другая кивала в знак согласия, и ни одна из них не обращала на Золу и Кая никакого внимания. Когда они прошли, Кай выдохнул и снова повернулся к ней.

— Есть еще кое-что. Мне нужно поговорить с доктором Эрландом.

Зола понимающе кивнула, пожалуй, слишком сильно.

— Конечно, — сказала она, пятясь к массивной двери. — Теперь, когда Наинси вернулась, я просто…

— Хочешь пойти со мной?

Она остановилась на середине шага.

— Извини?..

— Ты можешь рассказать мне, что обнаружила. Что с ней случилось.

Она всплеснула руками, не зная, означало покалывание на

коже радость или все-таки что-то ближе к страху. Теперь она неизбежно задержится, при этом зная, что королева здесь… И все-таки Зола обнаружила, что борется с глупой улыбкой:

— Конечно. Разумеется.

Кай, казалось, испытал облегчение, кивнув в сторону широкого коридора:

— Так… что же с ней все-таки случилось? — спросил он, когда они пересекали величественный вестибюль.

— Чип, — сказала она. — Думаю, это чип прямой связи прервал связь с блоком питания. Все, что требовалось, чтобы ее разбудить, это убрать его.

— Чип прямой связи?

Зола разглядывала снующих вокруг людей; ни один из них, казалось, не интересовался наследным принцем. И все же она понизила голос, отвечая:

— Да, D-COMM. Разве не ты его установил?

Он покачал головой:

— Нет. Мы используем D-COMM для международной конференц-связи, а больше я такие нигде не видел. Зачем кому-то вставлять такой чип в андроида?

Зола сжала губы, думая о том, что говорила Наинси, когда проснулась. Вероятно, она передавала ту же самую информацию, когда отключилась — и, скорее всего, по этому чипу.

Но кому?

— Зола?

Она натянула перчатки повыше. Она хотела сказать ему, что знает о его исследованиях, что кто-то еще, вероятно, тоже знает, но она не могла ничего сказать в переполненном коридоре дворца.

— Кто-то, видимо, получил к ней доступ до того, как она вышла из строя. Чтобы установить чип.

— Зачем кому-то устанавливать неисправный чип?

— Я не думаю, что он полностью неисправен. Похоже, что Наинси успела передать какие-то данные до того, как выключилась.

— Что… — Кай колебался. Зола заметила, что в его глазах появилась нервозность, а поза стала напряженной. Он склонил голову ближе к ней, замедляя шаг:

— Какую информацию можно передавать по этому чипу?

— Любую, которую можно отправить по сети.

— Но если кто-то связывался с ней удаленно, он же не мог… Я имею в виду, она же должна была разрешить доступ к той информации, которую они получили?

Зола открыла рот, затем замерла и закрыла его.

— Я не знаю. Я не знаю, как чип прямой связи работает с андроидом, особенно если андроид не предназначен для этого. Но есть шанс, что тот, кто вставил чип, надеялся собрать информацию. Возможно… особую информацию.

Кай смотрел вдаль, пока они шли по крытому стеклянному мосту в исследовательское крыло.

— Так как же мне узнать, кто вставил чип и что они узнали?

Зола сглотнула.

— Я пыталась инициировать связь, но она, похоже, была отключена. Я постараюсь, но сейчас невозможно узнать, кто был на другом конце. Что касается того, что они узнали…

Услышав намек в ее голосе, Кай остановился и обернулся к ней с горящими глазами.

Зола понизила голос и торопливо сказала:

— Я знаю, что вы искали. Я слышала часть из того, что разузнала Наинси.

— Я еще сам не знаю, что она обнаружила.

Она кивнула.

— Это… интересно.

Его взгляд оживился, и он шагнул к ней, наклоняясь:

— Она жива, не так ли? Наинси знает, где ее искать?

Зола покачала головой, ее не отпускал страх, что королева Левана где-то здесь, в этих самых стенах.

— Мы не можем говорить об этом здесь. И потом, Наинси в любом случае известно больше.

Кай нахмурился и сделал шаг назад, но она видела, что в голове у него продолжают крутиться мысли, когда они вошли в холл с лифтами и Кай отдал какие-то распоряжения андроиду-лифтеру.

— Так, — сказал он, сложив руки, пока они ждали. — Ты говоришь, что у Наинси есть какие-то важные сведения, но у некоего неизвестного лица они тоже могут быть.

— Боюсь, что так, — сказала Зола. — Кроме того, сам чип был необычным. Не из кремния или углерода. Он не был похож ни на один из тех, которые я раньше видела.

Кай взглянул на нее, сдвинув брови:

— Как так?

Зола подняла пальцы, как если бы в них был зажат чип.

— По форме и размеру он ничем не отличался от обычных. Но он блестел. Как… крошечные драгоценные камни. Как… как перламутр.

Кровь отхлынула от лица Кая. Через секунду он с гримасой закрыл глаза.

— Он лунный.

— Что? Ты уверен?

— Их корабли сделаны из того же материала. Я не уверен, что знаю, что это такое, но… — Он выругался, массируя пальцами висок. — Должно быть, это сделала Сибил или ее страж. Они прибыли за несколько дней до того, как Наинси отключилась.

— Сибил?

— Маг Леваны. Фаворитка, которая выполняет всю грязную работу.

Зола почувствовала, как ей сдавило грудь, как будто ее связали тугой веревкой.

Если сведения попали к этой Сибил, скорее всего, они попали и к королеве.

— Лифт для Его Императорского Высочества, — сказал андроид, когда двери второго лифта открылись. Зола вошла в лифт вслед за Каем и, не в силах противиться соблазну, посмотрела вверх, в камеру на потолке. Если лунатики смогли добраться до королевского андроида, они могли добраться до чего угодно во дворце.

Она заправила выбившуюся прядь за ухо, параноидально стараясь вести себя нормально, даже когда двери закрылись.

— Я так понимаю, что дела с королевой идут не очень?

Кай скривился, как будто это самая болезненная тема в мире, и привалился к стене. Сердце Золы забилось быстрее, когда она увидела, как с него сползает его обычное королевское хладнокровие. Она опустила глаза, глядя на носки своих ботинок.

— Я и не думал, что можно кого-то ненавидеть так, как я ненавижу ее. Она — само зло.

Зола поежилась:

— Ты думаешь, это безопасно… Я имею в виду, если она вставила этот чип в андроида…

Понимание мелькнуло на лице Кая. Он посмотрел на камеры, а затем пожал плечами:

— Мне все равно. Она знает, что я ее ненавижу. И поверь мне, она не слишком старается изменить это.

Зола облизнула губы:

— Я видела, что она сделала с протестующими.

Кай кивнул:

— Я не должен позволять ей встречаться с ними. Как только на нетскрины попадет информация о том, как быстро она их заморочила, город погрузится в хаос.

Он скрестил руки на груди, подняв плечи до ушей.

— Кроме того, теперь ей кажется, что мы умышленно укрываем лунных беглецов.

Ее сердце пропустило удар.

— В самом деле?

— Я знаю, что это абсурд. Последнее, чего я хочу, это еще больше жадных до власти лунатиков, свободно разгуливающих по моей стране. С какой стати мне?.. Черт. Это так… раздражает.

Зола потерла руки, внезапно почувствовав себя нервно. Это из-за нее Левана считает, что Кай укрывает лунатиков. Она не подумала, что своим присутствием может подвергнуть опасности Кая.

Когда Кай замолчал, она рискнул взглянуть на него. Он смотрел на ее руки. Зола спрятала их на груди, проверяя перчатки, но с ними все было в порядке.

— Ты когда-нибудь их снимаешь? — спросил он.

— Нет.

Кай наклонил голову, глядя на нее так, как если бы мог видеть насквозь, до металлической пластинки в голове. Настойчивость не уходила из его взгляда.

— Я думаю, ты должна пойти со мной на бал.

Она сжала пальцы. Выражение его лица было слишком настойчивым, слишком уверенным. У нее зазвенели нервы.

— Звезды, — пробормотала она. — Разве ты меня уже не спрашивал?

— Я надеюсь на более благоприятный ответ на этот раз. И я, кажется, с каждой минутой впадаю все в большее отчаяние.

— Какая прелесть.

Губы Кая дернулись.

— Пожалуйста?..

— Но почему?

— А почему нет?

— Я хочу сказать, почему я?

Кай зацепил большими пальцами карманы.

— Ну, если хувер, в котором я собираюсь сбежать, сломается, под рукой всегда будет кто-то, кто сможет его починить?..

Она закатила глаза и не смогла посмотреть на него снова, вместо этого уставившись на красную кнопку аварийного вызова у дверей.

— Я имею в виду то, что сказал. Я не могу пойти один. И уж, конечно, не могу пойти с Леваной.

— Но в городе примерно двести тысяч свободных девушек, которые выше головы готовы прыгнуть, чтобы удостоиться чести пойти с тобой.

Между ними повисла пауза. Он не касался ее, но она ощущала его присутствие, от него исходило тепло и превосходство. Она чувствовала, как температура в лифте поднимается, хотя ее терморегуляторная система заверяла ее, что

это не так.

— Зола.

Она ничего не могла с собой поделать. Она посмотрела на него. Она была беззащитна перед открытым взглядом его карих глаз. В них уверенность сменилась тревогой. Неуверенностью.

— Двести тысяч свободных девушек, — сказал он. — Но почему не ты?

Киборг. Лунатик. Механик. Она — это последнее, что ему нужно.

Она открыла рот, и лифт остановился.

— Мне очень жаль. Но поверь мне, ты сам не захочешь идти со мной.

Двери открылись, и напряжение отпустило ее. Она бросилась вон из лифта, опустив голову и стараясь не смотреть на маленькую группу людей, ожидавших лифт.

— Пойдем со мной на бал.

Она замерла. Все в коридоре замерли.

Зола повернулась обратно. Кай все еще стоял в лифте В, одной рукой придерживая дверь.

Ее нервы были на пределе, и все эмоции последнего часа, казалось, обострились и слились в одно отвратительное чувство. В холле было полно докторов, медсестер, андроидов, служащих, техников — и все они неловко замолчали и уставились на принца и девушку в мешковатых штанах, с которой он флиртовал.

Флиртовал.

Расправив плечи, она шагнула назад и толкнула его обратно в лифт, не заботясь, что касается принца металлической рукой.

— Нажмите на «стоп», — сказал он андроиду-лифтеру.

Двери закрылись, и Кай улыбнулся:

— Я привлек твое внимание.

— Послушай, — сказала она. — Мне очень жаль. На самом деле жаль. Но я не могу пойти с тобой на бал. Ты просто должен мне поверить.

Он посмотрел на руку в перчатке, лежащую у него на груди. Зола отстранилась, скрестив руки на груди.

— Почему? Почему ты не хочешь идти со мной?

Она фыркнула:

— Я не говорю, что не хочу идти с тобой. Я имею в виду, что я вообще туда не иду.

— Значит, ты хочешь пойти со мной.

Зола обхватила ее плечи:

— Это не имеет значения. Потому что я не могу…

— Но ты нужна мне.

— Нужна?

— Да. Разве ты не видишь? Если я буду проводить все время с тобой, то королеве Леване не удается втянуть меня в разговоры или, — он передернулся, — танцы…

Зола отшатнулась, перед глазами поплыло. Королева Левана. Конечно, все дело в королеве Леване. Что говорила Пиона сто лет назад? Слухи о брачном союзе?

— Не то чтобы я имел что-то против танцев. Я умею танцевать. Если хочешь потанцевать…

Она покосилась на него:

— Что?

— Я чувствую, что все испорчу, — сказал он.

— Нет. Она потянулась к нему, но сдержалась. — Ты будешь одним из тех императоров, которых все любят. Которыми все восхищаются.

— Да уж, не сомневаюсь.

— Я верю в то, что говорю. Смотри, как много ты пытаешься сделать — а ты еще даже не император. И потом, — она сложила руки, — ты будешь не один. У тебя есть советники, представители провинций, секретари, казначеи… В том смысле, что один человек сам по себе… ну, сколько он может принести вреда?

Кай почти рассмеялся.

— Не то чтобы я почувствовал себя лучше, но я ценю твои усилия.

Он поднял глаза к потолку.

— В любом случае, мне не стоило об этом говорить… Это не твои проблемы. Просто… с тобой легко говорить.

Она переступила с ноги на ногу.

— В каком-то смысле мои. Я имею в виду… нам всем здесь жить.

— Ты могла бы уехать в Европу.

— Знаешь, в последнее время я действительно об этом думаю.

Кай снова засмеялся, в его голос вернулось тепло.

— Если это не присяга на верность, то я не знаю, что это такое.

Она кивнула головой.

— Слушай, я понимаю, что ты королевская особа, но люди, наверное, действительно заждались.

Ее дыхание сбилось, когда Кай наклонился к ней — так близко, что она была уверена, что он хочет ее поцеловать. Она замерла, охваченная паникой, и с трудом подняла глаза.

Но вместо того чтобы ее поцеловать, Кай прошептал:

— Представь себе, что лекарство есть, но оно будет стоить тебе всего. Разрушит всю твою жизнь. Что бы ты сделала?

Ее окутывало тепло. Он был так близко, что она могла различить еле уловимый запах мыла, исходящий от него.

Его глаза впились в нее, ожидая, и в них мелькнула тень отчаяния.

Зола сглотнула.

— Разрушить мою жизнь, чтобы спасти миллионы других? Не думаю, что здесь на самом деле есть выбор.

Его губы приоткрылись, и у нее не осталось выбора, кроме как смотреть на них — и тут же снова заглянуть в глаза. Она почти что могла пересчитать черные ресницы. Но потом его взгляд наполнился печалью.

— Ты права. На самом деле, выбора нет.

Ее тело одновременно стремились сократить расстояние между ними и оттолкнуть его. Ожидание, от которого ее губы стали горячими, делало невозможным и то и другое.

— Ваше высочество?..

Еле уловимым движением она подняла к нему лицо. Она слышала его неровное дыхание, и на этот раз его взгляд был прикован к ее губам.

— Прости, — сказал он. — Я уверен, что это ужасно неуместно, но… кажется, моя жизнь вот-вот будет разрушена.

Она вопросительно сдвинула брови, но он ничего не объяснил. Его пальцы легко коснулись ее локтя. Он склонил голову. Зола не могла пошевелиться, с трудом заставив себя облизнуть губы и зажмуриться.

Голова взорвалась болью, устремившейся вниз по позвоночнику.

Зола ахнула и согнулась пополам, схватившись за живот. Мир покачнулся. Горло словно разъедала кислота. Кай вскрикнул и подхватил ее, когда она качнулась вперед, и помог лечь на пол.

Зола дрожала. Голова кружилась.

Боль ушла так же быстро, как и появилась.

Зола лежала, тяжело дыша, согнувшись, в руках Кая. Его голос бился в ее барабанные перепонки, повторяя ее имя снова и снова. *Ты в порядке? Что случилось? Что я сделал?*

У нее был жар, рука в перчатке вспотела, лицо горело. Как тогда, когда ее коснулся доктор Эрланд. Что с ней происходит?

Она облизнула губы. Язык был ватным.

— Все в порядке, — сказала она, сама задаваясь вопросом, правда ли это. — Все прошло. Я в порядке.

Она зажмурилась и ждала, боясь, что от малейшего движения боль возвратится.

Кай гладил ее по лбу, по волосам.

— Ты уверена? Можешь двигаться?

Она попыталась кивнуть и заставила себя посмотреть на него.

Кай ахнул и дернулся, руки замерли в дюйме от ее лица. От страха у Золы скрутило живот. Может быть, он увидел изображения на ее сетчатке?

— Что? — спросила она, закрывая лицо руками и нервными пальцами ощупывая волосы и лицо. — Что случилось?

— Н-ничего.

Когда она посмела взглянуть на него снова, он быстро моргал, в глазах читалось недоумение.

— Ваше высочество?

— Нет, ничего. — Он неубедительно улыбнулся. — Я видел… всякое.

— Что?

Он покачал головой.

— Ничего. Вот. — Он встал и помог ей встать рядом. — Может быть, стоит попросить доктора вписать тебя в его плотный график.

Глава 25

За то время, что они дошли от лифта до кабинета доктора Эрланда, Кай получил два сообщения — Зола знала это, потому что слышала звон у него на поясе, — но он на них не ответил. Он настоял, что должен ее проводить, несмотря на ее возражения, что она вполне способна дойти сама, несмотря на любопытные взгляды прохожих, которые, казалось, его и вполовину не беспокоили так, как они беспокоили Золу.

Он не стал стучать, когда они дошли до кабинета доктора Эрланда — и доктор не казался особенно удивленным, увидев, кто ворвался без предупреждения.

— Это опять случилось, — сказал Кай. — Обморок. Или что это…

Голубые глаза доктора Эрланда переключились на Золу.

— Уже прошло, — сказала она. — Я в порядке.

— Ты не в порядке, — сказал Кай. — Что это значит? Что сделать, чтобы это прекратилось?

— Я осмотрю ее, — сказал доктор Эрланд. — И мы выясним, что нужно сделать, чтобы этого больше не случалось.

Кай, казалось, счел это приемлемым ответом, но это только казалось.

— Если вам нужны средства, чтобы провести обследование… или специальное оборудование, или что угодно еще…

— Давайте не будем забегать вперед, — сказал доктор. — Ей, скорее всего, просто нужен еще один сеанс хиропрактики.

Зола стиснула зубы, когда огонек на детекторе лжи снова вспыхнул. Он опять лгал принцу. Лгал ей. Но Кай не возражал и не задавал вопросов. Он сделал глубокий вдох и обернулся к Золе. Выражение его лица заставило ее почувствовать себя неловко, как будто она была китайской куклой, которую легко разбить.

И, возможно, за всем этим скрывался намек на разочарование.

— Я правда в порядке.

Она видела, что он не до конца в этом уверен, просто не знает, как еще с ней спорить. Его коммуникатор снова зазвонил. Наконец он взглянул на экран, потом нахмурился и закрыл его.

— Мне нужно идти.

— Ясно.

— Премьер-министр Африки назначил встречу мировых лидеров. Сплошная скука. И политика. Мой советник на грани срыва.

Она подняла брови, надеясь передать взглядом, что с ней ничего не случится, если он уйдет. В конце концов, он был принцем. Его ждали самые могущественные люди на Земле. Она понимала.

И все же он до сих пор был здесь, с ней.

— Со мной все в порядке, — сказала она. — Иди.

Беспокойство в его глазах смягчилось. Он повернулся к доктору Эрланду, вытащил что-то из кармана и с силой вложил в руку доктора:

— И еще я шел, чтобы отдать вам это.

Доктор Эрланд надел очки и стал рассматривать стеклянный флакон на свет. Он был наполнен прозрачной жидкостью.

— И это?..

— Подарок от королевы Леваны. Она утверждает, что это антидот от летумозиса.

Сердце Золы подпрыгнуло. Ее взгляд сосредоточился на флаконе.

Антидот?

Пиона.

Лица доктора Эрланда посерьезнело, глаза за стеклами очков расширились.

— Это правда?

— Это может быть трюк. Я не знаю. Предположительно этой дозы достаточно для одного взрослого человека.

— Понимаю.

— Итак… как вы думаете, вы сможете дублировать его? Если это действительно лекарство?

Доктор Эрланд сжал губы в тонкую линию и опустил флакон.

— Это зависит от многих факторов, ваше высочество, — сказал он после долгой паузы. — Но я приложу все усилия.

— Спасибо. Дайте мне знать, если что-нибудь выясните.

— Конечно.

Морщины на лбу Кая разгладились. Он повернулся к Золе:

— И ты дай мне знать, если что-нибудь…

— Да.

— …изменится в твоем решении насчет бала.

Зола поджала губы.

Улыбка промелькнула в глазах Кая. Коротко поклонившись доктору, он ушел. Зола перевела взгляд на флакон в руках доктора. Ее обуревало только одно желание. Но потом она заметила, как побелели костяшки его пальцев, и подняла глаза. Доктор смотрел на нее в ярости.

— Как вы думаете, что вы здесь делаете? — сказал он, упершись свободной рукой в стол.

Она поразилась его горячности.

— Вы что, не понимаете, что королева Левана здесь, сейчас, в этом дворце? Вы разве не поняли, когда я сказал вам держаться подальше?

— Я должна была привести обратно андроида принца. Это часть моей работы.

— Вы говорите о работе. А я говорю о жизни и смерти. Вы здесь не в безопасности!

— К вашему сведению, этот андроид может иметь отношение к вопросам жизни и смерти.

Она стиснула зубы, заставив себя замолчать. Тяжело вздохнув, стащила перчатки и сунула их в карман.

— Ладно, прошу прощения, но сейчас я здесь.

— Вы должны уйти. Сейчас же. Что, если она захочет осмотреть лабораторию?

— С какой стати ей интересоваться вашей лабораторией? — Зола села в кресло напротив доктора Эрланда. Он остался стоять. — И потом, слишком поздно. Королева меня уже видела.

Она ожидала, что доктор, услышав это, взорвется, но вместо этого недовольство в его взгляде быстро сменилось ужасом.

Его густые брови уползли под шляпу. Он медленно опустился в свое кресло.

— Она вас видела? Вы уверены?

Зола кивнула.

— Я была во дворе, когда началась акция протеста. Королева Левана появилась на одном из верхних балконов и… что-то сделала с толпой. Промыла мозги, или очаровала, или как там это называется. И они успокоились и перестали протестовать. Это было так жутко. Как будто все просто забыли, зачем пришли. Забыли, что ненавидят ее. А потом просто разошлись.

— Да. — Доктор Эрланд поставил флакон на стол. — Вот как она удерживает своих подданных от восстания, да?

Зола наклонилась вперед, постукивая металлическими пальцами по столу.

— Вы говорили, что пустышки невосприимчивы к чарам, так? И поэтому она приказала их — нас — убивать.

— Верно.

— Но это влияет на меня. Я поверила ей так же, как все остальные. По крайней мере, пока не включилась программа и не взяла ситуацию под контроль.

Она наблюдала, как доктор Эрланд снял шляпу, поправил края и нахлобучил обратно на остатки седых волос.

— Так не должно было быть, верно? Потому что я пустышка.

— Верно, — сказал он без осуждения. — Так не должно было

быть.

Он поднялся со стула и обернулся к огромному, от пола до потолка, окну.

Зола поборола импульс схватить со стола флакончик с прозрачной жидкостью, хотя руки просто чесались. Лекарство — если это было оно — предназначалось для всех.

Сглотнув, она откинулась назад.

— Доктор? Вы, кажется, не слишком удивлены.

Он поднял руку и постучал по губам двумя пальцами перед тем, как медленно обернуться к ней.

— Может быть, я неправильно вас диагностировал.

Ложь.

Она сжала руки на коленях.

— Или вы просто не сказали мне правду.

Его брови сошлись у переносицы, но он ничего не отрицал.

Зола сжала пальцы.

— Так, значит… я не лунатик?

— Что вы, что вы. Самый настоящий, вне всяких сомнений.

Правда.

Она разочарованно надулась в кресле.

— Я провел некоторые исследования о вашей семье, мисс Линь.

Должно быть, он увидел, как загорелись ее глаза, потому что быстро поднял обе руки:

— Я имею в виду вашу приемную семью. Знаете ли вы, что ваш покойный опекун, Линь Гаран, разрабатывал некие системы для андроидов?

— Мм… — Зола подумала о наградных дощечках на каминной доске Адри. — Звучит знакомо.

— Хорошо. За год до операции он представил свое изобретение на выставке научных достижений в Новом Пекине. Он назвал его системой биоэлектрической безопасности.

Зола посмотрела на него:

— Что?

Стоя, доктор Эрланд возился с нетскрином, пока на нем не появилась знакомая голограмма. Он увеличил изображение шеи, указывая на темное пятно на позвоночнике.

— Вот.

Зола помассировала себе шею.

— Это устройство, которое связано с нервной системой человека. Оно преследует две цели: в случае землянина делает его не восприимчивым к манипулированию биоэнергией, по сути, дает иммунитет от лунных чар; в случае лунатика — напротив, блокирует возможность манипуляций. Как если бы вы закрыли

лунный дар на замок.

Зола покачала головой, по-прежнему массируя шею.

— Блокирует? Магию? Это вообще возможно?

Доктор наставил на нее палец:

— Это не магия. Называя дар этим словом, вы сами наделяете лунатиков силой.

— Хорошо, биоэнергия или что там это. Это возможно?

— Очевидно, да. Лунный дар — это возможность использовать свой мозг для производства и управления электромагнитной энергией. Чтобы заблокировать эту возможность, требуется изменить нервную систему, ту часть, где начинается спинной мозг, и в то же время необходимо сохранить возможность полноты движений и не нарушить работу органов чувств… это впечатляет. На самом деле, это гениально.

С отвисшей челюстью Зола смотрела, как доктор садится обратно в кресло.

— Должно быть, он был богатым.

— Если бы выжил, возможно, стал бы.

Доктор выключил экран.

— Когда он представил изобретение на выставке, прототип был еще не протестирован и современники были настроены скептически, что справедливо. Сначала нужно было протестировать.

— И для этого ему нужен был лунатик.

— В идеале, он должен был провести два отдельных теста — на лунатике и на землянине. Нашел ли он землянина, понятия не имею, но ясно, что он нашел вас и вживил свое изобретение в вашу нервную систему, что не позволяло вам пользоваться вашим природным даром. Это объясняет, почему вы им не пользовались после операции.

Почувствовав беспокойство, она вскочила на ноги.

— Вы не ошиблись с моей диагностикой. Вы знали это с самого начала. С того момента, как я оказалась в лаборатории, вы знали, что я лунатик, и про этот безумный замок тоже знали.

Доктор Эрланд всплеснул руками. За все время она впервые заметила золотое кольцо у него на пальце.

— Что вы со мной сделали? — спросила она, встав устойчиво. — Когда вы прикасались ко мне и мне было так больно, что я отключилась, — сегодня было то же самое. Почему так? Что со мной происходит?

— Успокойтесь, мисс Линь.

— Зачем? Чтобы вы продолжали лгать мне, как лжете принцу?

— Если я и лгал, то только затем, чтобы защитить вас.

— Защитить меня от чего?

Доктор Эрланд сложил пальцы.

— Я понимаю, вы сбиты с толку…

— Нет, вы ничего не понимаете! Неделю назад я точно знала, кто я такая, что я такое. Может, я и была никчемным киборгом, но, по крайней мере, я это знала. А теперь… теперь я лунатик, лунатик, который, вероятно, способен к магии, но не может ее использовать, и еще эта ненормальная королева по непонятной причине хочет меня убить.

УРОВЕНЬ АДРЕНАЛИНА ЗАШКАЛИВАЕТ, ***предупредила панель управления.*** *РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ДЕЙСТВИЯ: СДЕЛАЙТЕ НЕСКОЛЬКО МЕДЛЕННЫХ ВДОХОВ НА СЧЕТ 1, 2, 3…*

— Пожалуйста, успокойтесь, мисс Линь. На самом деле, вам повезло, что именно вас выбрали для этого замка.

— Уверена, вы правы. Мне просто нравится быть морской свинкой, вы разве не в курсе?

— Нравится нам это или нет, замок все это время был вам на пользу.

— Каким образом?

— Я скажу, если вы прекратите кричать.

Она закусила губу и почувствовала, как дыхание выравнивается практически против ее воли.

— Хорошо, но на этот раз скажите мне правду. — Скрестив руки, она снова села.

— Иногда вы очень меня нервируете, мисс Линь. — Доктор Эрланд вздохнул, почесывая висок. — Видите ли, манипулировать биоэнергией настолько естественно для лунатиков, что практически невозможно этого не делать, особенно в столь юном возрасте. Предоставленная самой себе, вы бы привлекали слишком много внимания. Это все равно что сделать татуировку «лунатик» на лбу. И даже если бы вы научились управлять процессом, дар — настолько фундаментальная часть нашего внутреннего устройства, что отказ от его использования может иметь разрушительные последствия для психики — галлюцинации, депрессия… даже безумие. — Он сложил кончики пальцев вместе и подождал. — Так что, сами видите, замок защищал вас в первую очередь от вас самой.

Зола смотрела на него ничего не выражающим взглядом.

— Вы понимаете, насколько это было всем выгодно? — продолжал доктор. — Линь Гаран получил своего подопытного, а вы смогли прижиться на Земле, не травмировав психику.

Зола медленно наклонилась вперед:

— Нашего?

— Простите?

— Нашего. Вы сказали, «дар — настолько фундаментальная часть нашего внутреннего устройства».

Доктор выпрямился, поправляя лацканы пальто.

— Ах. В самом деле? Я так сказал?

— Вы лунатик.

Он снял шляпу и бросил ее на стол. Без нее он выглядел меньше. Старше.

— Не лгите мне.

— Я и не собирался, мисс Линь. Просто пытаюсь придумать, как объяснить так, чтобы вы перестали смотреть на меня столь обвиняюще.

Выдвинув подбородок, Зола снова вскочила из кресла и попятилась от стола. Она смотрела на доктора тяжелым взглядом, словно у него на лбу и правда могла появиться татуировка «лунатик».

— Как я могу верить хоть чему-нибудь из того, что вы сказали? Откуда я знаю, что вы не промываете мне мозги прямо сейчас?

Он пожал плечами:

— Если бы я ходил и целыми днями только и очаровывал всех вокруг, вам не кажется, что первым делом я бы постарался казаться выше?

Она нахмурилась, не обращая на него внимания. Она думала о королеве на балконе, о том, как ее оптобионика предупредила ее о лжи даже тогда, когда ничего не было сказано. Так или иначе, ее мозг был в состоянии отличить реальность от иллюзии, даже если этого не могли сделать глаза.

Прищурившись, она наставила на доктора палец.

— Вы применяли ко мне свои способности. Когда мы встретились. Вы… вы промыли мне мозги. Так же, как королева. Вы заставили меня доверять вам.

— Будем честными. Вы напали на меня с гаечным ключом.

Ее гнев утих.

Доктор Эрланд развернул к ней раскрытые ладони.

— Уверяю вас, мисс Линь, за те двенадцать лет, что я провел на Земле, я ни разу не злоупотреблял даром. И расплачиваюсь за это решение каждый день. Своей психической устойчивостью, психологическим здоровьем, работой органов чувств, наконец, и все потому, что я отказываюсь манипулировать мыслями и чувствами окружающих. Не всем лунатикам можно доверять — я знаю это не хуже остальных — но вы можете доверять мне.

Зола сглотнула и оперлась на спинку стула.

— Кай знает?

— Конечно, нет. Никто не должен знать.

— Но вы работаете во дворце. Все время видите Кая. И императора Рикана!

В голубых глазах доктора Эрланда блеснуло раздражение:

— Да, и почему это должно вас огорчать?

— Потому что вы лунатик!

— Так же как и вы. Должен ли я считать, что принц в опасности, потому что пригласил вас на бал?

— Это совсем другое дело!

— Не будьте глупой, мисс Линь. Я понимаю, что есть предрассудки. Во многом они понятны, даже оправданы, учитывая историю Земли и Луны. Но это не значит, что мы все жадные, эгоистичные демоны. Поверьте мне, нет человека на этой планете, который сильнее меня хотел бы свергнуть Левану с престола. Будь это в моей власти, я бы сам убил ее. — Лицо доктора стало пунцовым, как вишня, глаза горели.

— Хорошо. — Зола теребила подушку кресла, пока не ощутила, как материал расходится под ее пальцами. — Я могу принять это. Не все лунатики — дьявольское порождение и не всем легко промыть мозги и заставить следовать за Леваной. Но даже те, кто хочет бросить ей вызов, сколько из них решается рискнуть жизнью и бежать? Так почему вы решились?

Доктор Эрланд совершил движение, словно собираясь встать, но после небольшого колебания его плечи поникли:

— Она убила мою дочь.

Правда.

Зола попятилась.

— Самое ужасное, — продолжал доктор, — что, окажись на ее месте любой другой ребенок, я бы чувствовал, что это правильно.

— Что? Почему?

— Потому что она была пустышкой. — Он взял шляпу со стола и изучал ее, пока говорил, пальцами отслеживая узор-елочку. — Я был согласен с законом, я думал, что пустышки опасны. Что наше общество развалится на части, если оставлять их в живых. Но только не моя малышка. — Ироническая улыбка искривила его губы. — Когда она родилась, я хотел убежать, чтобы привезти ее на Землю, но моя жена была еще более предана Ее Величеству, чем я. Она не хотела иметь ничего общего с ребенком. И вот мою малышку, мою Кресент Мун забрали, как и всех остальных. — Он снова нахлобучил шляпу и искоса посмотрел на Золу. — Сейчас ей было бы столько же, сколько и вам.

Зола обошла вокруг стула и примостилась на краешке:

— Мне так жаль.

— Это было давно. Но мне нужно, чтобы вы поняли, мисс

Линь, через что кому-то пришлось пройти, чтобы привезти вас сюда. Чтобы зайти так далеко, что скрыть ваш лунный дар, чтобы защитить вас.

Зола сложила руки, вжимаясь в себя.

— Но почему меня? Я не пустышка. Я не была в опасности. В этом нет смысла.

— Он появится, обещаю. Слушайте внимательно, потому что это может стать для вас шоком.

— Шоком? Вы имеете в виду — все, что до этого, было предисловием?

Его взгляд смягчился:

— Ваш дар возвращается, мисс Линь. Я имел возможность манипулировать вашей биоэнергией и создать временную перегрузку для прототипа Линя Гарана. Вот что я сделал в первый день, когда вы потеряли сознание, и в результате замок на вашем даре был необратимо поврежден. Со временем вы научитесь контролировать отказы замка по своему усмотрению, до тех пор пока снова не обретете полный контроль над своим даром. Я понимаю, что это болезненно, когда происходит так же быстро, как сегодня, но такие случаи должны быть редкими — только во времена крайнего эмоционального расстройства. Можете предположить, что вывело его из строя?

Зола вспомнила близость Кая в лифте. Желудок подпрыгнул. Она откашлялась.

— То есть вы говорите, что я становлюсь лунатиком взаправду. С магией и всем прочим.

Доктор Эрланд слегка скривился, но не стал ее поправлять.

— Да. Это займет некоторое время, но в конечном счете вы сможете полностью использовать природный дар, с которым родились. — Он резко крутанул пальцами в воздухе. — Хотите попытаться использовать его сейчас? Может быть, у вас получится. Я не уверен.

Зола представила, как по ее проводам пробегает искра и что-то потрескивает в основании позвоночника. Она понимала, что это, наверное, у нее в голове, она просто накручивала себя до паники, но все-таки была не до конца уверена. Каково это — быть лунатиком? Обладать такой странной властью?

Она покачала головой:

— Нет, все в порядке. Я не готова к этому.

Губы доктора растянулись в тонкую улыбку, как если бы он был слегка разочарован.

— Конечно. Когда вы будете готовы.

Обхватив себя за талию, она сделала неуверенный вдох.

— Доктор?

— Да?

— У вас иммунитет к летумозису, как и у меня?

Доктор Эрланд выдержал ее пристальный взгляд, не шелохнувшись.

— Да. У меня иммунитет.

— Тогда почему бы вам просто не использовать свои собственные образцы крови, чтобы найти лекарство? Так много людей погибло… А набор киборгов…

Морщины на его лице разгладились.

— Я уже это сделал, мисс Линь. Как вы думаете, откуда взялись двадцать семь антидотов?

— И ни один не работает.

Она спрятала ноги под креслом, снова чувствуя себя маленькой. И ничтожной.

— Так что мой иммунитет — не такое чудо, каким вы его рисовали.

Ее взгляд упал на антидот королевы во флаконе.

— Мисс Линь.

Встретившись с доктором взглядом, она увидела блеск в его глазах. Как будто он едва справлялся с головокружением, словно видел ее впервые.

— Вы — чудо, которое я искал, — сказал он. — Но вы правы. Это не из-за вашего иммунитета.

Зола уставилась на него, ожидая, объяснений. Что еще может быть в ней особенного? Может, на самом деле он искал гениальный замок-прототип Линя Гарана?

Ее внутренний коммуникатор пискнул прежде, чем он смог продолжить. Она вздрогнула, отворачиваясь от доктора, когда зеленый текст заскакал перед глазами:

СООБЩЕНИЕ

ОТ: НОВЫЙ ПЕКИН, КВАРТАЛ 29, КАРАНТИН ЛЕТУМОЗИСА

ЛИНЬ ПИОНА ВОШЛА В ЧЕТВЕРТУЮ СТАДИЮ ЛЕТУМОЗИСА В 17:24 18 АВГУСТА 126 Т. Э.

— Мисс Линь?

Ее пальцы дрожали.

— Моя сестра… она вошла в четвертую стадию.

Ее взгляд остановился на флаконе на столе доктора Эрланда.

Он проследил за ее взглядом.

— Понимаю, — сказал он. — На четвертой стадии все происходит очень быстро. У нас мало времени. — Наклонившись вперед, он взял флакон в руку. — Обещание есть обещание.

Сердце Золы колотилось об ребра.

— Но разве оно вам не нужно? Чтобы создать копию?

Встав, доктор подошел к книжной полке и вытащил склянку.

— Сколько ей лет?

— Четырнадцать.

— Тогда я думаю, этого будет достаточно.

Он перелил в склянку четверть содержимого. Закупорив флакон, снова обернулся к Золе:

— Вы понимаете, это от королевы Леваны. Я не знаю, какой у нее может быть план, но каким бы он ни был, он не будет на благо Земли. Вполне возможно, это какой-то трюк.

— Моя сестра уже умирает.

Он кивнул и протянул ей склянку:

— Я так и думал.

Зола встала, взяла склянку и сжала ее в ладони:

— Вы уверены?

— При одном условии, мисс Линь.

Сглотнув, она прижала пузырек к груди.

— Вы должны пообещать мне не приближаться ко дворцу до тех пор, пока королева Левана здесь.

Глава 26

Принц Кай явился на заседание с опозданием на семнадцать минут. Его встретили недовольные взгляды Торина и четырех других служащих — они сидели за длинным столом — и еще десятка пар глаз, смотрящих с нетскринов на стене перед ним. Послы от каждой страны — Великобритании, Американской Республики, Европейской Федерации и Австралии. Одна королева, два премьер-министра, один президент, один генерал-губернатор, три представителя штатов и два представителя провинций. Текст в нижней части экрана услужливо отображал их имена, должности и страны.

— Как мило со стороны молодого принца почтить нас своим присутствием, — сказал Торин, когда служащие встали, чтобы поприветствовать его.

Кай отмахнулся от комментария Торина.

— Я думал, вы могли бы воспользоваться моими указаниями.

На экране премьер-министр Африки, Камин, крайне неженственно хмыкнула. Все остальные молчали.

Кай собирался сесть на свое обычное место, когда Торин остановил его и указал на стул во главе стола. Место императора. Сжав зубы, Кай сел. Он посмотрел на лица на экранах — хотя каждый из мировых лидеров находился за тысячи миль, Каю казалось, будто все взгляды направлены прямо на него и выражают неодобрение.

Он прочистил горло, стараясь не дергаться.

— Конференц-связь защищена? — спросил он, и этот вопрос вернул его к проблеме чипа прямой связи, который нашла Зола внутри андроида. Нетскрины в переговорной были оснащены чипами прямой связи, чтобы во время переговоров можно было не опасаться утечки информации через сеть. Чип в Наинси вставил кто-то из приспешников Леваны с такой же целью — узнать что-то важное и тайное?.. Если да, то что именно они узнали?

— Конечно, — сказал Торин. — Каналы связи проверялись в течение двадцати минут, ваше высочество. Мы как раз обсуждали вопросы взаимодействия Земли и Луны, когда вы изволили присоединиться к нам.

Кай сложил руки вместе.

— Действительно. Итак, где сейчас королева устраивает очередную истерику? Кому угрожает войной, если не получит желаемого? Вы ведь это имеете в виду?

Никто не засмеялся. Взгляд Торина сосредоточился на Кае:

— Возможно, время для конференции выбрано неудачно,

ваше высочество?

Кай откашлялся.

— Я прошу прощения. Это было неуместно.

Он взглянул в лица лидеров Земли, наблюдавших за ним из разных концов планеты, и сжал руки под столом, чувствуя себя, как ребенок на встречах отца.

— Очевидно, — начал президент Варгас из Америки, — отношения между Землей и Луной были напряженными много лет, и приход к власти королевы Леваны лишь обострил ситуацию. Мы не можем обвинять только одну сторону, но важно справиться с ситуацией, прежде чем…

— Прежде чем она начнет войну, — закончил представитель провинции из Южной Америки, — как юный принц уже сказал.

— Но если новости в сети не врут, — сказал генерал-губернатор Австралии Уильямс, — переговоры между Землей и Луной возобновились. Неужели правда, что Левана сейчас на Земле? Я не мог поверить новостям, когда услышал.

— Да, — сказал Торин, и все взгляды переключились на него. — Королева прибыла вчера днем, а ее верховный маг Сибил Мира является нашим гостем чуть более двух недель.

— Левана сообщила вам о ее целях этого визита? — спросила премьер-министр Камин.

— Она утверждает, что хочет достичь мирного соглашения.

Один из представителей Американской Республики расхохотался:

— Я поверю в это, когда увижу своими глазами.

Президент Варгас проигнорировал комментарий.

— Очень подозрительный выбор времени, не так ли? После того как…

Он не закончил. Никто не смотрел на Кая.

— Мы согласны, — сказал Торин, — но мы не могли отказать, когда королева потребовала принять ее.

— Похоже, она всегда была более склонна обсуждать альянс с Содружеством, чем с любым из нас, — сказал президент Варгас. — Но всегда выдвигала требования, удовлетворить которые было невозможно. На этот раз что-нибудь изменилось?

Кай видел боковым зрением, как грудь Торина медленно расширяется.

— Нет, — сказал он. — Насколько нам известно, требования Ее Величества не изменились. Ее целью по-прежнему является брачный союз с императором Содружества.

Несмотря на то, что все присутствующие — и в комнате, и на экранах — попытались придать лицам безразличное выражение, ощущение дискомфорта усилилось. Кай вцепился в свою руку с

такой силой, что на ней остались следы ногтей в форме полумесяцев. Он всегда презирал выверенную дипломатию этих совещаний. Все думают об одном и том же, но ни у кого недостает смелости сказать вслух.

И, конечно, все они будут сочувствовать судьбе Кая и все же радоваться, что это не их судьба. Им не понравится, если армия королевы Леваны захватит земную страну, и все же они будут уверены, что лучше одна страна, чем весь земной шар.

— Позиция Содружества, — продолжал Торин, — также не изменилась.

Это, похоже, действительно встряхнуло присутствующих.

— Вы не женитесь? — спросила Камилла, королева Соединенного Королевства, морщины у нее на лбу стали глубже.

Кай расправил плечи, защищаясь.

— Мой отец был тверд в своем решении избежать подобного союза, и я считаю причины, по которым это решение было принято, такими же вескими сегодня, как и на прошлой неделе, или год, или десять лет назад. Я должен учитывать интересы своей страны.

— Вы сказали об этом Леване?

— Я не лгал ей.

— И каков будет ее следующий шаг? — спросил Бромстад, премьер-министр Европы, белокурый человек с добрыми глазами.

— Что еще? — сказал Кай. — Она намерена добавить привлекательных фишек в эту стопку, и так до тех пор, пока мы не сдадимся.

Их взгляды встретились, как будто не было никакого экрана. Он увидел, как побелели губы Торина, как тот взглядом призывает его говорить аккуратнее. Кай мог предположить, что Торин не собирается упоминать противоядие, по крайней мере, пока они не продумают свой следующий шаг, но летумозис был общей бедой и отразился на всех. По крайней мере, они имеют право знать, что противоядие может существовать. Если предположить, что Левана не солгала ему. Он сделал глубокий вдох и положил ладони на стол.

— Левана утверждает, что нашла лекарство от летумозиса.

Казалось, нетскрины затрещали от удивления, хотя собравшиеся лидеры были слишком ошеломлены, чтобы говорить.

— Она привезла с собой одну дозу, и я передал ее исследователям нашей лаборатории. Мы не знаем, действительно ли это лекарство, до тех пор, пока его не изучат. Если это действительно оно, мы должны выяснить, сможем ли мы его дублировать.

— И если не сможем?

Кай взглянул на австралийского генерал-губернатора. Он был на много лет старше отца Кая. Они все были настолько старше его.

— Я не знаю, — сказал он. — Но я буду делать то, что должно быть сделано для стран Содружества. — Он очень тщательно выговорил это слово — «Содружество». Да, это правда, что они, союз шести стран, были вместе одной сильной планетой. Но у всех были собственные интересы, и он тоже не забудет о своих.

— Но даже в этом случае, — сказал Торин, — мы можем надеяться, что удастся объяснить ей невозможность такого решения и убедить подписать договор без брачного союза.

— Она откажется, — сказал представитель ЕФ.

— Мы не должны обманываться. Она упрямая, как…

— Конечно, императорская семья Содружества не единственная королевская семья, за члена которой она могла бы выйти замуж, — сказал представитель африканского государства. Она говорила это, зная, что на ее собственную страну выбор пасть не может — она не была монархией. Любые узы брака дали бы власть слишком ненадежную и преходящую. Она продолжила: — Я думаю, мы должны изучить все возможные варианты, чтобы быть уверенными в предложении, которое подготовим — вне зависимости от того, что Левана решит делать дальше. Предложение, которое будет на благо всем жителям планеты.

Вместе со всеми Кай переключил внимание на королеву Великобритании, Камиллу, у которой был неженатый сын тридцати лет, по возрасту больше подходящий Леване, чем Кай. Он смотрел, как старательно королева пытается сохранить бесстрастное лицо, и почувствовал самодовольство. Они поменялись ролями. Славное чувство.

И все же не было сомнений, что с политической точки зрения Кай — куда более привлекательная партия для королевы Леваны. Принц Соединенного Королевства был младшим среди троих братьев и сестер и никогда не смог бы стать королем. Кай же, напротив, будет коронован на следующей неделе.

— Что, если она откажется от любого другого? — спросила королева Камилла, поднимая брови, перенесшие слишком много операций по омоложению за столько лет. Когда никто не ответил, она продолжила: — Я не хочу поднимать чрезмерную тревогу, но вы не думали, что причиной ее появления на земле могло стать обеспечение этого альянса в принудительном порядке? Может быть, она собирается промыть мозги юному принцу, чтобы он женился на ней.

У Кая подпрыгнул желудок. Он увидел, как его беспокойство

отражается на лицах дипломатов.

— Она может пойти на это? — спросил он.

Никто не торопился ответить, и тогда он обратился к Торину.

Прошло слишком много времени, прежде чем Торин покачал головой, выглядя при этом пугающе неуверенным.

— Нет, — сказал он. — Может быть, в теории, но в жизни — нет. Чтобы сохранить чары, ей придется не отходить от вас ни на шаг. Как только вы выйдете из-под ее влияния, вы сможете доказать, что брак недействителен. Она не станет рисковать.

— Вы хотите сказать, мы надеемся, что она не станет рисковать, — поправил его Кай, не чувствуя себя слишком утешенным.

— Как насчет дочери Леваны, принцессы Уинтер? — спросил президент Варгас. — Вы не обсуждали вариант с ней?

— Она падчерица, — ответил Торин. — И что мы должны обсудить относительно принцессы Луны?

— Почему мы не можем сформировать брачный союз с ней? — сказала королева Камилла. — Она не может быть хуже, чем Левана.

Торин сложил руки на столе.

— Принцесса Уинтер родилась от другой матери, а ее отец был простым дворцовым стражем. В ней нет королевской крови.

— Но тем не менее Луна может заключить союз с Землей посредством такого брака, — сказал Кай. — Они не согласятся?

Торин вздохнул, словно жалея, что Кай не промолчал.

— Политически — да, возможно, но это не меняет того факта, что королеве Леване необходимо найти супруга и произвести на свет наследника, который будет продолжать род. Я не думаю, что она согласится выдать замуж падчерицу прежде, чем сама вступит в брак.

— И нет никакой надежды, — сказала премьер-министр Африки, — что принцесса Уинтер когда-нибудь станет королевой?

— Только если вы сможете убедить их отказаться от своих предрассудков, — ответил Торин, — а всем нам известно, насколько глубоко те укоренились в их культуре. В противном случае они всегда будут настаивать на передаче престола наследнику королевской крови.

— А что, если Левана никогда не произведет наследника? Что они будут делать тогда? — Кай скользнул взглядом по советнику и поднял бровь.

— Я не уверен, — сказал Торин в ответ. — Я думаю, что у королевской семьи много дальних родственников, которые будут готовы предъявить свои права на престол.

— Так что, если Левана должна выйти замуж, — подытожил представитель Южной Америки, — и выйдет замуж только за императора Содружества, а император Содружества отказывается жениться на ней, тогда… мы в тупике.

— Может быть, — сказал генерал-губернатор Уильямс, — она выполнит свои угрозы.

Торин покачал головой.

— Если бы ее желанием было развязать войну, у нее уже была масса возможностей.

— Кажется, ясно, — парировал генерал-губернатор, — что ее желание — стать императрицей. Но мы не знаем, что она собирается делать, если вы не…

— На самом деле, у нас есть идея, — сказал президент Варгас тяжелым голосом.

— Я боюсь, что больше не нужно гадать, намерена ли Левана начать войну против Земли. Наши источники приводят меня к мысли, что война не только вероятна, но и неизбежна.

Тревожный шелест голосов пролетел по комнате.

— Если наша теория верна, — продолжил президент Варгас, — Левана планирует нападение на Землю в течение ближайших шести месяцев.

Кай наклонился вперед, дергая воротник рубашки.

— Какие теории?

— Кажется, королева Левана собирает армию.

По комнате прокатилась паника.

— Конечно, на Луне армия существует не первый день, — сказал премьер-министр Бромстад. — Это едва ли новость. Мы не можем потребовать у них полностью отказаться от содержания армии, как нам бы того ни хотелось.

— Это не обычная армия из лунатиков и магов, — добавил президент Варгас, — не похожа она и на армию, какой ее привыкли видеть на Земле. Вот некоторые фотографии, сделанные с нашей орбитальной станции.

Изображение президента исчезло. Вместо него на экране появилась нечеткая картинка, как будто снимали очень издалека. Спутниковые фотографии, сделанные без солнечного света. Тем не менее на зернистом рисунке Кай мог разобрать многие ряды стоявших мужчин. Он прищурился, и на экране появилась другая фотография, снятая ближе, изображавшая спины четырех из них, вид сверху — и Кай испытал шок, осознав, что это не мужчины. Их плечи были слишком широки, слишком сгорблены. Их едва различимые профили слишком растянуты. Спины покрыты чем-то похожим на мех. Очередная картинка на экране. На этот раз — изображение нескольких существ спереди. Они были чем-то

средним между человеком и животным. Их носы и челюсти неловко выдавались вперед, губы кривились в постоянной гримасе. Во рту виднелись белые пятна — Кай не мог видеть их ясно и не сказал бы наверняка, но ему показалось, что это клыки.

— Что это за существа? — спросила королева Камилла.

— Мутанты, — ответил президент Варгас. — Мы считаем, что они — продукт генной инженерии лунных лабораторий. Мы предполагаем, что проект существует не одно десятилетие. На этом снимке мы насчитали шесть сотен, но подозреваем, что есть и другие, вероятно, в сети лавовых лабиринтов под поверхностью Луны. Там могут быть тысячи, десятки тысяч, насколько мы знаем.

— И они обладают магией? — нерешительно спросил представитель канадской провинции.

Последняя фотография исчезла, на ее месте снова появился американский президент:

— Мы не знаем. Мы не смогли их увидеть во время учений, все, что мы видели, — как они маршировали, выходя из пещеры, а потом остановились и просто стояли.

— Они лунатики, — сказала королева Камилла. — Если они не мертвы, значит, способны к магии.

— У нас нет доказательств того, что они убивают своих бездарных детей, — прервал Торин. — И хотя интересно разглядывать фотографии и строить предположения, мы должны учитывать, что королева еще не нападала на Землю, и у нас нет доказательств, что эти существа предназначены для нападения.

— А для чего еще они могут быть предназначены? — спросил генерал-губернатор Уильямс.

— Для ручного труда? — предположил Торин, и никто не осмелился отрицать такую возможность.

Генерал-губернатор шмыгнул носом, но ничего не сказал.

— Мы, конечно, должны быть готовы к войне, но все же нашей приоритетной задачей должно стать создание альянса, а не отчуждение от Луны на почве паники и недоверия.

— Нет, — сказал Кай, подперев подбородок рукой. — Я думаю, что самое время для паранойи и недоверия.

Торин нахмурился.

— Ваше высочество…

— Похоже, все пропустили кое-что очевидное на этих фотографиях.

Президент Варгас выпятил грудь:

— Что вы имеете в виду?

— Вы говорите, что они, наверное, создавали эту армию в течение десятилетий? Совершенствовали какую-то науку —

неважно какую, — чтобы создать этих… существ?

— Похоже, что так.

— Тогда почему же мы заметили это только сейчас? — Он махнул рукой на экран, где было изображение. — Сотни из них стоят на открытом пространстве, как будто им нечем больше заняться, кроме как ждать, пока их сфотографируют.

Он скрестил руки на столе, наблюдая, как к нему поворачиваются неуверенные лица.

— Королева Левана хотела, чтобы мы увидели призрак ее армии. Она хотела, чтобы мы обратили внимание.

— Вы думаете, она пытается угрожать нам? — спросила премьер-министр Камин.

Кай закрыл глаза, снова увидев ряды зверей перед мысленным взором.

— Нет. Я думаю, что она пытается угрожать мне.

Глава 27

Хувер с грохотом остановился у карантина. Зола выскочила из бокового люка и тут же отшатнулась, прикрыв нос локтем. Внутренности снова скрутило от зловония. Запах гниющей плоти усилился от дневной жары. Снаружи, у входа, группа медроидов загружала трупы в хувер, чтобы их увезли. Тела были раздуты, непонятного цвета, у каждого — разрез на запястье. Зола отвела глаза, и, стараясь не смотреть и не дышать, проскользнула внутрь бывшего корпуса фабрики.

Солнечный свет превратился из яркого в темный, просочившись через зеленую пленку на окнах под потолком. Если до этого карантин был почти пустым, то теперь он был переполнен жертвами летумозиса — мужчинами и женщинами всех возрастов. Вялое кружение вентиляторов на потолке не развеивало изнуряющей жары и запаха смерти. Воздух пропитался им и казался тяжелым.

Медроиды с гудением сновали между кроватями, но их было недостаточно для такого количества больных. Зола проскользнула в проход, мелко и часто дыша сквозь ткань рукава. Она заметила зеленую парчу одеяла Пионы и побежала к ее кровати:

— Пиона!

Когда Пиона не шевельнулась, Зола протянула руку и положила ей на плечо. Одеяло было мягкое, теплое, но тело под ним оставалось неподвижным.

Дрожа, Зола схватила край одеяла и потянула. Когда Пиона захныкала, слабо протестуя, дрожь ужаса сменилась ознобом облегчения. Зола рухнула рядом с кроватью.

— Звезды, Пиона. Я пришла, как только услышала…

Пиона посмотрела на нее. Глаза были мутные. Лицо пепельного цвета. Губы шелушились. Темные пятна на прозрачной коже шее начали превращаться в синюшные.

Не сводя глаз с Золы, она вытащила руку из-под одеяла и раскрыла ладонь, демонстрируя иссиня-черные пальцы и желтоватые ногти.

— Я знаю, но все будет в порядке.

Все еще тяжело дыша, Зола уже расстегивала боковой карман штанов и снимала перчатку, которую всегда носила на правой руке. Флакон был в одном из пальцев — для сохранности.

— Я кое-что тебе принесла. Можешь сесть?

Пиона расслабила пальцы и убрала руку под одеяло. Глаза были пустыми. Золе показалось, что Пиона не слышит ее.

— Пиона?

Писк эхом отдавался в голове Золы. Ее дисплей показал входящее сообщение от Адри, а знакомый всплеск беспокойства перехватил горло.

Она отклонила сообщение.

— Пиона, послушай меня. Мне нужно, чтобы ты села. Ты можешь это сделать?

— Мама? — прошептала Пиона. В углу рта показалась слюна.

— Она дома. Она не знает… — *Что ты умираешь*. Но, конечно, Адри знала. Ей тоже наверняка пришло сообщение.

Пульс участился, Зола наклонилась над Пионой и просунула руку под плечи:

— Давай, я тебе помогу.

Выражение глаз Пионы не изменилось — пустой, неживой взгляд, — но она болезненно застонала, когда Зола подняла ее.

— Прости, — сказала Зола, — но я хочу, чтобы ты это выпила.

Еще один писк, еще одно сообщение от Адри. На этот раз раздражение захлестнуло Золу, и она отключила сеть, блокируя все входящие сообщения.

— Это из дворца. Это может помочь. Понимаешь? — Она говорила шепотом, боясь, что могут услышать другие пациенты и против нее начнется настоящее восстание. Но взгляд Пионы оставался пустым. — Лекарство, Пиона, — зашипела Зола ей на ухо. — Противоядие.

Пиона ничего не сказала, ее голова поникла на плечо Золы. Ее тело обмякло, но она была легкой, как деревянная кукла.

В горле Золы запершило, как будто туда попал песок, когда она посмотрела в пустые глаза Пионы. Глаза, смотревшие сквозь нее. Мимо нее.

— Нет… Пиона, ты слышишь меня? — Зола вытащила Пиону из-под одеяла целиком и откупорила флакон. — Ты должна выпить.

Она держала флакон у губ Пионы, но та не двигалась. Даже не шелохнулась.

— Пиона.

Рука дрожала, она откинула голову Пионы назад. Бумажные губы приоткрылись.

Зола заставила свою руку не дрожать, когда она подняла пузырек, боясь пролить хоть каплю. Она поднесла флакон к губам Пионы, задержала дыхание и замерла. Сердце сжалось. Голова стала тяжелой от слез, которым не пролиться. Она резко мотнула головой.

— Пиона, пожалуйста.

Из губ Пионы не вырывалось ни звука, ни воздуха. И Зола опустила флакон. Она уткнулась лицом в шею Пионы, до боли стиснув зубы. Каждый вдох обдирал горло — его саднило от страшной вони, стоявшей вокруг, но даже сейчас, хотя прошло так много дней, она различала легкий запах шампуня Пионы.

Сжимая флакон в руках, она осторожно выпустила Пиону, позволяя ее голове скользнуть обратно на подушку. Ее глаза все еще были открыты.

Зола ударила по матрасу. Немного противоядия выплеснулось на большой палец. Она зажмурила глаза так крепко, что перед ними заплясали звезды. Упала лицом в одеяло.

— Черт подери. Черт подери. Пиона! — Качнувшись на пятках, она прерывисто вдохнула. Она смотрела на маленькое личико в форме сердца, на безжизненные глаза сестры. — Я сдержала обещание. Я принесла тебе… — Она едва удержалась от того, чтобы не раздавить флакон в пальцах. — И еще я говорила с Каем. Пиона, он будет с тобой танцевать. Он сказал мне. Пиона, ты что, не понимаешь? Ты не можешь умереть! Я здесь… Я…

Головная боль. Она покачнулась и снова привалилась к кровати, вцепилась в край матраса и позволила голове болтаться на груди. Боль снова исходила из верхушки позвоночника, но это не было так же непреодолимо, как раньше. Просто неудобное тепло, как загар на внутренней стороне.

Приступ прошел, оставив только тупую пульсацию в затылке и неотступные мысли о пустых глазах Пионы. Она подняла голову и закупорила флакон слабыми пальцами, потом позволила ему скользнуть в карман. Поднявшись, она закрыла Пионе глаза.

Зола услышала знакомый скрип гусениц по грязному бетону и увидела медроида, приближающегося к ним. У него не было ни воды, ни влажной тряпки в пальцах-зубцах. Он остановился по другую сторону от постели Пионы, его торс открылся. И оттуда показалась третья рука со скальпелем. Зола перегнулась через кровать и рукой в перчатке сжала запястье Пионы.

— Нет, — сказала она громче, чем собиралась.

Пациенты, лежавшие рядом, повернули головы в ее сторону. Датчик андроида смотрел на нее все так же тускло.

Воры. Осужденные. Беглецы.

— Вы не можете забрать его.

Андроид стоял с пустым белым лицом, из туловища выступал скальпель. По краям виднелись засохшие капли крови. Андроид без слов потянулся вперед и взял Пиону за локоть.

— Я был запрограммирован…

— Меня не волнует, как ты был запрограммирован. Ты его не получишь.

Зола выдернул руку Пионы из захвата андроида. Клещи оставили глубокие царапины на ее коже.

— Я должен извлечь и сохранить ее чип, — сказал андроид, двигаясь вперед.

Зола наклонилась над кроватью, отводя руку андроида:

— Я сказала, ты его не получишь. Оставь ее в покое.

Андроид взмахнул скальпелем — и тот вонзился в перчатку Золы. Металл зазвенел при ударе о металл. Зола потрясенно отпрянула. Лезвие зацепилось за плотную ткань рабочей перчатки.

Стиснув зубы, она вырвала скальпель из перчатки и ударила по датчику. Стекло разбилось, желтый свет словно выплеснулся наружу. Андроид покатился назад, размахивая металлическими руками и подавая громкий звуковой сигнал — сообщение об ошибке — из скрытых динамиков.

Зола перевалилась через кровать и нанесла удар андроиду в голову. Он рухнул на пол, замолчав, только руки по-прежнему подергивались.

Задыхаясь, Зола огляделась. Пациенты, которые могли сидеть, щурили на нее блестящие глаза. Медроид в четырех проходах от нее оставил пациента и двигался в ее сторону.

Зола сделала вдох. Присев на корточки, она нагнулась к андроиду с разбитым датчиком и схватила скальпель. Она повернулась к Пионе — растрепанные одеяла, царапины на руке, голубые пальцы свисают с кровати. Встав рядом с ней на колени, она торопливо попросила прощения и свободной рукой взяла запястье сестры.

Скальпель вошел в мягкие ткани. Кровь из раны закапала на ее перчатки, смешиваясь с многолетней грязью. Пальцы Пионы дернулись, когда скальпель попал по сухожилиям, заставив Золу подскочить.

Когда разрез стал достаточно широким, она вложила в отверстие большой палец, обнажив ярко-красные мышцы. Кровь. Живот скручивало, но она орудовала скальпелем так тщательно, как могла, отыскивая чип.

— Мне очень, очень жаль, — прошептала она, кладя изуродованное запястье на живот Пионы и вставая. Гусеницы медроида шуршали ближе.

— Пепел, прах…

Она повернулась на звук сухого голоска, говорившего нараспев, — в одной руке скальпель, в другой чип Пионы.

Маленький мальчик в следующем проходе сжался, когда взгляд широко раскрытых глаз упал на оружие. Детский стишок оборвался. Золе потребовался миг, чтобы узнать его. Чан Сунто с

рынка. Его кожа была глянцевой от пота, черные волосы спутались и сбились на одну сторону от слишком долгого лежания в постели. *Пепел, прах, мы все умрем.*

Каждый, у кого еще оставались силы, чтобы сидеть, смотрел на нее.

Затаив дыхание, Зола рванулась к Сунто. Она выхватила флакон из кармана и вложила в липкие пальчики:

— Выпей.

Медроид добрался до изножья кровати, и Зола со всего размаху ударила его. Он упал, как пешка.

— Пей! — приказала она. Вытаскивая пробку и заставляя поднести флакон ко рту, она дождалась, пока он обхватит горлышко губами, и бросилась бежать.

Солнце на мгновение ослепило ее, когда она вырвалась на улицу. Между ней и хувером оказались андроиды и две каталки с мертвецами, она развернулась и побежала в другую сторону.

Она повернула за угол и прошла четыре квартала, когда услышала гул еще одного хувера над головой; она чувствовала, как под ногами пульсирует магнитная дорога.

— Линь Зола, — раздался громкий голос, — было приказано задержать вас и, не причиняя вреда, взять под стражу.

Она выругалась. Они что, арестовывают ее?

Прочнее встав на ноги, она развернулась к белому хуверу. Хувер правоохранительных органов, в нем несколько андроидов. Как они добрались до нее так быстро?

— Я его не крала! — крикнула она, сжимая чип Пионы. — Он принадлежит ее семье, а не вам и не кому-то еще!

Хувер приземлился. Двигатель все еще работал. Из хувера вышел андроид, желтый свет пробежал по Золе сверху донизу, когда он приблизился. В зубцах у него был электрошокер.

Она отшатнулась, неловко шаркнув по земле и взметая в воздух какой-то сор посреди пустынной улицы.

— Я не сделала ничего плохого! — Зола протянула руки к андроиду. — Этот медроид атаковал меня. Это была самооборона.

— Линь Зола, — сказал механический голос, — в связи с вашим несанкционированным отсутствием с нами связался ваш опекун. Вы нарушаете Акт о защите киборгов и в настоящее время числитесь как беглый киборг. Нам приказано задержать вас, в случае необходимости применив силу, и доставить к вашему законному опекуну. Если вы последуете за нами мирно, эти сведения не будут внесены в вашу постоянную запись.

Зола прищурилась, сбитая с толку. Бусинка пота скатилась по лбу, когда она перевела взгляд с андроида, который только что говорил, на андроида, который выходил из хувера.

— Подождите, — сказала она, опуская руки, — так вас Адри послала?

Глава 28

Неловкое молчание в обеденном зале нарушали только стук палочек по фарфору и шаги слуг. Среди слуг были только люди — уступка закоренелому недоверию Леваны к андроидам. Она утверждала, что наделять поддельными эмоциями и мыслями сделанные людьми машины против человеческой морали и законов природы.

Но как бы то ни было, Кай знал, что она просто не любит андроидов, потому что им нельзя промыть мозги.

Сидя напротив королевы, Кай обнаружил, что борется с собой, чтобы не посмотреть на королеву, — взглянуть на нее было искушением, и в то же время видеть ее было противно, и оба чувства раздражали его. Торин был рядом с ним, а по обе стороны от королевы сидели Сибил и второй маг. Два лунных стража стояли у стены, Кай даже задался вопросом, едят ли они когда-нибудь.

Место императора в конце стола пустовало до коронации. Но Каю все равно не хотелось смотреть на пустой стул.

Левана подняла чашку великолепным, чарующим жестом, привлекая к себе внимание всех присутствующих, хотя всего лишь сделала глоток чая. Ее губы изогнулись, когда она поставила чашку и встретилась взглядом с Каем.

— Сибил сказала мне, что ваш фестиваль — ежегодное событие. — Она говорила, словно пела колыбельную.

— Да, — ответил Кай, поднимая палочками креветочный вонтон. — Он приходится на девятое полнолуние каждого года.

— Ах, как это мило — отмечать праздники по циклам моей планеты.

Кай хотел съязвить на тему «планеты», но заставил себя проглотить колкость.

— Это праздник в честь окончания Четвертой мировой войны, — сказал Торин.

Левана щелкнула языком.

— Вот она, проблема, когда так много маленьких стран на одной планете. Столько войн.

Что-то брызнуло на тарелку Кая. Он посмотрел вниз и увидел, что выжал из вонтона все содержимое.

— Возможно, стоит порадоваться, что война все-таки случилась и заставила страны объединиться.

— И, думаю, едва ли эта война сильно сказалась на благосостоянии граждан, — сказала Левана.

Кровь стучала у Кая в ушах. Миллионы погибли в этой войне,

целые культуры были уничтожены, десятки городов разрушены до основания, в том числе и Пекин. Не говоря уже о бесчисленном количестве природных ресурсов, пострадавших от ядерного и химического оружия. О да, Кай был уверен, что война в какой-то мере сказалась на благосостоянии граждан.

— Еще чаю, ваше высочество? — спросил Торин, заставив Кая вздрогнуть. Он понял, что сжал палочки, как оружие.

Рыча про себя, он сел обратно, позволяя слуге заново наполнить свою чашку.

— Мы можем быть благодарны войне за Бременский договор, — сказал Торин, — который до настоящего момента имел только положительные последствия для всех стран Земного союза. Мы, конечно, надеемся, что однажды увидим на нем и вашу подпись, ваше величество.

Губы королевы сжались плотнее.

— В самом деле. Благо, которое несет этот договор всем гражданам, описывается в исторических книгах. И все же не могу не сказать, что Луна — единая страна, управляемая одним правительством, — пример еще более удачного, идеального соглашения. Соглашения, единого и справедливого для всех жителей.

— Да, если правят действительно по справедливости, — сказал Кай.

По губам королевы пробежала презрительная усмешка, через мгновение сменившаяся спокойной улыбкой:

— О чем, разумеется, свидетельствует история — сотни лет правления без восстаний и малейших акций протеста. Наши книги говорят об этом.

Кай был потрясен. Он зарычал бы, не ощущай он на себе сердитый взгляд Торина.

— К этому стремится каждый правитель, — сказал Торин.

Слуги вышли вперед и унесли первое блюдо, заменив его серебряными мисками.

— Моя королева так же жаждет наладить отношения между Луной и Землей, как и вы, — сказала Сибил. — Просто позор, что при вашем отце соглашение так и не было достигнуто, но мы надеемся, что вы, ваше высочество, примете наши условия.

Кай снова постарался ослабить хватку, чтобы случайно не прыгнуть через стол и не воткнуть палочку ведьме в глаз. Его отец перебрал все мыслимые компромиссы, чтобы создать альянс с Луной, кроме одного, на который не мог согласиться. Одного, который, он был уверен, означал конец человеческой свободы. Кроме брака с королевой Леваной. Но никто не возразил против комментария Сибил. Даже он сам.

Он не мог изгнать из головы фотографии с сегодняшней встречи. Лунные мутанты, армия звероподобных существ. В ожидании.

Его пробирал озноб не только и не столько от того, что он увидел, а от того, что он начинал представлять, чего еще не видел. Если он прав, Левана действительно выставила свою армию на обозрение в качестве угрозы. Но она не откроет все карты так легко.

Так что еще она скрывает?

И хватит ли ему смелости это узнать?

Брак. Война. Брак. Война.

Слуги одновременно подняли серебряные крышки с блюд, выпуская облака пара с ароматом чеснока и кунжутного масла.

Кай пробормотал слова благодарности слуге через плечо, но его прервал резкий вздох королевы. Она отодвинула свой стул от стола. Ножки с визгом проехались по паркету.

Пораженный, Кай вслед за королевой посмотрел на ее тарелку. Вместо тонко нарезанного филе из свинины и рисовой лапши на тарелке лежало маленькое зеркальце в сверкающей серебристо-белой оправе.

— Как вы смеете? — Левана уставилась горящими глазами на служанку, которая принесла блюда, женщину средних лет с седыми волосами. Служанка отшатнулась, глаза у нее стали круглыми, как зеркало.

Левана встала так быстро, что стул упал на пол. Зал наполнился звуком отодвигаемых стульев — все встали со своих мест.

— Говори, ты, отвратительная землянка! Как ты смеешь оскорблять меня?

Служанка молча трясла головой.

— Ваше величество, — начал Кай.

— Сибил!

— Моя королева…

— Этот человек выказал неуважение. Это недопустимо.

— Ваше величество! — сказал Торин. — Пожалуйста, успокойтесь. Мы не знаем наверняка, что виновата именно эта женщина. Мы не должны торопиться с выводами.

— Тогда она должна стать примером, — сказал Сибил, вполне спокойно, — и истинный преступник будет страдать от чувства вины, которое часто гораздо хуже наказания.

— Наша система работает несколько иначе, — сказал Торин. Его лицо покраснело. — Пока вы находитесь в Содружестве, вы будете соблюдать наши законы.

— Я не буду следовать вашим законам, если при них

процветает неповиновение, — сказала Левана. — Сибил!

Сибил подняла упавший стул королевы. Служанка пятилась прочь, кланяясь, бормоча извинения и прося милости, сама плохо понимая, что говорит.

— Прекратите! Оставьте ее в покое! — сказал Кай, бросаясь к служанке.

Сибил схватила со стола нож и протянула его служанке рукояткой вперед. Женщина взяла нож, плача и умоляя.

У Кая отвисла челюсть. Он испытывал отвращение и все же был загипнотизирован тем, как служанка берет нож и разворачивает лезвием к себе, вцепившись в рукоятку обеими руками.

Красивое лицо Сибил оставалось спокойным.

Руки служанки дрожали, когда она медленно подняла нож. Блестящее острие лезвия оказалось возле уголка глаза.

— Нет, — хныкала она. — Пожалуйста…

Кай задрожал всем телом, когда понял, что Сибил собирается заставить женщину сделать. С колотящимся сердцем он расправил плечи.

— Я это сделал!

В комнате настала тишина, все замолчали, только женщина неуклюже рыдала.

Все повернулись к Каю. Королева, Торин, служанка с крошечной царапинкой у века, все еще сжимающая нож.

— Я сделал это, — повторил он. Он посмотрел на Сибил, которая наблюдала за ним без всякого выражения, а затем на королеву Левану.

Королева сжала кулаки. Глаза горели. Лицо сияло. В этот непередаваемый момент она была отвратительна — с ее ровным дыханием и насмешливыми коралловыми губами.

Кай провел сухим языком по нёбу.

— Я попросил на кухне, чтобы зеркало положили на тарелку. — Он крепко прижал руки к телу, чтобы они не дрожали. — Это было задумано как дружеская шутка. Теперь я понимаю, что это было невежественным решением, и такие шутки не годятся для вашей культуры, и я могу только извиниться и попросить у вас прощения. — Он остановил взгляд на Леване. — Но если прощение не в вашей власти, то, по крайней мере, направьте свой гнев на меня, а не на эту женщину, которая понятия не имела, что в тарелке. Все наказание должен понести я.

Во время закуски он думал, что в зале напряженная атмосфера, но теперь был готов посмеяться над теми своими мыслями.

Дыхание Леваны вернулось в нормальное состояние, когда

она взвесила свои возможности. Она не поверила Каю, это была ложь, и все в зале знали это. Но он признался.

Она разжала пальцы, позволив ладоням спокойно лечь на ткань платья.

— Отпусти служанку.

Энергия разошлась. Каю показалось, что у него что-то хлопнуло в ушах, как будто давление в комнате изменилось.

Нож со стуком упал на пол, и служанка отшатнулась, налетев спиной на стену. Трясущимися руками она ощупывала глаза, лицо, голову.

— Спасибо за честность, ваше высочество, — сказала Левана бесцветным голосом. — Ваше извинение принято.

Плачущую женщину увели из столовой.

Торин потянулся через стол, взял серебряный колпак и накрыл зеркало.

— Принесите нашей самой почетной гостье ее блюдо.

— В этом нет необходимости, — перебила его Левана. — У меня совершенно пропал аппетит.

— Ваше величество, — настаивал Торин.

— Я удаляюсь в свои покои, — сказала королева. Она все еще сражалась с Каем — смотрела на него холодно и расчетливо, и он не в силах был отвести взгляд. — Я узнала кое-что ценное о вас этим вечером, юный принц. Я надеюсь, вы узнали кое-что обо мне, и это хорошо.

— Что вы предпочитаете править через страх, а не через справедливость? Мне жаль, ваше величество, но, боюсь, я уже знал это о вас.

— На самом деле, нет. Я надеюсь, вы заметили, что я могу выбирать свои битвы. — Ее губы изогнулись, красота возвращалась во всей полноте. — Если это то, что нужно, чтобы выиграть войну.

Она выпорхнула из комнаты, как перышко, как будто ничего не случилось, ее свита следовала на шаг позади нее. Только когда шаги стражей стали затихать в коридорах, Кай позволил себе рухнуть на ближайший стул и уронить голову на колени. Его мутило. Каждый нерв был напряжен.

Он услышал, как Торин пододвигает стул и садится рядом с тяжелым вздохом.

— Мы должны выяснить, кто был на самом деле в этом замешан. Если это кто-то из слуг, их нужно отослать отсюда подальше до тех пор, пока королева не уедет.

Кай поднял голову, чтобы заглянуть за край стола и увидеть высокий серебряный колпак на блюде перед отодвинутым стулом королевы. Сделав вдох, он потянулся вперед и увидел ручное

зеркало, которое взял за тонкую ручку. Оно было гладким, как стекло, но сверкало, как бриллианты, когда он крутил его в тусклом освещении. Он видел такой материал только однажды. На космическом корабле.

Повернув зеркало к Торину, он с отвращением покачал головой.

— Тайна разгадана, — сказал он, повернув зеркало так, чтобы его советник увидел странные лунные руны, высеченные на задней части рамки.

Глаза Торин расширились.

— Она испытывала вас.

Кай позволил зеркалу упасть обратно на стол.

Он потер лоб. Пальцы до сих пор дрожали.

— Ваше высочество, — у дверей щелкнул каблуками посланник. — Срочное сообщение от секретаря Общественного здравоохранения и безопасности.

Кай наклонил голову, щурясь на посланника сквозь челку.

— Она не могла отправить сообщение? — сказал он, проверяя пояс свободной рукой, прежде чем вспомнить, что Левана настояла на отсутствии портскринов во время трапезы.

— Что за сообщение?

Посланник вошел в столовую, блестя глазами.

— Произошло нарушение в квартале двадцать девять, в карантине. Неизвестный напал на двух медроидов, выключив одного из них, а затем скрылся.

Кай нахмурился, выпрямляясь.

— Больной?..

— Мы не уверены. Андроид, который записал хороший зрительный образ, отключен. Другой видел преступника только издали и со спины. Мы не смогли получить точный ID. Хотя он не казался больным.

— Все в карантине больны.

Посыльный колебался.

Кай схватил ручки кресла.

— Мы должны найти его. Если он заразен…

— Она. Это женщина, ваше высочество. И это еще не все. У нас есть кадры, где она контактирует с другим пациентом сразу после того, как напала на первого медроида. С маленьким мальчиком по имени Чан Сунто. Он был помещен в карантин вчера с диагнозом летумозис во второй стадии.

— И?

Посыльный кашлянул.

— Мальчик, кажется, поправляется.

— От чего? От нападения?

— Нет, ваше высочество. Выздоравливает от чумы.

Глава 29

Зола захлопнула за собой дверь квартиры и вошла в гостиную. Адри сидела рядом с каминной доской, глядя на Золу, как будто ждала ее.

Зола стиснула пальцы.

— Как вы смеете обращаться со мной как с каким-то преступником? Вы не подумали, что я могла быть чем-то занята?

— Как я смею обращаться с тобой как с каким-то киборгом, ты это имеешь в виду? — Адри сложила руки на коленях. — Ты и есть киборг и находишься под моей опекой. Это моя обязанность — следить, чтобы ты не стала угрозой для общества, и оказалось, что ты злоупотребляла теми поблажками, которые я давала тебе в прошлом.

— Какими поблажками?

— Я всегда давала тебе свободу, Зола, делать, что ты хочешь, ходить, куда тебе нравится. Но я заметила, что ты не осознаешь ответственности, которую влечет за собой свобода.

Зола нахмурилась и отступила. У нее в голове всю дорогу вертелась довольно злая речь, которую она собиралась сказать Адри — и она никак не ожидала, что и Адри заготовила свою.

— Все потому, что я не ответила на несколько сообщений?

Адри отвела плечи назад.

— Что ты делала во дворце сегодня, Зола?

Сердце Золы пропустило удар.

— Во дворце?..

Адри спокойно подняла бровь.

— Вы отслеживали мой ID.

— Ты вынудила меня принять меры предосторожности.

— Я ничего не сделала.

— Ты не ответила на мой вопрос.

Зола отмахнулась от внутренних предупреждений. Пики адреналина. Она вдохнула.

— Я пошла, чтобы присоединиться к акции протеста, все в порядке? Это преступление?

— Мне казалось, что ты в подвале, работаешь, как тебе и положено. Но выбраться из дома без разрешения, даже не сообщив мне, для участия в каком-то бестолковом параде, и все это в то время, когда Пиона… — Ее голос оборвался. Адри опустила глаза, взяла себя в руки, но голос зазвучал глуше, когда она снова заговорила. — Твои записи также сообщают, что ты сегодня пользовалась хувером, чтобы добраться на окраины города. В район старой фабрики. Кажется, очевидно, что ты

пыталась сбежать.

— Сбежать? Нет. Я… Там… — Она колебалась. — Там есть магазин подержанных запчастей. Я ездила за запчастями.

— Неужели? И скажи на милость, откуда у тебя деньги на хувер?

Кусая губы, Зола опустила взгляд в пол.

— Это недопустимо, — сказала Адри. — Я не потерплю такого поведения от тебя.

Зола услышала возню в коридоре. Оглянувшись на дверь, она увидела, как Перл выглядывает из своей спальни, услышав, что мать повышает голос. Она снова повернулась к Адри.

— После всего, что я для тебя сделала, — продолжала Адри, — чем пожертвовала, тебе хватает наглости воровать у меня.

Зола нахмурилась:

— Я у вас не крала.

— Нет? — Костяшки пальцев Адри побелели. — Несколько юнивов на хувер, Зола, я бы, может, и проглядела, но скажи мне, где ты взяла шестьсот юнивов, чтобы заплатить за, — ее взгляд упал на ботинки Золы, губы изогнулись в усмешку, — свою новую конечность? Разве не из денег, отложенных на плату за жилье, еду и домашние расходы?

Живот Золы сжался.

— Я проверила память Ико. Шестьсот юнивов всего за неделю, не говоря уже о баловстве с жемчугом, который Гаран подарил мне на годовщину. Боюсь себе представить, что еще ты скрываешь от меня.

Зола сжала дрожащие пальцы на бедре. Впервые она радовалась, что не сказала Ико, что она лунатик.

— Это были не…

— Я не хочу этого слышать. — Адри сжала губы. — Если бы ты не бездельничала весь день, ты бы знала, — ее голос взлетел, как будто только гнев был способен удержать слезы, — что я должна оплатить похороны. За шестьсот юнивов я могла бы купить своей дочери пристойную мемориальную доску, и я собираюсь вернуть эти деньги обратно. Мы уже распродаем что-то из личных вещей, и тебе придется внести свою лепту.

Зола схватилась за косяк. Она хотела сказать Адри, что никакие мемориальные доски не вернут Пиону, но у нее не было сил. Закрыв глаза, она прислонилась лбом к прохладному дереву.

— Не стой там, притворяясь, что понимаешь, что я могу чувствовать. Ты не член этой семьи. Ты даже не человек.

— Я человек, — сказала Зола спокойно. Гнев оставил ее. Она просто хотела, чтобы Адри замолчала, чтобы она могла пойти к

себе в комнату, остаться одна и подумать о Пионе. О противоядии. Их побеге.

— Нет, Зола. Люди плачут.

Зола осела, обхватив себя руками, словно защищаясь.

— Давай. Прослезись для младшей сестренки. Мне кажется, я уже все глаза выплакала, так почему бы тебе не разделить бремя?

— Это несправедливо.

— Несправедливо? — пролаяла Адри. — Что несправедливо, так это то, что ты все еще жива, а она — нет! Вот что несправедливо! Ты должна была погибнуть в той аварии. Они должны были дать тебе умереть и оставить мою семью в покое!

Зола топнула ногой:

— Перестаньте обвинять меня! Я не просила оставлять меня в живых. Я не просила удочерять меня. Я не просила, чтобы меня сделали киборгом. Это все не моя вина! И Пиона тоже, и Гаран. Не я начала эту чуму, не я…

Она замолчала, когда на нее обрушились слова доктора Эрланда. Лунатики принесли чуму на Землю. Лунатики были во всем виноваты. Лунатики.

— Что, короткое замыкание?

Зола отбросила мысли в сторону и бросила молчаливый взгляд на Перл, перед тем как вновь обратиться к Адри.

— Я могу получить деньги обратно, — сказала она. — Достаточно, чтобы купить Пионе самую красивую доску. Или даже настоящее надгробие.

— Слишком поздно. Ты доказала, что не являешься частью этой семьи. Ты доказала, что тебе нельзя доверять. — Адри одернула юбку на коленях. — В качестве наказания за воровство и за попытку сбежать я решила, что тебе не будет позволено пойти на ежегодный бал.

Зола подавила смех. Адри что, считает ее такой дурой?

— До особого распоряжения, — продолжала Адри, — ты будешь ходить только в подвал и в свой ларек, в том числе во время фестиваля, так ты сможешь начать отрабатывать то, что у меня украла.

Зола вцепилась пальцами в бедра, слишком разгневанная, чтобы спорить.

Каждая клеточка, каждый нерв, каждый провод дрожал.

— И оставишь мне свою стопу.

— Прошу прощения?..

— Я думаю, это справедливое решение. В конце концов, ты ее купила на мои деньги, так что я могу поступить с ней, как мне заблагорассудится. В некоторых культурах за воровство отрезали руку, Зола. Считай, что тебе повезло.

— Но это моя нога!

— И тебе придется обойтись без нее, пока не найдешь замену подешевле. — Она зло посмотрел на ноги Золы. Ее губы искривились от отвращения. — Ты не человек, Зола. Пришло время понять это.

Мотая подбородком, Зола пыталась найти аргументы. Но юридически деньги принадлежали Адри. Юридически Зола принадлежала Адри. Она не имела ни прав, ни собственности. Она была не что иное, как киборг.

— Можешь идти, — сказала Адри, бросив взгляд в сторону пустого камина. — Только не забудь оставить свою ногу в коридоре перед тем, как ляжешь спать.

Сжав кулаки, Зола отступила в коридор. Перл прижалась к стене, с отвращением глядя на Золу. Ее щеки хранили следы недавних слез.

— Подожди. Еще одно, Зола.

Она замерла.

— Мы уже начали распродавать все ненужное. Я оставила в твоей комнате несколько неисправных деталей, которые оказались бесполезны. Может быть, ты придумаешь, что с ними можно сделать.

Когда стало ясно, что Адри закончила, Зола пронеслась по коридору, не оглядываясь. Гнев опьянял ее. Ей хотелось в ярости метаться по дому, уничтожая все, что попадется под руку, но тихий голос внутри головы успокаивал ее. Адри этого хотела. Адри хотела получить предлог, чтобы арестовать Золу. Чтобы избавиться от нее раз и навсегда.

Ей просто нужно время. Еще неделя, две, и, если повезет, автомобиль будет готов.

Тогда она действительно станет беглым киборгом, но на этот раз Адри не сможет ее выследить.

Она прошла в свою спальню и захлопнула дверь, привалившись к ней горячим телом и сдерживая дыхание. Она зажмурилась. Еще неделя. Еще неделя. Когда ее дыхание стало выравниваться, а предупреждения исчезли из поля зрения, Зола открыла глаза. Ее комната была такой же грязной, как и всегда, на заляпанных маслом одеялах, служивших ей постелью, были разбросаны инструменты и старые запасные части, но глаза ее сразу остановились на том, что добавилось к беспорядку.

Внутри что-то оборвалось и упало.

Она опустилась на колени над кучей бесполезных деталей, которые Адри оставила ей. Потрепанные гусеницы, забитые галькой и мусором. Древний вентилятор с кривой лопастью. Две алюминиевых руки, на одной из которых вокруг запястья до сих

пор была повязана бархатная ленточка Пионы.

Сжав зубы, она стала перебирать части. Осторожно. Одну за другой. Ее пальцы дрожали над каждым кривым винтом. Каждым кусочком расплавленного пластика. Она покачала головой, молча умоляя. Умоляя.

Наконец она нашла то, что искала.

С сухим благодарным всхлипом она прижала к груди чип бесполезной личности Ико.

Книга четвертая

Но королевич придумал хитрость: он велел вымазать всю лестницу смолой. И когда Золушка от него убегала, то туфелька с ее левой ноги осталась лежать на одной из ступенек.

Глава 30

Зола сидела в своем ларьке, положив подбородок на ладони и глядя на огромный нетскрин на людной улице. Она не могла слышать комментариев корреспондента сквозь хаос уличной толчеи, но и без них было ясно — он говорит о фестивале, в самом сердце которого она находилась. Журналист, казалось, получал гораздо больше удовольствия, чем она, дико жестикулируя в направлении идущих мимо разносчиков угощений, жонглеров и акробатов, устроивших миниатюрный парад, и хвоста дракона — воздушного змея, символа счастья. Судя по гулу голосов, Зола могла сказать, что репортер был на площади всего в каком-то квартале от нее, где происходила большая часть сегодняшних событий. Это было куда грандиознее, чем ряды ларьков — но, по крайней мере, она была в тени.

День обещал быть более напряженным по сравнению с обычными днями на рынке — многие потенциальные покупатели интересовались ценами на нерабочие портскрины и запчасти для андроидов, но Золе пришлось отказать им всем — больше у нее не будет клиентов в Новом Пекине. Она бы совсем не пришла, если бы ее не отослала Адри, пока сама вместе с Перл ходила что-то докупать для бала в последнюю минуту. Зола подозревала, что на самом деле Адри просто хотелось, чтобы на нее пялились — на хромую одноногую девушку.

Она не могла сказать мачехе, что Линь Зола, известный механик, занята работой.

Потому что она не могла сказать Адри, что уезжает.

Она вздохнула, сдув выбившуюся прядку с лица.

Жара была невыносимой. Влажность липла к коже, приклеивая рубашку к спине. У горизонта сгущались облака, обещая дождь — много дождей.

Не идеальные условия вождения.

Но это не остановит ее. Через двенадцать часов она будет в милях от города, увеличив расстояние между собой и Новым Пекином настолько, насколько получится. Каждую ночь на этой неделе, когда Адри и Перл ложились спать, она спускалась в гараж. И вчера двигатель впервые взревел и ожил.

Или вспылил и ожил, извергнув из выхлопной трубы столько ядовитого дыма, что Зола кашляла, как сумасшедшая. Она истратила почти половину денег, перечисленных исследовательской лабораторией доктора Эрланда, на большой бак бензина — и она будет счастлива, если его хватит хотя бы до ближайшей провинции. Это будет тряское путешествие. Вонючее

путешествие.

Но она будет свободна.

Нет, они будут свободны. Она, чип личности Ико и ID-карта Пионы. Они убегут вместе, как она всегда обещала.

Хотя она знала, что никогда не сможет вернуть Пиону, она надеялась когда-нибудь, по крайней мере, найти другое тело для Ико. Новую оболочку для андроида — может быть, даже эскорт-дроида с идеальной женской фигурой. Она думала, что Ико это понравится.

Изображение на нетскрине сменилось — теперь передавали еще один любимый сюжет. Историю недели. Про Сунто Чана, чудо-ребенка. Мальчика, выжившего после чумы. Бесчисленное множество раз у него брали интервью о его невероятном выздоровлении, и всякий раз что-то вспыхивало в сердце Золы.

Кадры с ее безумным побегом из карантина тоже многократно воспроизводились на экране, но запись никогда не показывала ее лица, а Адри была слишком занята — балом и похоронами, куда Золу не звали, — чтобы понять, что таинственная девушка живет под ее крышей. Или, возможно, Адри обращала на нее так мало внимания, что все равно не узнала бы ее.

Слухи о девушке и Чана Сунто множились, поговаривали об антидоте, но никто не знал наверняка. Мальчик сейчас был под контролем королевской исследовательской команды, а это означало, что у доктора Эрланда появилась новая морская свинка, с которой можно поиграть. Она надеялась, что этого достаточно, учитывая, что на этом ее роль добровольца в исследовании была закончена. Еще ей не хватило смелости признаться доктору, и она испытывала чувство вины всякий раз, обнаруживая по утрам новый денежный перевод. Доктор Эрланд выполнил обещание — создал отдельный счет, связанный с ID Золы так, что только она имела к нему доступ, но никак не Адри. До сих пор он ничего не попросил взамен. Его единственное сообщение говорило, что он по-прежнему использует образцы ее крови, и напоминало, чтобы она не приближалась ко дворцу, пока королева здесь.

Зола нахмурилась, почесывая щеку. Доктору Эрланду так и не представилось шанса рассказать ей, чем она особенная, если к чуме и у него есть иммунитет. Любопытство гнездилось где-то на задворках сознания, но желание убежать было сильнее. Что ж, каким-то тайнам предстоит остаться неразгаданными.

Она поставила перед собой на стол ящик с инструментами и стала перебирать их просто для того, чтобы чем-нибудь занять руки. Скука прошедших пяти дней заставила ее навести в нем

идеальный порядок, все лежало на своих местах — до последнего болтика, до последнего винтика.

И сейчас она пересчитывала, сверяясь с виртуальным списком в голове.

Перед ее рабочим столом возникла девочка с шелковистыми черными волосами, заплетенными в косички.

— Извините, — сказала она, толкая портскрин через стол, — вы можете это починить?

Зола перевела скучающий взгляд с ребенка на портскрин. Он был достаточно мал, чтобы уместиться у нее в ладони, покрытие сверкало розовым. Вздохнув, она взяла портскрин в руки. Нажала на кнопку включения, но по экрану побежала только какая-то абракадабра. Сложив губы трубочкой, она дважды постучала уголком портскрина по столу. Девочка отскочила назад.

Зола снова нажала на кнопку — и экран загорелся приветствием.

— Иногда давай ему небольшую встряску, — сказала она, отправляя портскрин обратно девочке, которая отступила на шаг, чтобы его поймать. Глаза девчушки просветлели. Прежде чем исчезнуть в толпе, она одарила Золу улыбкой, в которой не хватало двух зубов.

Зола сгорбилась, подперев голову руками, и в который раз пожалела, что Ико заперта в маленьком кусочке металла. Они смеялись бы над продавцами с влажными розовыми лицами, обмахивающимися веерами под навесами своих ларьков. Они говорили бы обо всех тех местах, которые собираются посетить — Тадж-Махал, Средиземноморье, трансатлантическую магнитную дорогу. Ико наверняка захотела бы совершить шопинг в Париже.

Когда ее охватила дрожь, Зола уткнулась лицом в локоть. Как долго ей придется носить с собой их призраки?

— Ты в порядке?

Она подняла голову и подскочила. Кай стоял, прислонившись к углу стенда, одной рукой опираясь на стальной каркас двери, а другую держа за спиной. Он снова замаскировался, как в прошлый раз, — серая толстовка с капюшоном, надвинутым на лицо, и снова, даже в изнуряющую жару, выглядел абсолютно спокойно. Только волосы растрепались. За ним сверкало яркое солнце. Сердце Золы начало разрастаться в груди прежде, чем она успела успокоиться.

Она не стала вставать, только машинально одернула штанину, чтобы скрыть как можно больше свисающих из нее проводов, и еще раз благословила тонкую скатерть.

— Ваше высочество.

— Я, конечно, не хочу рассказывать тебе, как вести дела и все

такое, но ты вообще берешь с клиентов плату за услуги?

Казалось, ее проводам понадобилось какое-то время, чтобы соединиться в мозгу, прежде чем она вспомнила о маленькой девочке. Она откашлялась и огляделась вокруг. Девчушка сидела на тротуаре, платье натянулось на коленях, и она тихонько подпевала музыке, льющейся из крохотных динамиков. Мимо сновали покупатели, прижимая к бедрам сумки и поедая на ходу сваренные в чае яйца. Продавцы были слишком заняты процессом потоотделения. Никто не обращал на них никакого внимания.

— Я не хочу тебе рассказывать, как быть принцем, но разве с тобой не должно быть телохранителей или кого-то в этом роде?

— Телохранители? Кто захочет обидеть такого славного парня, как я?

Когда она посмотрела на него, он улыбнулся и развернул к ней ладони:

— Поверь мне, они все время точно знают, где я нахожусь, я просто стараюсь не думать об этом.

Она взяла из ящика отвертку и принялась крутить ее, чтобы занять руки.

— Так что ты здесь делаешь? Разве ты не должен заниматься? Ну, не знаю… Подготовкой к коронации?

— Веришь или нет, у меня, кажется, снова возникли технические проблемы.

Он снял с ремня портскрин и заглянул в него.

— Видишь ли, я не допускаю и мысли, что у самого известного механика в Новом Пекине проблемы с портскрином, так что, вероятно, какие-то проблемы с моим.

Сжав губы, он постучал углом портскрина по столу, затем снова проверил экран с тяжелым вздохом.

— Нет, ничего. Может быть, она нарочно игнорирует мои сообщения.

— Может быть, она была занята?

— О, да, ты выглядишь совершенно перегруженной.

Зола закатила глаза.

— Вот, я принес тебе кое-что. — Кай убрал портскрин, вынул руку из-за спины и протянул коробку в золотой фольге, перевязанную белой лентой. Бумага была великолепна, и не менее великолепна была работа упаковщика.

Зола с грохотом выронила отвертку:

— Для чего это?..

По лицу Кая пробежала обида.

— Что? Я не могу купить тебе подарок? — спросил он таким тоном, что у Золы в проводах почти остановились электрические импульсы.

— Нет. Не после того, как я проигнорировала шесть сообщений на прошлой неделе. Ты дурак?

— Так ты их получила!

Она оперлась локтями на стол, погрузив подбородок в ладони.

— Конечно, я их получила.

— Так почему же ты меня игнорируешь? Разве я что-нибудь сделал?

— Нет. Да. — Она зажмурилась, массируя виски. Она думала, что тяжелая часть окончена. Она исчезнет, а его жизнь пойдет своим чередом. Она проведет остаток дней, наблюдая, как принц — нет, император — Кай произносит речи и подписывает соглашения. Как ездит с дипломатическими миссиями по всему миру. Как пожимает руки и целует детей. Она увидит, как он женится. Увидит, как жена подарит ему наследника, потому что весь мир будет наблюдать за тем, как все это происходит.

Но он забудет о ней. Потому что именно так и должно случиться.

Но как наивно было полагать, что все будет так просто.

— Нет? Да?

Она замялась, думая, как легко должно быть свалить вину за ее молчание на Адри, жестокую мачеху, которая не выпускала ее из дома, но и это было совсем не просто. Она не могла рисковать и давать ему надежду. Рисковать и позволять представить, что она может передумать.

— Просто дело в том, что я…

Она отшатнулась, зная, что должна сказать ему. Он думал, что она простой механик, и был, пожалуй, готов переступить эту грань социального неравенства. Но лунатик и киборг?.. Презираемые в любой культуре галактики?.. Он мигом поймет, почему необходимо забыть ее.

Более того, он, вероятно, и забудет о ней тут же, на месте.

Ее металлические пальцы дернулись. Правая рука раскалилась под хлопком.

Сними перчатки и покажи ему.

Она бездумно потянулась к раструбу перчатки, дотронулась до грязной замасленной ткани.

Но она не могла. Он не знал. И она не хотела, чтобы он знал.

— Потому что ты продолжал доставать меня с этим дурацким балом, — сказала она, сама поморщившись от своих слов.

Он бросил беглый взгляд на золотую упаковку в его руках. Напряжение таяло, он наконец опустил руки.

— Зола, если бы я знал, что ты собираешься подвергнуть меня эмбарго за то, что я хочу пригласить тебя на свидание, я бы

не решился.

Она обратила взор к небу, желая, чтобы он был хотя бы слегка раздражен ее ответом.

— Ладно, ты не хочешь идти на бал. Понял. Я его больше даже не упомяну.

Она подергала перчатку.

— Спасибо.

Он поставил коробку на стол.

Она поерзала, понимая, что не дотянется до коробки.

— Разве у тебя нет дел поважнее? Например, управлять страной?

— Возможно. — Наклонившись вперед, он оперся одной рукой о стол и наклонился, заглядывая на колени Золы. У нее подскочило сердце, и она молниеносно придвинулась вплотную к столу, стараясь убрать свои ноги из зоны видимости настолько, насколько это вообще возможно.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— Ты в порядке?

— В полном. А что?

— Ну, обычно ты являешь собой яркий пример королевского этикета, а сегодня ты даже не встала. А я уже приготовился быть джентльменом и уговаривать тебя снова сесть.

— Прошу прощения, что украла у тебя этот момент, — сказала она, поглубже усаживаясь на своем месте, — но я здесь с рассвета, и я устала.

— С рассвета! И который сейчас час? — Он потянулся к портскрину.

— Час и четыре минуты пополудни.

Его рука замерла на гаджете у него на поясе.

— Ладно. Значит, самое время устроить перерыв, верно? — Он просиял. — Я могу удостоиться чести пригласить тебя на ланч?

Паника ударила ей в затылок, и она села прямо.

— Конечно, нет.

— Почему?

— Потому что я работаю. Я не могу просто уйти.

Он поднял бровь, глядя на аккуратные штабеля винтов на столе.

— Работаешь над чем?

— К твоему сведению, я ожидаю большую поставку, так что кто-то должен быть здесь, чтобы ее принять. — Она ощутила гордость за то, как правдоподобно звучали ее слова.

— Где твой андроид?

Дыхание Золы сбилось.

— Она… не здесь.

Кай сделал шаг назад от стола и сделал вид, что оглядывается по сторонам.

— Попроси кого-нибудь из соседних торговцев присмотреть за твоим ларьком.

— Исключено. Я плачу деньги, чтобы арендовать это место. И не собираюсь все бросать, просто потому что на горизонте появился какой-то принц.

Кай снова медленно подошел к столу.

— Ну, давай же. Я не могу пригласить тебя на… слово на букву «б». Я не могу пригласить тебя на ланч. Если я сам не отключу процессор одному из своих андроидов, эта встреча может стать последней.

— Веришь или нет, я уже заставила себя смириться с этим фактом.

Кай поставил локти на стол и опустил голову, так что капюшон скрыл от Золы его глаза. Он взял какой-то винт и стал вертеть в пальцах.

— Ты хотя бы будешь смотреть коронацию?

Она поколебалась перед тем, как пожать плечами.

— Конечно, буду.

Кивнув, Кай поскреб кончиком винта под ногтем большого пальца, хотя Зола не видела там никакой грязи.

— Я должен сделать объявление сегодня вечером. О мирных переговорах, которые мы вели на прошлой неделе. Этого не будет в записи из-за этой смешной политики Леваны, что «никаких камер», но я хотел, чтобы ты знала.

Зола застыла:

— Вы достигли каких-то успехов?

— Я думаю, можно сказать и так. — Он посмотрел на нее, но не смог задержать взгляд, и вскоре он уже глядел мимо нее, на все эти запчасти. — Я знаю, это глупо, но какая-то часть меня верила, что если я смогу убедить тебя сегодня пойти со мной на бал, то, может быть, все еще могло бы измениться. Это глупо, знаю. Не то чтобы Левану волновало, испытываю ли я к кому-нибудь — ну, знаешь — подлинные чувства… — Он снова вытянул шею, бросив винт обратно в кучу.

У Золы все тело вспыхнуло от его слов, но она сглотнула и отогнала головокружение, напомнив себе, что сегодня видит его в последний раз.

— Ты имеешь в виду… — Слова испарились. Голос упал. — Но как же Наинси? И то, что она узнала?

Кай сунул руки в карманы. Тревожный взгляд исчез.

— Слишком поздно. Даже если бы я мог найти ее. Это не

может произойти сегодня или хотя бы раньше, чем… И еще противоядие, и я… И мы просто не можем ждать. Слишком многие умирают.

— Доктор Эрланд ничего не узнал?

Кай медленно кивнул.

— Он уверен, что противоядие Леваны подлинное. Но они не могут воспроизвести его.

— Как так? Почему?

— Я думаю, один из ингредиентов можно найти только на Луне. Иронично, не правда ли? И тогда появился мальчик, который выздоровел на прошлой неделе, доктор Эрланд несколько дней проводил с ним исследования, но он очень скрытничает на эту тему. Он сказал, чтобы я не особенно надеялся, что мальчик может привести к каким-то новым открытиям. Он не сказал этого прямо, но… У меня появляется чувство, что доктор и сам теряет надежду найти противоядие в обозримом будущем. Кроме того, которое привезла Левана разве что. — Он поколебался, взгляд у него был затравленный. — Я просто не уверен, что смогу спокойно смотреть, как столькие умирают.

Зола опустила глаза:

— Мне так жаль. Если бы было что-то, что я могу сделать…

Кай оттолкнулся от стола и снова встал:

— Ты все еще думаешь бежать в Европу?

— О, на самом деле, да. В каком-то смысле. — Она сделала глубокий вдох. — Хочешь со мной?..

Он усмехнулся и откинул волосы с лица:

— Да. Ты что, шутишь? Это же лучшее предложение, какое я когда-нибудь получал.

Она улыбнулась ему, но улыбка была краткой. Один блаженный миг, чтобы представить, притвориться…

— Мне пора возвращаться, — сказал он, глядя вниз на плоскую золотую коробку. Зола чуть было не забыла о ней. Он подтолкнул коробку через стол, сбив по пути аккуратную кучку винтов.

— Нет. Я не могу…

— Конечно, можешь. — Он пожал плечами, как бы смущаясь, что добавляло ему какого-то странного очарования. — Я думал, это на бал, но… что ж, когда будет возможность, я думаю.

Любопытство кипело в ней, но она заставила себя толкнуть коробку обратно.

— Нет, пожалуйста.

Он с силой положил свою руку на ее — она могла ощущать жар его ладони даже сквозь толстую перчатку.

— Возьми это, — сказал он с фирменной улыбкой принца, как будто ему было абсолютно все равно, — и думай обо мне.

— Зола, вот, держи.

Зола подскочила, услышав голос Перл, и вырвала руку из руки Кая. Перл смахнула со стола стопки винтов и запчастей, заставив их разлететься по полу, затем положила на их место груду обернутых в бумагу коробок.

— Убери их куда-нибудь подальше, чтобы не украли, — сказала она, неопределенно указывая в глубь ларька. — В какое-нибудь чистое место, если такое здесь вообще есть.

С колотящимся сердцем Зола пододвинула к себе несколько коробок. Мысли перескочили на отсутствующую лодыжку, на то, как она сейчас будет скакать с коробками на одной ноге и не будет никакого способа скрыть свой недостаток.

— Что, ни «пожалуйста», ни «спасибо»?

Зола дернулась, жалея, что Кай не ушел еще до того, как появилась Перл и разрушила последние мгновения их последней встречи.

Перл вскинулась. Она отбросила длинные волосы через плечо, обернувшись к принцу с потемневшими глазами:

— А вы кто такой, чтобы…

Слова испарились. Губы изогнулись от удивления:

— Ваше высочество?..

Кай сунул руки в карманы и посмотрел на нее с плохо завуалированным презрением.

Зола вцепилась пальцами в шпагат, которым были перевязаны коробки.

— Ваше высочество, пожалуйста, познакомьтесь с моей сводной сестрой, Линь Перл.

У Перл приоткрылись губы и отвисла челюсть, когда принц коротко поклонился.

— Приятно, — сказал он слишком резким тоном.

Зола откашлялась.

— Еще раз благодарю за щедрую оплату, ваше высочество. И, ну, удачи на коронации.

Взгляд Кая смягчился, когда он перевел глаза с Перл на нее. Уголки губ изогнулись заговорщически, словно намекая на какую-то общую тайну — слишком явно, чтобы Перл могла не заметить.

— Тогда, я думаю, мы прощаемся. Моя просьба остается в силе — на случай, если вы перемените свое решение.

К облегчению Золы, он не стал уточнять, просто развернулся и исчез в толпе.

Перл проводила его взглядом. Зола тоже хотела бы, но вместо

этого заставила себя посмотреть на стопку коробок.

— Да, конечно, — сказала она, словно принц и не прерывал их. — Я просто поставлю их вот сюда, на полку.

Перл хлопнула ладонью по коробке Золы, заставляя ее замолчать.

— Это был принц, — сказала она, широко раскрыв глаза, полные недоверия.

Зола ответила с притворным равнодушием:

— Я починила одного из королевских андроидов на прошлой неделе. Он просто приходил заплатить.

Между бровей Перл залегла складка. Губы сжались. Ее подозрительный взгляд упал на плоскую золотую коробку, которую оставил Кай. Недолго думая, она схватила ее.

Зола ахнула и рванулась к коробке, но Перл протанцевала по ларьку и оказалась вне досягаемости. Зола поставила колено на стол, готовая перепрыгнуть через него — и осознала, какой катастрофой это закончится. С участившимся пульсом она замерла и смотрела, как Перл срывает бант и позволяет ему упасть на пыльную землю, как она рвет золотую обертку. Внутри оказалась простая, белая, неподписанная коробка. Она подняла крышку.

Зола вытянула шею, когда Перл заглянула внутрь. Ей были видны только изгибы папиросной бумаги и что-то белое шелковое. Она вглядывалась в лицо Перл, пытаясь угадать по ее реакции, но видела там только замешательство.

— Это что, шутка?

Ничего не сказав, Зола медленно попятилась, убрав колено со стола.

Перл наклонила коробку так, чтобы Зола могла увидеть, что в ней. Внутри лежали перчатки — лучшие из всех, какие она могла себе представить. Из чистого шелка, с серебристо-белым блеском. Они были достаточно длинными, чтобы скрыть ее локти, а зерна жемчуга по краям добавляли простой элегантный штрих. Они подошли бы принцессе.

Да, это и впрямь выглядело как шутка.

Перл взорвалась пронзительным смехом:

— Он не знает, верно? Ничего не знает о твоих… О тебе.

Она вцепилась в перчатки, вынимая их из папиросной бумаги, и позволила коробке упасть и покатиться по улице.

— И как ты думаешь, что должно было произойти? — Она помахала перчатками перед Золой, пустые пальцы беспомощно болтались. — Ты что, вообразила, что на самом деле можешь понравиться принцу? Что ты можешь пойти на бал и танцевать с ним в своих новеньких перчатках и этом? — Она окинула

взглядом одежду Золы, грязные рабочие штаны, заляпанную маслом футболку, пояс с инструментами вокруг талии, и снова засмеялась.

— Конечно, нет, — сказал Зола. — Я не собираюсь на бал.

— Тогда зачем киборгу это?

— Я не знаю. Я не… Он просто…

— Может быть, ты думала, что это не имеет значения, — сказала Перл, цокнув языком. — Да неужели? Может, ты думала, что принц — нет, император — станет смотреть на тебя со всеми твоими… недостатками?

Зола сжала пальцы, стараясь не обращать внимания на слова, больно ранящие ее.

— Он просто клиент.

Насмешливый огонек в глазах Перл погас.

— Нет. Он принц. И если бы он знал правду, он не удостоил бы тебя даже беглого взгляда.

— Примерно такого, какого он удостоил тебя?..

Она пожалела, что не удержала язык за зубами в тот самый момент, как слова были сказаны, но выражение лица Перл почти стоило того.

До того момента, как та швырнула перчатки на землю, а потом схватила со стола ящик с инструментами и опрокинула его содержимое на них. Зола вскрикнула, когда раздался грохот и болты и гайки раскатились до середины дороги. Толпа остановилась поглазеть на них и на беспорядок.

Перл повернулась к Золе, вздернув нос. Ее губы слегка изогнулись.

— Советую убраться до того, как фестиваль закончится. Сегодня вечером мне потребуется твоя помощь. В конце концов, я приглашена на королевский бал.

Провода Золы все еще гудели, когда Перл подхватила коробки с покупками и зашагала прочь, но она, не теряя времени, перепрыгнула через стол и сгорбилась рядом с опрокинутым ящиком. Она перевернула ящик, но не обратила внимания на раскатившиеся шурупы и инструменты, вместо этого она потянулась к перчаткам на дне кучи.

Они были покрыты пылью и грязью, но ее сердце заставило сжаться не это, а крохотные масляные пятна. Зола разложила перчатки на коленях и попыталась разгладить складки, только размазывая масло. Они были прекрасны. Это была самая красивая вещь, которой она когда-либо обладала.

Но если она что и узнала за годы работы механиком, так это то, что некоторые пятна так и не выводятся — никогда.

Глава 31

Это был долгий путь домой. Адри и Перл покинули рынок без нее, чтобы подготовиться к балу, и сначала Зола почувствовала облегчение, но через милю ходьбы на временных костылях, которые врезались в подмышки, с сумкой, стучащей по бедру, она уже проклинала мачеху за каждый свой хромой шаг.

Не то чтобы Зола слишком спешила домой. Она не могла себе представить, в каких таких приготовлениях к балу Адри и Перл может понадобиться ее помощь, но она была уверена, что они найдут, как ее помучить. Еще один вечер рабства. Еще один вечер.

Слова заставляли ее двигаться вперед.

Когда она наконец дошла до квартиры, в коридорах стояла жутковатая тишина. Все были либо на фестивале, либо заняты приготовлениями к балу. Крики, которые обычно доносились из-за дверей, сегодня сменились девчачьим смехом.

Зола зажала костыли под мышкой, и так нещадно болевшей, и добралась до квартиры, опираясь о стену.

Когда она вошла, квартира показалась пустой, но она слышала, как скрипят полы — это Адри и Перл ходили где-то в своих спальнях. Надеясь, что сможет провести вечер, не видя ни одну из них, Зола зашла в свою комнату и закрыла дверь. Она уже собиралась начать тщательно упаковывать вещи, когда кто-то постучал в дверь.

Вздохнув, она открыла ее. В коридоре стояла Перл, на ней было золотое шелковое платье, усеянное жемчужинами, с глубоким вырезом, как и просила Адри.

— Не могла идти помедленнее? — спросила она. — Мы выходим, как только закончится коронация.

— Ну, я уверена, что могла бы вернуться и раньше, если бы кто-то не стащил мою стопу.

Перл быстро на нее взглянула, затем отступила в коридор и сделала там пол-оборота, так что юбка взметнулась, обнажив лодыжки.

— Как ты думаешь, Зола? Заметит меня принц в этом?

Зола едва сдерживалась, чтобы не вцепиться в платье грязными руками. Вместо этого она сняла рабочие перчатки и засунула их в задний карман.

— Тебе что-то нужно?

— На самом деле, да. Я хотела спросить твоего совета. — Перл приподняла юбку, демонстрируя крошечные ножки, обутые в туфли от разных пар. На левой ноге красовалась бархатная

балетка цвета свежего молока, с кружевом до лодыжки. На правой — золотистая сандалия, привязанная блестящими лентами со стразами в форме сердечек. — Учитывая, что ты так близка к принцу, я думала спросить, как считаешь, он бы предпочел золотые или белые?

Зола сделал вид, что задумалась.

— Белые полнят.

Перл ухмыльнулась.

— Это металлическое покрытие полнит твою ногу. Ты просто завидуешь, что у меня такие прекрасные ноги. — Она вздохнула с притворным сочувствием. — Какой кошмар… тебе никогда не узнать, какое это удовольствие.

— Ужасно рада, что ты обнаружила в себе хоть что-то прекрасное.

Перл тряхнула волосами с самодовольной улыбкой на лице. Она знала, что слова Золы безосновательны, а Зола почувствовала раздражение, когда слабый укол не принес ей никакого удовольствия.

— Я репетировала свой разговор с принцем, — сказала Перл. — Разумеется, я расскажу ему все. — Она качнулась, и на юбке заиграл свет. — Во-первых, я расскажу ему о твоих уродливых конечностях и как с тобой стыдно находиться рядом — и в какое отвратительное существо ты из-за этого превратилась. И я собираюсь убедиться, что он поймет, насколько я лучше.

Зола прислонилась к дверному косяку.

— Как жаль, что я не знала о твоей слабости чуть раньше. Знаешь, до того как твоя сестра умерла, я взяла с принца обещание, что он будет танцевать с Пионой. Я могла бы попросить о том же и для тебя, но, боюсь, сейчас уже слишком поздно. Какой кошмар.

Лицо Перл вспыхнуло.

— Ты не смеешь даже произносить ее имя, — сказала она резким шепотом.

Зола моргнула:

— Пиона?

Детское злорадство ушло из глаз Перл, в них вспыхнул настоящий гнев.

— Я знаю, что ты убила ее. Все знают, что это твоя вина.

Зола уставилась на нее, потрясенная резким переходом от незрелого хвастовства.

— Это неправда. Я никогда не была больна.

— Это твоя вина, что она оказалась на свалке. Вот где она заразилась.

У Золы отвисла челюсть. Она так и стояла с открытым ртом.

— Если бы не ты, она бы пошла сегодня на бал, так что не пытайся сделать вид, что оказала ей какую-то услугу. Самое лучшее, что ты могла бы сделать для Пионы, оставить ее в покое. Тогда, возможно, она все еще была бы здесь. — Слезы заблестели в глазах Перл. — А ты пытаешься делать вид, что переживала за нее, как будто она твоя сестра, и это нечестно. А сама… встречалась с принцем, старалась привлечь его внимание, хотя знала, как она к нему относилась. Это мерзко.

Зола сложила руки, защищаясь.

— Я знаю, ты не веришь, но я действительно любила Пиону. Я люблю ее.

Перл громко шмыгнула носом, словно останавливая рыдания, готовые накрыть ее.

— Ты права. Я не верю тебе. Ты лгунья и воровка, и тебе ни до кого нет дела, кроме себя. — Она замолчала. — И я собираюсь убедиться, что принц об этом знает.

Дверь в спальню Адри открылась, и та вышла из нее в белом с пурпурным кимоно, расшитым элегантными журавлями.

— О чем вы обе опять лаетесь? Перл, ты готова идти? — Она оглядела Перл наметанным глазом, пытаясь определить, нужны ли еще какие-нибудь доработки.

— Поверить не могу, что вы идете, — сказала Зола. — Что скажут люди, если вы все еще в трауре? — Она знала, что на эту кнопку не стоит нажимать, это было несправедливо, она слышала их плач сквозь тонкие стены, но сейчас у нее не было настроения быть справедливой. Даже если бы у нее был выбор, она бы не пошла. Не без Пионы.

Адри устремила на нее холодный взгляд, сжав губы.

— Коронация начинается, — сказала она. — Иди и вымой хувер. Я хочу, чтобы он выглядел как новый.

Радуясь, что не придется сидеть с ними во время коронации, Зола без возражений схватила свои костыли и направилась обратно к двери.

Еще один вечер.

Она подключилась к сети, как только дошла до лифтов, и в углу зрения появилась трансляция с коронации. Еще шла предварительная церемония. Во дворец входила процессия официальных лиц, омываемая волнами журналистов и камер.

Зола взяла в кладовке ведро и мыло и заковыляла к гаражу, вполуха слушая, как диктор объясняет символическое значение разных элементов коронации. Вышивка на одежде Кая, гербы, которые были подняты, когда он приносил свои клятвы, количество ударов в гонг, когда он взошел на помост, все эти

традиции, которые существовали веками и были заимствованы из разных культур, принадлежащих народам, которые вошли в Содружество.

Новости постоянно переключались на фестиваль, промелькнули случайно отснятые кадры — принц Кай на фестивале, во время приготовлений, и только эти кадры отвлекли внимание Золы от ведра мыльной воды. Она не могла не представлять, как она сейчас была бы с ним, во дворце, а не в холодном гараже. Как он пожимает руки каким-то представителям. Как он приветствует толпу. Как он старается улучить минутку, чтобы переговорить со своим советником с глазу на глаз. Как он улыбается ей, радуясь, что она здесь, рядом с ним.

Эти случайные кадры скорее успокоили, чем ранили ее сердце. Они напомнили, что в мире происходят куда более значимые события, и ее стремлению к свободе, насмешкам Перл, капризам Адри и даже его флирту с ней нет места в этой огромной картине.

Восточное Содружество короновало своего нового императора. Сегодня на это смотрел весь мир.

В одеждах Кая смешались древние и новые традиции. Горлицы, вышитые по мандариновому воротнику, символизировали мир и любовь. На плечи был накинут плащ цвета ночного неба с шестью серебряными звездами, означавшими мир и единство шести земных держав, и двенадцатью хризантемами, означавшими двенадцать стран, входивших в восточный союз, и то, какое их ждет процветание при новом императоре.

Советник стоял рядом с Каем на платформе. В первых рядах были представители каждой ветви власти от каждой провинции. Но взгляд Золы все время возвращался к Каю, как будто он притягивал ее как магнит, снова и снова.

Затем к присутствующим присоединилась небольшая группа — они заняли свои места последними. Это была королева Левана в сопровождении двух магов. Королева была в тонкой белой вуали, скрывавшей ее до локтей, прятавшей ее лицо и делавшей похожей скорее на привидение, чем на королевского гостя.

Зола вздрогнула. Она не думала, что до этого лунатики когда-либо присутствовали на коронации императора Восточного Содружества. Вместо того чтобы наполнить ее надеждой на будущее, это зрелище скорее вселяло беспокойство. Потому что надменное поведение Леваны словно говорило, что она тут больше к месту, чем любой землянин. Словно это ее вот-вот коронуют.

Королева и ее окружение заняли свои места в первом ряду. Сидевшие рядом попытались скрыть — впрочем, безуспешно — свое неудовольствие от необходимости находиться так близко от нее.

Зола вытащила мокрую тряпку из ведра и принялась за работу, натирая хувер Адри до блеска.

Коронация началась громом барабанов.

Принц Кай опустился на колени на покрытых шелком подмостках, и мимо него прошла вереница мужчин и женщин, каждый в этой процессии повязывал ему на шею ленту, медальон или кулон с драгоценным камнем. Все они символизировали что-то — долгую жизнь, мудрость, доброту сердца, щедрость, терпение, радость. Когда все ожерелья были на нем, камера показала лицо Кая крупным планом. Он казался неожиданно спокойным. Он опустил глаза, но голову держал высоко.

В соответствии с традициями, вести коронацию должен был один из правителей другого земного государства — чтобы показать, что прочие правители признают право нового императора на власть. На эту роль был выбран премьер-министр Европейской Федерации Бромстад, высокий широкоплечий блондин. Золе всегда казалось, что он больше похож на фермера, чем на политика. Он держал старый бумажный свиток, в котором были перечислены все обещания, которые Кай дает людям, принимая роль императора.

Взяв свиток обеими руками, премьер-министр стал читать текст клятв, а Кай повторял за ним.

— Я торжественно клянусь управлять народами Восточного Содружества в соответствии с законами и обычаями, установленными поколениями правителей, — декламировал он. — Я буду использовать власть, дарованную мне, чтобы служить на благо справедливости, быть милосердным, соблюдать неотъемлемые права всех народов, уважать мир между всеми нациями, управлять с добротой и терпением и стремиться к мудрости и совету своих коллег и братьев. Все это я обещаю делать сегодня и в течение всех дней своего правления перед всеми свидетелями на Земле и на небесах.

Сердце Золы разрасталось в груди, пока она мыла капот. Она никогда еще не видела Кая ни таким серьезным, ни таким красивым. Она немного боялась за него, зная, как он должен нервничать, но сейчас он не был принцем, который принес ей сломанного андроида на рынок или почти поцеловал ее в лифте.

Он был ее императором.

Премьер-министр Бромстад поднял подбородок.

— Я провозглашаю вас Императором Восточного Содружества

Кайто. Слава Его Императорскому Величеству!

Толпа взорвалась возгласами и начала скандировать «Да здравствует император!», когда Кай повернулся лицом к людям.

Невозможно было понять, был ли он счастлив своему новому высокому статусу. Его губы ничего не выражали, взгляд был спокоен, когда он стоял на помосте, а вокруг него шумело море аплодисментов.

Это продолжалось довольно долго — его спокойствие против смерча восторгов и приветствий, затем на помост внесли трибуну для первого обращения императора. Толпа стихла.

Зола облила хувер водой.

Кай на миг застыл без всякого выражения, глядя на край платформы, сжав пальцами края трибуны.

— Это большая честь для меня, — начал он, — что день коронации совпадает с нашим самым почитаемым праздником. Сто двадцать шесть лет назад ужас и катастрофа, имя которым Четвертая мировая война, закончились, и родилось Восточное Содружество. Оно родилось из объединения многих народов, многих культур, многих идеалов. Его упрочила вера в то, что вместе, как единый народ, мы сильны. Что мы можем любить друг друга, невзирая на различия. Помогать друг другу, невзирая на собственные слабости. Мы выбрали мир, а не войну. Жизнь, а не смерть. Мы вверили корону одному человеку — тому, кто будет нашим сувереном, будет указывать своему народу путь и поддерживать его, не править своим народом, но служить ему. — Он остановился.

Зола отвлеклась от экрана в углу поля зрения — ровно настолько, чтобы быстро осмотреть хувер. Было слишком темно, чтобы понять, хорошо ли она справилась с задачей, но Зола утратила интерес к совершенству.

Она спокойно уронила мокрую тряпку в ведро и села у бетонной стены за рядами припаркованных хуверов, сосредоточив все внимание на крошечном экране.

— Я прапраправнук первого императора Содружества, — продолжал Кай. — С тех пор наш мир изменился. Мы продолжаем сталкиваться с новыми проблемами, новыми страданиями. Хотя за минувшие сто двадцать шесть лет на Земле не было сражений между людьми, сейчас мы ведем новую битву. Мой отец вел войну против летумозиса, болезни, бушующей на нашей планете больше десяти лет. Она привела к нашим порогам страдания и смерти. Люди Содружества, а также все наши земные братья потеряли своих друзей, родственников, близких, соседей. И эти потери, в свою очередь, приводят к ухудшению торговли и коммерции, к экономическому спаду, ухудшению условий жизни.

Кто-то погиб от голода, потому что стало недостаточно фермеров, возделывающих землю. Кто-то умер от холода, потому что мы сократили поставку энергии. Это война, которую мы сейчас ведем все вместе. Это война, которую так желал прекратить мой отец, и теперь я обязуюсь принять эстафету. Вместе мы найдем лекарство от болезни. Мы победим ее. И возродим нашу страну в ее былом великолепии.

Зрители аплодировали, но Кай не проявлял никаких признаков радости. Его речь звучала мрачно.

— Было бы наивно с моей стороны, — сказал он, когда зрители успокоились, — не упомянуть еще об одном конфликте, не менее опасном.

Толпа зашумела. Зола откинула голову, привалившись спиной к холодной стене.

— Как, я уверен, всем вам известно, отношения между союзными государствами Земли и Луны оставались напряженными на протяжении многих поколений. Как, я уверен, вам также известно, повелитель Луны, Ее Величество королева Левана, почтила нас своим присутствием в конце прошлой недели. Она — первый лунный правитель, ступивший на Землю на протяжении целого столетия, и ее присутствие означает надежду, что близится время настоящего мира между нами.

Изображение сменилось — экран показал королеву Левану в первом ряду. Ее молочно-белые руки были скромно сложены на коленях, словно она смиренно приняла прозвучавшее заявление. Зола была уверена, что она никого не одурачила.

— Мой отец провел последние годы своей жизни, обсуждая с Ее Величеством возможность заключения альянса. Он не дожил и не увидел плодов этих обсуждений, но я с уверенностью заявляю, что продолжу его дело. Это правда, что были препятствия на пути к миру. Что нелегко было найти точки соприкосновения с Луной, отыскать решение, которое удовлетворило бы обе стороны. Но я не теряю надежды, что такое решение может быть найдено. — Он сделал глубокий вдох, затем помедлил приоткрыв рот. Его взгляд упал на подиум. Пальцы сжались по краям трибуны.

Зола наклонилась вперед, как будто она могла увидеть принца поближе, пока он старался подобрать следующие слова.

— Я… — Он снова помолчал, собрался с силами и сфокусировал взгляд на какой-то далекой невидимой точке. — Я сделаю все, что потребуется для обеспечения благосостояния моей страны. Я сделаю все, что потребуется сделать для обеспечения безопасности. Я обещаю.

Он разжал пальцы и ушел прежде, чем толпа могла начать аплодировать по-настоящему, провожаемый сдержанными

вежливыми хлопками.

У Золы зашлось сердце, когда она увидела еще нескольких лунатиков в первом ряду. Вуаль, может, и могла скрыть тщеславное лицо королевы, но самодовольные ухмылки ее спутников не вызывали сомнений. Они верили, что победили.

Глава 32

Зола выждала полчаса, прежде чем захромать обратно к лифтам. Дом снова ожил. Она жалась к стене, держа за спиной костыли, а мимо дефилировали жильцы в нарядных одеждах. Она заметила несколько сочувствующих взглядов, обращенных на нее, пока пробиралась вдоль стены, стараясь не испачкать чье-нибудь красивое платье, но большинство просто игнорировало ее.

Добравшись до квартиры, она захлопнула за собой дверь и прислушалась к благословенной тишине пустой гостиной. Она мысленно пробежалась по списку всего, что собиралась взять с собой, зеленый текст прокручивался перед глазами. У себя в комнате Зола расстелила одеяло и наполнила его немногочисленными вещами — промасленной одеждой, инструментами, которым не суждено было вернуться в ящик, маленькими глупыми подарками, которые Ико дарила ей годами — например, «золотое кольцо», которое на самом деле было ржавой шайбой.

И чип личности Ико, и ID-чип Пионы были надежно спрятаны в голени — до тех пор, пока для них не найдется более подходящего, постоянного пристанища.

Она закрыла глаза, вдруг ощутив усталость. Ну, почему сейчас, когда свобода так близко и уже видна на горизонте, ей хочется просто лечь и уснуть? Казалось, ее догнали все бессонные ночи, в которые она чинила автомобиль.

Стряхивая это чувство, она покончила с упаковкой так быстро, как могла, стараясь не думать, как она рискует. На этот раз она действительно будет беглым киборгом. Если ее когда-нибудь поймают, Адри сможет посадить ее в тюрьму.

Она заставляла руки двигаться, стараясь не думать об Ико, которая должна была быть рядом с ней. О Пионе, которая должна была заставить ее захотеть остаться. О принце Кае.

Об императоре Кае.

Она никогда не увидит его снова.

Она сердито связала узлом концы одеяла. Она слишком много думает. А нужно просто уйти. Еще шаг — и скоро она окажется в машине, и все это останется позади. Взвалив импровизированный мешок на плечо, она заковыляла обратно в коридор и вниз, лабиринт подвальных складских помещений. Дохромав до своей каморки, она уронила мешок на пол.

Она остановилась лишь на мгновение, чтобы отдышаться перед тем, как продолжить сборы, открыла ящик с инструментами и смахнула в него все, что было на столе. Позже у

нее будет время разобраться. Шкаф с инструментами доходил ей почти до груди и был слишком велик, чтобы поместиться в автомобиль, его придется оставить. Да и в любом случае, автомобиль такого груза просто не выдержит.

Она оглядела комнату, где проводила большую часть времени последние пять лет. Именно это место больше всего напоминало ей дом, сколько она себя помнила, — несмотря на проволочную сетку, которая создавала ощущение, что ты в клетке, несмотря на коробки и ящики, которые пахли плесенью. И она не думала, что будет особо скучать.

Мятое бальное платье Пионы все еще висело на сварочном аппарате. Его, как и шкаф с инструментами, она с собой не возьмет.

Она перебралась к высоким стальным стеллажам у дальней стены и принялась рыться в поисках запчастей, которые могли пригодиться для автомобиля или даже ее собственного тела, если что-нибудь выйдет из строя, скидывая все ненужные железяки в кучу на полу. И тут Зола замерла, нащупав то, что не ожидала увидеть когда-либо снова.

Маленькую изношенную стопу одиннадцатилетнего киборга.

Она взяла ее с полки, куда ее явно убрали с глаз долой. Значит, Ико решила ее сохранить, даже когда Зола сказала ее выбросить.

Может быть, для Ико это было самое похожее на обувь из всего, чем она когда-либо обладала. Зола прижала стопу к сердцу. Как же она ненавидела эту стопу! Как безгранично рада была ее сейчас видеть!

С иронической улыбкой она в последний раз упала в рабочее кресло. Стянув перчатки, вгляделась в левое запястье, пытаясь представить прямо под кожей маленький чип. Снова вспомнилась Пиона. Голубые пальцы. Скальпель, разрезающий бледную белую кожу.

Зола закрыла глаза, отгоняя воспоминание. Она должна была это сделать.

Она потянулась за ножом на углу стола, его лезвие отмокало в консервной банке, наполненной алкоголем. Она отряхнула его, глубоко вздохнула и положила искусственную ладонь на стол. Она вспомнила, что на голограмме доктора Эрланда чип находился менее чем в дюйме от того места, где кожа переходила в металл. Настоящее испытание — это извлечь его так, чтобы случайно не перерезать какие-нибудь важные провода.

Заставив ум успокоиться и руку перестать дрожать, она вдавила лезвие в запястье. Боль пронзила ее, но она не вздрогнула. Спокойно. Спокойно.

Вздрогнуть ее заставил звуковой сигнал. Зола подскочила, выдернув лезвие из запястья и развернувшись лицом к стеллажам. Сердце колотилось о ребра, когда она осматривала все эти инструменты и запчасти, которые собиралась оставить.

Звуковой сигнал раздался снова. Взгляд Золы упал на старый нетскрин, по-прежнему прислоненный к стеллажам. Она знала, что он отключен от сети, и все же в углу мигал синий квадрат. Еще один сигнал.

Положив нож, Зола выскользнула из кресла и встала на колени пред экраном.

В синем квадрате была надпись:

ЗАПРОС ПРЯМОЙ СВЯЗИ ОТ НЕИЗВЕСТНОГО ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ. ПРИНЯТЬ?

Склонив голову, она увидела, что чип прямой связи все еще вставлен в дисковод нетскрина. Рядом мигал маленький зеленый огонек. В тени экрана чип выглядел так же, как и любой другой, но Зола вспомнила, что говорил Кай о мерцающем серебристом материале. Это лунный чип.

Она схватила грязную тряпку из кучи хлама и прижала ее к кровоточащей ране.

— Экран, принять запрос.

Звуковой сигнал прекратился. Синий квадрат исчез. На экране появилась вращающаяся спираль.

— Алло?

Зола подпрыгнула:

— Алло, алло, алло, здесь есть кто-нибудь?

Невидимый собеседник, казалось, на грани срыва.

— Пожалуйста, ну, пожалуйста, ответьте, кто-нибудь. Где этот глупый андроид? АЛЛО?

— Алло-о?.. — Зола наклонилась к экрану.

Девушка на том конце задохнулась, последовала короткая тишина.

— Алло? Вы слышите меня? Есть кто-нибудь…

— Да, я слышу вас. Оставайтесь на связи, какие-то проблемы с видеокабелем.

— О, слава небесам, — сказал голос, когда Зола сдернула с экрана скрывавшее его тряпье. Она положила экран лицом вниз на бетонный пол и открыла панель управления. — Я думала, может быть, с чипом что-то случилась, или я присвоила ему неверный ID связи, или еще что-то. Вы сейчас во дворце?

Зола нашла штекер видеокабеля — он был выдернут из гнезда; наверное, выпал, когда Адри сбила экран со стены. Зола подкрутила его, и пол залил голубой свет.

— Готово, — сказала она, ставя экран прямо. — Вот и я.

Она отпрянула, увидев девушку на экране. Она была примерно ровесницей Золы, и у нее были самые длинные, самые кудрявые, самые спутанные светлые волосы, какие только можно себе вообразить. Золотистое гнездо на голове было стянуто в пучок и спадало на плечо каскадом кос, косичек и спутанных прядей, обернутых вокруг руки девушки и исчезавших где-то за рамкой экрана. Девушка теребила волосы, то наматывая прядки на пальцы, то разматывая.

Если бы не дикий беспорядок на голове, ее можно было бы назвать красивой. У нее было лицо в форме сердца, огромные небесно-голубые глаза и россыпь веснушек на носу.

Она как-то совсем не походила на то, что Зола ожидала увидеть.

Девушка точно с таким же удивлением смотрела на Золу, ее искусственную руку и грязную футболку.

— Ты кто? — спросила девушка. Ее глаза смотрели Золе за спину, на проволочную сетку и скудное освещение. — Почему ты не во дворце?

— Меня не пустили, — ответила Зола. Она покосилась на комнату за девушкой — интересно, она заглядывает в дом на Луне?.. Впрочем, то, что она увидела, вообще не было похоже на дом. Девушку окружали металлические стены, какие-то приборы, экраны и компьютеры, и больше панелей управления, кнопок и лампочек, чем в кабине грузового корабля.

Зола скрестила ноги, устраиваясь поудобнее, закинула голень без стопы на бедро здоровой ноги.

— Ты лунатик?

Девушка быстро моргнула, и Зола поняла, что вопрос застал ее врасплох. Вместо ответа она наклонилась вперед.

— Мне нужно поговорить с кем-то во дворце Нового Пекина. Прямо сейчас.

— Тогда почему ты не отправишь сообщение на доску объявлений дворца?

— Я не могу! — Крик девушки прозвучал так неожиданно, так отчаянно, что Зола чуть не упала. — У меня нет глобальных чипов связи. Этот чип — единственный, который мне удалось спустить на Землю!

— Значит, ты лунатик.

Глаза девушки расширились почти до идеальных окружностей.

— Это не…

— Кто ты? — спросила Зола, повысив голос. — Ты работаешь на королеву? Это ты установила чип в андроида? Это ведь ты, скажешь, нет?

Брови девушки сдвинулись, но она выглядела не раздраженной потоком вопросов, а скорее напуганной. И даже пристыженной.

Зола сжала зубы, чтобы удержаться от новых вопросов. И медленно вдохнула, прежде чем задать еще один:

— Ты лунный шпион?

— Нет! Конечно, нет! Я имею в виду… ну… в каком-то смысле.

— В каком-то смысле? Что ты имеешь в виду…

— Пожалуйста, послушай меня! — Девушка сжала руки, как будто вела какую-то внутреннюю борьбу. — Да, я запрограммировала чип и работаю на королеву, но это не то, что ты думаешь. Я запрограммировала все оборудование, с помощью которого Левана шпионила за императором Риканом в последние месяцы. Но у меня не было выбора. Госпожа убьет меня, если… звезды всевышние, да она убьет меня, когда узнает об этом.

— Какая еще госпожа? Королева Левана, ты имеешь в виду?

Девушка плотно сжала веки, ее лицо исказилось, как от боли. Когда она снова открыла глаза, они блестели.

— Нет. Госпожа Сибил. Она придворный маг королевы и… мой опекун.

У Золы в голове щелкнуло — Кай подозревал, что придворный маг вставила чип в Наинси.

— Хотя на самом деле она больше похожа на рабовладельца, — продолжала девушка. — А я для нее просто раб… — Она икнула на последнем слове и разрыдалась, уткнувшись лицом в пучок волос. — Прости. Прости. Я злая, ничтожная, жалкая девчонка.

У Золы от сочувствия сжалось сердце — она и сама была немногим лучше раба для своего опекуна, но не могла припомнить, чтобы боялась, что Адри на самом деле может ее убить. Ну, кроме того раза с исследованиями чумы.

Она сжала зубы, напоминая себе, что эта девушка — лунатик. Она помогала королеве Леване шпионить за императором Риканом и Каем. Она даже подумала на краткий миг — может, девушка сейчас просто манипулирует ее эмоциями, но потом вспомнила, что лунатики не могут управлять людьми через нетскрины.

Сдув упавшие на лицо волосы, Зола наклонилась вперед и закричала:

— Хватит! Перестань реветь!

Плач прекратился. Девушка посмотрела на нее большими глазами, полными слез.

— Почему ты пыталась связаться с дворцом?

Девушка отшатнулась и всхлипнула, но, казалось, слезы из нее уже вытекли.

— Мне нужно передать сообщение императору Каю. Он в опасности. И все земляне… Королева Левана… И это все моя вина. Если бы только я была сильнее, если бы я пыталась сопротивляться, этого не случилось бы. Это все моя вина.

— Звезды всевышние, прекратишь ты плакать или нет? — сказала Зола прежде, чем девчонка снова впала в истерику. — Возьми себя в руки. Что ты имеешь в виду, говоря, что Кай в опасности? Что ты сделала?

Девушка обняла себя, глядя на Золу умоляющими глазами, как будто только у нее могла получить прощение.

— Я королевский программист, я уже сказала. Я хорошо в этом разбираюсь — как взломать сети, защищенные системы и все такое, — сказала девушка дрожащим голосом, без намека на высокомерие. — Последние несколько лет госпожа просила меня подключаться из дворца Ее величества к ресурсам мировых лидеров Земли. Сначала это были просто переговоры при дворе, встречи, совещания, передача документов — ничего особенно интересного. Ее Величество не узнала ничего, кроме того, что император и так ей уже сказал, так что я подумала, большого вреда от этого не будет.

Девушка намотала свою золотистую копну на оба кулака сразу.

— Но потом госпожа сказала запрограммировать чип прямой связи, чтобы она могла вставить его в андроида и шпионить за императором за пределами сети. — Она подняла глаза на Золу. — Если бы это был любой другой андроид, она бы ничего не узнала. Но теперь она знает! И это все моя вина! — Она захныкала и потянула прядь волос в рот, как кляп.

— Подожди. — Зола подняла руку, пытаясь заставить девушку говорить помедленнее. — Что именно знает Левана?

Девушка вытащила волосы, и слезы снова побежали по ее щекам.

— Она знает все, что знал андроид, все о ее исследованиях. Она знает, что принцесса Селена жива и что принц — ой, извини — император Кай пытался ее найти и возвести на трон как истинную королеву.

У Золы от страха сжался желудок.

— Она знает имена врачей, которые помогли ей бежать, и этой несчастной старой женщины в Европейской Федерации, которая приютила ее так надолго… Ее Величество уже послала людей, чтобы выследить ее, используя информацию, которую нашел Кай. И когда они ее найдут…

— Но что она сделает Каю? — прервала ее Зола. — Левана уже победила. Кай сказал, что он собирается дать ей то, что она хочет, так какая теперь разница?

— Он попытался свергнуть ее! Вы не знаете королеву. Она помнит обиды. Она никогда не простит этого. Мне нужно, чтобы кто-то во дворце передал ему сообщение. Он должен знать, что это ловушка.

— Ловушка? Какая ловушка?

— Стать императрицей! Когда она придет к власти в Содружестве, она намерена использовать свою армию, чтобы объявить войну остальным странам. И она может это сделать, ее армия… эта армия… — Она вздрогнула, втянув голову, как будто кто-то сильно ударил ее.

Зола покачала головой:

— Кай не допустит этого.

— Это не имеет значения. Как только она станет императрицей, он будет ей больше не нужен.

Кровь застучала в ушах Золы.

— Ты думаешь… Но это же идиотизм — пытаться убить его. Все будут знать, что это она.

— Лунатики подозревают ее сразу в двух убийствах — королевы Ченнэри и принцессы Селены — и что они могут поделать? Они могут думать о восстании, но как только королева оказывается рядом, она опять промывает им мозги до полного повиновения.

Зола потерла пальцами лоб.

— Он собирался объявить об этом вечером на балу, — прошептала она, обращаясь сама к себе. — Он собирается объявить о своем намерении на ней жениться. — Сердце колотилось, мысли в мозгу кипели.

Левана знала о том, что он искал Селену. Она убьет его. Захватит власть в Содружестве. И объявит войну… всей планете.

Она схватилась за голову — казалось, мир вокруг нее переворачивается.

Она должна предупредить его. Она не может позволить ему сделать объявление.

Она могла бы послать ему сообщение, но каковы шансы, что он прочтет его на балу?

Бал.

Зола посмотрела вниз — на грязную одежду, на отсутствующую лодыжку.

Платье Пионы. Старая стопа, которую сберегла Ико. Шелковые перчатки.

Она кивнула прежде, чем успела понять, на что соглашается,

и схватилась за полки, помогая себе подняться.

— Я найду его.

— Возьмите чип, — сказала девушка на экране. — На случай, если нам нужно будет связаться друг с другом. И, пожалуйста, не говори обо мне. Если моя госпожа когда-нибудь узнает…

Не дожидаясь окончания фразы, зола выдернула чип из дисковода. Экран почернел.

Глава 33

Зола надела платье. Ей казалось, что шелк скользит по коже, как ядовитый плющ. Она смотрела вниз, на серебристый лиф, отделанный тонким кружевом, на пышную юбку, россыпь крошечных жемчужин, и ей хотелось раствориться и исчезнуть. Это не ее платье. В нем она чувствовала себя подкидышем, самозванкой.

Как ни странно, тот факт, что платье было измято и сморщено, как старческое лицо, придавал ей уверенности.

Она схватила старую стопу, маленькую, ржавую, ту самую, с которой проснулась после операции сбитой с толку, нелюбимой одиннадцатилетней девочкой. Она поклялась, что никогда не наденет ее снова, но сейчас эта стопа казалась ей драгоценностью, словно была сделана из хрусталя. И еще она была достаточно маленькой, чтобы поместиться в обувь Перл.

Зола упала в кресло и выхватила отвертку. Это была самая торопливая починка, которую она когда-либо делала, а стопа оказалась еще меньше и неудобней, чем она ее запомнила, но вскоре она снова была на обеих ногах.

Шелковые перчатки казались слишком хорошими, слишком тонкими, слишком непрочными, и ей было страшно, что они зацепятся за какой-нибудь плохо закрученный шуруп. По крайней мере, они тоже были в масляных пятнах, и это завершало унизительный образ.

Она была ходячей катастрофой и знала это. Счастье еще, если ее вообще пустят на бал.

Но об этом она подумает, когда доберется.

Лифт был пуст, когда она поднималась в гараж. Она бросилась к найденной на свалке машине, неловко ковыляя по бетонному полу и стараясь привыкнуть к слишком маленькой стопе и растянуть лодыжку. Она чувствовала, как непрочно крепится стопа. У нее не было времени подсоединять провода к нервной системе, так что она просто прикрутила ее к лодыжке, и теперь Золе казалось, что к ноге привязан муляж из папье-маше. Она старалась не обращать на это внимания, думая только о Кае и объявлении, которое он собирался сделать сегодня вечером.

Она дошла до темного угла в гараже, уже вспотев от напряжения, и знала, что будет еще хуже, когда она окажется снаружи, в постоянной влажности города. Перед ней стоял автомобиль, зажатый между двумя изящными хромированными хуверами. Кошмарный оранжевый окрас приглушался тусклым светом мерцающих гаражных ламп. Автомобиль был здесь не к

месту.

Она хорошо знала, каково это.

Она скользнула на водительское сиденье, и ее окутал запах старого мусора и плесени. По крайней мере, она заменила набивку сидений и прикрыла их старым одеялом, так что ей не приходилось беспокоиться, что она сидит прямо на крысином помете. И все же она могла только догадываться, какие пятна оставят на платье Пионы пол и обшивка автомобиля.

Затолкав мысли в глубь сознания, она потянулась под рулевую панель и вытащила провода зажигания, которые уже зачистила и обмотала изолентой.

Затаив дыхание, Зола соединила провода.

Ничего не произошло.

Капля пота скатились под коленкой. Она соединила их снова. И снова.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Из проводов вылетела искра, потом несчастно взревел двигатель.

— Да! — Она надавила на педаль газа, чувствуя, как все под ней бренчит и грохочет — двигатель набирал обороты.

Зола позволила себе только один крик облегчения, выжала педаль сцепления и сдвинула передачу с нулевой, повторяя про себя инструкцию, которую загрузила неделю назад и с тех пор изучала. Как водить.

Выехать из гаража оказалось самым сложным. Когда она уже оказалась на дороге, ее путь освещали солнечные фонари и свет, льющийся из окон квартир. Постоянно горящий в городе свет оказался настоящим спасением — фонари автомобиля были разбиты. Зола удивилась, сколько выбоин на дорогах, сколько появилось мусора и всякого барахла с тех пор, как хуверам перестали быть нужны посадочные полосы. Автомобиль ехал дергано и жестко, и все же Зола ощущала прилив мощи с каждым оборотом колеса, с каждым нажатием на акселератор, с каждым стуком переключателя скоростей, с каждым визгом резины.

Теплый ветер задувал в отсутствующе заднее стекло и трепал ее волосы. Облака добрались до города и угрожающе нависали над небоскребами, окутывая вечерний город серой пеленой. С другой стороны горизонт был все еще чист, и на небе горделиво висела девятая полная луна этого года. Идеальная сфера в почерневшем небе. Зловещее белое око, уставившееся прямо на Золу. Не обращая на него внимания, Зола надавила на акселератор, разгоняя автомобиль — и взлетая.

И они взлетели. Не плавно и изящно, как хувер, но с ревом и мощью гордого зверя. Она не смогла сдержать усмешку — она

сделала это. Это она вернула к жизни чудовище. И чудовище было у нее в долгу — и, казалось, знало это.

Она должна была сделать это, думала Зола, когда в поле зрения возник дворец, возвышаясь на своем изрезанном холме. Она уже была бы у края города. Набирая скорость. Наблюдая, как мимо проплывают огни. Стремясь к горизонту и не оглядываясь.

Брызги дождя ударили в потрескавшееся лобовое стекло.

Зола покрепче вцепилась в руль, начав разворот — теперь лобовое стекло смотрело на дворец. Ей не было нужды соревноваться с хуверами — она была самым последним гостем на балу. Дождь заливал автомобиль, размывая огни дворца, стучал по стеклу и металлу. Фар не было, и мир за лобовым стеклом тонул во мраке.

Зола надавила на тормоза.

Ничего не произошло.

Ее прошила паника, и она снова отчаянно нажала на тормоз. Сквозь бурю ей навстречу неслась тень. Зола вскрикнула и закрыла лицо руками.

Автомобиль столкнулся с вишневым деревом, и Золу подбросило от удара. Вокруг хрустел металл. Двигатель взревел и замер. Ремень безопасности впился в грудь, причиняя жгучую боль.

Дрожа, Зола вглядывалась в бурю за лобовым стеклом. Алые листья осыпались с ветвей и прилипали к стеклу. Она напомнила себе, что нужно дышать, по венам бежал адреналин. Контрольная панель выдавала рекомендации: оптимальный способ действий — сделайте несколько глубоких медленных вдохов. Но каждый вдох причинял ей столько же боли, сколько и впившийся ремень, пока она дрожащей рукой не нашла замок и не расстегнула его.

Дверное стекло разбилось, и непогода врывалась в автомобиль, дождем стекая по плечам Золы.

Зола уронила голову на подголовник, гадая, в состоянии ли она идти. Может быть, если бы она переждала муссон… Летние ливни никогда не бывают долгими; и этот закончится в один миг…

Она подняла руки в промокших перчатках и спросила себя, чего, собственно, она ждет. Ни гордости. Ни респектабельности. Может быть, если она промокнет, будет даже лучше.

Вдохнув полной грудью, она потянула за ручку двери и пнула ее ногой, чтобы открыть. Она вышла в ливень, и дождь принес коже свежесть и прохладу. Захлопнув дверь, она оглянулась, чтобы оценить ущерб, и откинула прядку со лба.

Передняя часть автомобиля была смята вокруг дерева, капот сложился в гармошку со стороны пассажирского сиденья. При

взгляде на обломки ее сердце дрогнуло — столько тяжелого труда, и так быстро все уничтожено.

Как и — эта мысль пришла секундой позже — ее шанс на спасение. Упущенный шанс.

Дрожа под дождем, она отогнала мысли. Найдутся другие автомобили. Сейчас она должна отыскать Кая.

Вдруг дождь прекратил ее поливать. Она посмотрела на зонт над своей головой, затем обернулась. Встречающий круглыми глазами ошарашенно смотрел на место аварии, сжимая ручку зонтика.

— О, здравствуйте. — Зола запнулась.

Человек, казалось, не верил своим глазам, разглядывая Золу. Ее волосы, платье. Было ясно, что с каждой секундой она внушала ему все меньше доверия.

Зола выхватила у него зонтик и сверкнула улыбкой.

— Спасибо, — сказала она и бросилась через двор в двойные двери дворца, оставив зонтик лежать на лестнице.

Стражи в малиновой форме выстроились вдоль коридора, направляя гостей из холла с лифтами к бальному залу в южном крыле, как будто звон бокалов и оркестровая музыка сами по себе не были достаточным ориентиром. Путь до зала был долгим и утомительным. Зола не знала, позволяют ли себе бесстрастные стражи разглядывать ее, когда она идет мимо, хлюпая мокрыми балетками, и не смела поднять глаза и встретиться с ними взглядом. Она сконцентрировалась на одном-единственном послании, которое пыталась передать вниз по проводам, к куску ноги.

Будь грациозной. Будь грациозной. Будь грациозной.

Музыка зазвучала громче. Зал был украшен десятками причудливых каменных статуй — давно забытых богов и богинь. Скрытые камеры. Скрытые ID-сканеры. По телу Золы пробежала искра паранойи, когда она вспомнила, что все еще носит с собой чип Пионы, спрятанный внутри ноги. Она представила, как начинают вопить сигнализации и мигать тревожные лампочки, когда становится ясно, что у нее два чипа — это подозрительно, если вообще законно, — но ничего не произошло.

Выйдя из коридора, она оказалась наверху парадной лестницы, каскадом спускавшейся в зал. Стражи и служащие выстроились вдоль ступенек, их лица были так же непроницаемы, как и лица их коллег в коридоре. С высокого потолка свисали сотни малиновых бумажных фонарей, каждый из которых заливал зал густым золотым светом. Дальнюю стену занимали окна от пола до потолка, выходившие в сад. Дождь бил в стекла едва ли не громче, чем звучал оркестр.

Танцевали в середине зала. По краям пространство для танцев окружали круглые столики. Каждый стол был украшен роскошной орхидеей и нефритовой скульптурой по центру. На стенах зала висели шелковые экраны с ручной росписью в виде журавлей, черепах и бамбука, древних символов долгой жизни, что перекликалось с единственным лозунгом: «Да здравствует император!»

Со своего места Зола видела весь зал, заполненный яркими шелками и кринолинами, стразами и плюмажами из страусиных перьев. Она искала Кая.

Его было несложно найти — он танцевал. Толпа расступалась перед ним и его партнершей — самой красивой, самой грациозной, самой божественной женщиной в зале. Лунной королевой. Зола не смогла не ахнуть от изумления, когда увидела ее.

Живот мгновенно скрутило от страха и отвращения. Королева улыбалась, но Кай вальсировал по мраморному полу с застывшим лицом без всякого выражения.

Зола отступил от лестницы раньше, чем королева ее заметила. Она оглядела толпу, убеждаясь, что Кай еще не сделал свое объявление. Иначе атмосфера в зале была бы не такой радостной. С Каем все в порядке. Он в безопасности. И она должна найти способ переговорить с ним наедине и рассказать о планах королевы. Сказать, что королева знает, что он искал ее племянницу. Тогда он не станет принимать условия королевы до того, как…

Ну, Зола знала, что ничто не сможет убедить королеву не начинать войну, которой она так долго угрожала.

Но может быть, просто может ведь такое быть, что принцесса Селена найдется раньше, чем это случится.

Сделав медленный выдох, Зола отступила из прохода у огромных дверей и притаилась за ближайшей колонной, спотыкаясь на своей крошечной ноге. Стиснув зубы, она оглянулась, но стоявшие поблизости охранники и слуги оставались бесстрастными, как бетонные стены.

Зола распласталась у колоны, пытаясь пригладить волосы, чтобы создать хотя бы иллюзию, что ей на балу самое место.

Музыка прекратилась, и толпа начала аплодировать.

Она осмелилась заглянуть вниз, на танцующих, и увидела, что Кай и Левана прощаются: он — с ледяным поклоном, она — с изяществом гейши. Когда оркестр заиграл снова, весь зал присоединился к танцам.

Зола проводила взглядом темные кудри королевы, когда та направилась к лестнице в другом конце зала. Толпа тут же

расступилась перед ней. Потом Зола снова взглянула на Кая и увидела, что он двигается в противоположном направлении — к ней.

Затаив дыхание, она потихоньку вышла из-за защищавшей ее колонны. Это был ее шанс. Если он сейчас посмотрит и увидит ее. Если подойдет к ней. Она могла бы рассказать ему все, а затем убежать, уйти в ночь, и никто даже не узнает, что она вообще здесь была.

Она сжала в пальцах ткань платья, глазами прожигая голову императора. Посмотри вверх. Посмотри вверх. *Посмотри вверх.*

Кай замер с выражением легкого недоумения, и Зола даже вздрогнула, подумав — может быть, ей удалось, может быть, она использовала сейчас свой лунный дар?

Но потом она заметила золотое пятно рядом с Каем. Золотой рукав. Кто-то взял его под руку. У нее перехватило дыхание.

Это была Перл, она взяла принца за локоть. Она ослепительно улыбалась и опустила ресницы, присев в глубоком реверансе.

Желудок у Золы сжался. Она снова нырнула за колонну.

Перл начала говорить, и Зола следила за выражением лица Кая, а кровь пульсировала у нее в ушах. Сначала он просто пытался устало улыбаться, но вскоре на его лице отразилось замешательство. Удивление. Он неуверенно нахмурился. Она пыталась угадать, что говорит Перл.

— Да, я та девушка, которую вы встретили на фестивале сегодня утром. Нет, Зола не придет. Это было бы неуважением по отношению к такому замечательному событию, позволить моей уродской сводной сестричке-киборгу прийти. О, вы не знаете, что она киборг?

Зола вздрогнула, ее взгляд был прикован к ним двоим. Перл собиралась рассказать все Каю, и все, что Зола могла сделать, это смотреть и ждать того ужасного момента, когда Кай поймет, что она действительно киборг. И не захочет больше иметь с ней ничего общего. Не захочет слушать ее оправдания. Ей придется идти за ним, спотыкаясь, и рассказывать то, ради чего она сюда пришла, чувствуя себя опозоренным чудовищем.

Кто-то кашлянул, и Зола обернулась с растущим беспокойством, чуть не вывихнув лодыжку. Один из служащих, видимо, устал стоять неподвижно и бесстрастно и теперь смотрел на нее с плохо скрываемым отвращением.

— Прошу прощения, — сказал он строгим голосом. — Я должен проверить ваш ID.

Зола инстинктивно отдернула руку, прижав запястье к животу.

— Зачем?

Его взгляд метнулся к ряду охранников, готовых выпроводить ее в любую минуту.

— Чтобы убедиться, что вы есть в списке гостей, разумеется, сказал он, держа в руках маленький карманный сканер.

Зола снова вжалась в колонну. Нервы гудели.

— Но… Я думала, что все горожане в списке.

— Это так. — Человек улыбнулся, глядя почти радостно и предчувствуя возможность вычеркнуть из списков стоящую перед ним девушку. — Но мы должны быть уверены, что вы ответили на приглашение. Меры безопасности.

Сглотнув, Зола взглянула вниз. Перл по-прежнему не отставала от Кая, а теперь еще и Адри маячила неподалеку, готовая вступить в разговор прежде, чем Перл скажет что-то неподобающее и заставит ее краснеть. Перл не растеряла своего обаяния, смущенного и зазывного одновременно. Она стояла, опустив голову, одной рукой легко касаясь ключицы.

Кай все еще выглядел растерянно.

Мурашки побежали по рукам Золы. Она снова обернулась к служащему, попытавшись изобразить веселую невинность Перл.

— Конечно, — сказала она и, затаив дыхание, протянула руку. Она придумывала оправдания одно за другим — наверное, ее ответ на приглашение перепутали с чьим-то еще, или, возможно, произошла какая-то ошибка, когда ее мачеха и сестра уже прибыли без нее; или…

— Ах! — Мужчина потрясенно смотрел на маленький экран.

Зола напряглась, думая, каковы шансы оглушить его ударом по голове так, чтобы эти охранники ничего не заметили. Он еще раз растерянно оглядел ее платье и волосы, а затем вернулся к своему экрану. Ей было видно, что в нем происходит внутренняя борьба — наконец на его лице медленно расплылась улыбка. Он пытался быть вежливым.

— О, Линь-мэй, какая радость. Мы счастливы, что вы смогли присоединиться к нам этим вечером.

Ее брови взлетели.

— Счастливы?

Мужчина чопорно поклонился.

— Пожалуйста, простите мое невежество. Я уверен, Его Императорское Величество будет рад, что вы приехали. Прошу, один шаг сюда. Я вас объявлю.

Она моргнула, непонимающе следуя за его рукой, когда он шагнул на лестницу.

— Вы меня — что?..

Он что-то вбил в портскрин, прежде чем снова взглянуть на

Золу. Его взгляд скользнул куда-то мимо нее, словно он сам не мог поверить в то, что собирается сделать, но вежливая улыбка никуда не исчезла.

— Всех личных гостей Его Императорского Величества должным образом объявляют, это дань уважения. Конечно, они обычно не появляются с таким… опозданием.

— Подождите. Личных гостей… О… О! Нет, нет, вам совершенно не стоит…

Ее оглушил рев труб, лившийся из невидимых динамиков. Она втянула голову в плечи, широко распахнув глаза, когда звук оборвался. На последнем аккорде рога величественный голос произнес на весь зал:

— *Поприветствуем на Сто Двадцать Шестом Ежегодном Балу Восточного Содружества личного гостя Его Императорского Величества — добро пожаловать, Линь Зола из Нового Пекина.*

Глава 34

Температура в зале зашкалила, когда все присутствующие обернулись к Золе. Возможно, через миг они отвернулись бы снова, не окажись личным гостем императора девчонка с мокрыми волосами и пятнами грязи на подоле мятого серебристого платья. Но это была она, и все взгляды остановились на ней, пригвоздив к вершине лестницы. Ее хромая нога приросла к полу, словно утонула в бетоне.

Она взглянула на Кая — у него отвисла челюсть, когда он ее увидел.

А ведь он ждал ее, все время ждал. Он отвел ей место личного гостя. И она могла только догадываться, как он сейчас сожалеет о своем решении.

Лицо Перл рядом с ним начало пылать в свете ламп. Зола посмотрела на сводную сестру, на Адри, и напомнила себе, что нужно дышать.

Для нее все уже закончилось.

Перл почти наверняка сказала Каю, что Зола — киборг.

А скоро и королева Левана увидит ее и поймет, что она лунатик. Ее арестуют, может быть, убьют. И она уже ничего не может поделать с этим.

Но она пошла на риск. Она решила прийти.

И пусть это окажется не напрасно.

Она расправила плечи. Выдвинула подбородок.

Приподняв подол пышной юбки, она устремила взгляд на Кая и начала медленно спускаться.

Его взгляд смягчился, в нем затеплилось что-то вроде любопытства, как будто появления в таком виде как раз можно было ожидать от известного механика.

Шепот пронесся по толпе, и когда Зола ступила на мраморный пол, море платьев всколыхнулось и расступилось. Женщины шептались, прикрываясь ладошками. Мужчины вытягивали шеи, чтобы расслышать пересуды. Даже слуги замерли, держа подносы с изысканными блюдами в воздухе. От запаха чеснока и имбиря, распространявшегося вокруг, у Золы свело желудок. Она вдруг осознала, насколько голодна. Приготовления к побегу не оставили времени на еду. От голода и тревоги она готова была упасть в обморок. Она изо всех сил старалась не обращать на это внимания, быть сильной, но нервозность овладевала ей все сильнее с каждым шагом, когда она заставляла свои одеревеневшие мышцы двигаться. Пульс барабанной дробью отдавался в голове.

Каждый взгляд, направленный на нее, издевался. Все головы склонялись одна к другой, передавая слухи из уст в уста. В ушах звенело от обрывков разговоров — *Личный гость? Да кто она такая? И что это такое на ее платье?* — до тех пор, пока она не отрегулировала аудиоинтерфейс, заглушив слова.

Никогда в своей жизни она не была так рада, что не может покраснеть.

Губы Кая дернулись, и, хотя он все еще выглядел озадаченным, она не увидела на его лице гнева или отвращения. Зола сглотнула. Когда она подошла ближе, ей захотелось обхватить себя руками, скрыть грязное мятое платье, но она не позволила этого себе. Это все равно не поможет. А Каю нет дела до ее платья.

Если его что и волновало сейчас, так это, вероятно, то, насколько она состоит из металла и кремния.

Она высоко держала голову, даже когда глаза начало жечь, даже когда паника вылилась в предупреждения и меры предосторожности в зрительном интерфейсе.

Не ее вина, что она ему понравилась.

Не ее вина, что она киборг.

Она не станет извиняться.

Она сосредоточилась на ходьбе, один глухой шаг за другим, толпа расступалась перед ней и смыкалась у нее за спиной.

Но прежде чем она дошла до императора, кто-то вынырнул из толпы и встал у нее на пути.

Зола застыла под кипящим злобой взглядом мачехи.

Она моргнула, остолбенев, и само время, казалось, застыло, превратившись в один безмолвный растянутый миг. Она и забыла, что Адри и Перл были здесь.

Красные пятна на щеках Адри было видно даже под слоем пудры, грудь вздымалась под скромным вырезом кимоно. Неловкие смешки стихли — вопросы теперь раздавались в глубине толпы, там, откуда не было видно, что происходит, но ощущалось, что напряжение нарастает.

Адри протянула руку и схватила Золу за подол платья. Она тряхнула ее.

— Откуда ты это взяла? — зашипела она тихим голосом, словно боясь устроить сцену, хотя они и так уже устроили сцену.

Вздернув подбородок, Зола отступила, вырвав платье из пальцев мачехи.

— Ико сохранила его. Пиона хотела бы, чтобы я его надела.

Перл ахнула за спиной у матери, прикрыв ладонью рот. Зола взглянула на Перл и увидела, что та с ужасом уставилась на ее ноги.

Зола вздрогнула, подумав, что всем вокруг видно ее искусственную ногу, но тут Перл указала пальцем на ее ноги и крикнула:

— Мои балетки! Это мои балетки! На ней!

Глаза Адри сузились.

— Ты, воришка. Как ты смеешь сюда заявляться и выставлять на посмешище всю семью? — Она ткнула пальцем за спину Золы, указывая на парадную лестницу. — Я приказываю тебе отправляться домой, немедленно, пока ты не опозорила меня еще больше.

— Нет, — сказала Зола, сжимая пальцы. — У меня есть такое же право быть здесь, как и у вас.

— Что? Ты? — Голос Адри повысился. — Да ты никчемный… — Она прикусила язык, даже сейчас не желая выдавать убийственный секрет своей приемной дочери. Вместо этого она замахнулась, раскрыв ладонь.

Толпа ахнула, а Зола вздрогнула, но удара не последовало.

Кай стоял рядом с ее мачехой, одной рукой крепко держа ее за запястье. Адри повернулась к нему с пылающим от бешенства лицом, но это выражение быстро исчезло.

Она отступила назад, заикаясь.

— Ваше величество!

— Хватит, — сказал он мягким, но строгим голосом, и выпустил руку Адри.

Адри присела в жалком реверансе, кивая головой.

— Мне очень жаль, ваше величество. Мои чувства, мой характер… эта девушка… Я сожалею, что она ворвалась… она моя подопечная, она не должна здесь быть…

— Конечно, она должна, — сказал Кай легко, как если бы одно его присутствие способно было растопить гнев Адри. — Она мой личный гость.

Он огляделся, посмотрел поверх голов шокированной публики на сцену, на которой смолк симфонический оркестр.

— Эта ночь для праздника и веселья, — сказал он громко. — Пожалуйста, пусть продолжаются танцы.

Оркестр вновь заиграл, сначала неуверенно, пока музыка вновь не заполнила бальный зал — Зола не могла вспомнить, когда она оборвалась, но все звуки до сих пор слышались ей приглушенно.

Кай снова взглянул на нее. Она сглотнула и обнаружила, что дрожит от гнева и ужаса, пойманная врасплох взглядом его карих глаз. В голове было пусто, и она не могла бы сказать наверняка, чего ей хочется больше — поблагодарить его или развернуться и наорать на мачеху, но он не оставил ей шансов сделать ни то, ни

другое.

Кай протянул руку, взял ее за руку, и, прежде чем она поняла, что происходит, он уже увел ее прочь от мачехи, держа в объятьях.

Они танцевали.

С колотящимся сердцем Зола отвела от него взгляд и посмотрела через плечо.

Они были единственной парой, которая танцевала.

Кай, должно быть, заметил это и сам, потому что на миг убрал руку с ее талии и приглашающее махнул толпе, сказав тоном, в котором смешалось приглашение и приказ:

— Вы мои гости. Прошу, наслаждайтесь музыкой.

Те, кто оказался поблизости, обменялись неловкими взглядами со своими партнерами, и вскоре зал наполнился шорохом юбок и хлопаньем фалд. Зола рискнула посмотреть туда, где остались Адри и Перл — они так и стояли неподвижно среди кружащихся пар, глядя, как принц умело уводит ее в танце все дальше от них.

Кашлянув, Кай пробормотал:

— Ты понятия не имеешь, как танцевать, верно?

Зола посмотрела на него, не успев привести мысли в порядок:

— Я механик.

Его брови насмешливо изогнулись.

— Поверь мне, я заметил. Что это, пятна масла на перчатках, которые я подарил?

Совершенно убитая, Зола взглянула на их переплетенные пальцы, на темные пятна на белых шелковых перчатках. Прежде чем она успела извиниться, она почувствовала, как принц ее мягко подтолкнул — и вот она уже вращается у него под рукой. Она задохнулась, на миг почувствовав себя легкой, как бабочка, прежде чем споткнулась на своей слишком маленькой ноге и упала назад, в его объятия.

Кай улыбнулся, вернул ее на расстояние вытянутой руки, но не дразнил ее.

— Значит, это твоя мачеха.

— Мой опекун.

— Да, извини, ошибся. Она настоящее сокровище!

Зола фыркнула, чувствуя, как начинает расслабляться. Она не ощущала свою ногу, и ей казалось, что она танцует с пушечным ядром, привязанным к голени. Нога начинала болеть под тяжестью ее тела, но она сопротивлялась желанию начать хромать, копируя Перл, всегда такую изящную в своем бальном платье, на каблуках, и надеясь, что ее собственное тело сможет двигаться так же грациозно.

По крайней мере, оно, казалось, запоминало танцевальные па, и каждый последующий шаг давался легче предыдущего — прежде, чем она успевала понять, что именно делает. И, конечно, мягкое прикосновение Кая к ее талии не причиняло боли.

— Извини, — сказала она. — За нее и за мою сводную сестру. Ты можешь поверить, что они меня стесняются? — Она попыталась произнести это как шутку, но не могла не смотреть во все глаза на лицо Кая, ожидая его реакции, готовясь к тому мгновению, когда он спросит, правда ли это.

Правда ли, что она киборг.

Но когда его улыбка начала меркнуть, она поняла, что это мгновение настало слишком быстро, и отчаянно пожелала взять свои слова обратно. Чтобы они могли бесконечно притворяться, будто ее секрет не раскрыт. Будто он не знает.

Будто он по-прежнему хочет видеть ее своим личным гостем на балу.

— Почему ты не сказала мне? — произнес Кай, понизив голос, хотя вокруг них и так было шумно — повсюду звучали смех и стук каблуков.

Зола открыла рот, но слова застряли в горле. Как ей хотелось опровергнуть слова Перл, назвать ее лгуньей! Но что это даст? Очередная ложь. Очередное предательство. Пальцы ее металлической руки сжались у него на плече — жесткий, неумолимый металл. Он не отшатнулся. Просто ждал.

Она хотела бы испытать облегчение — теперь между ними нет тайн. Но и это не совсем соответствовало действительности. Он еще не знал, что она лунатик.

Она снова открыла рот, не зная, что собирается сказать, пока неуверенные слова не слетели с языка:

— Я не знала как.

Взгляд Кая смягчился, в уголках глаз появились морщинки.

— Я бы понял, — сказал он.

Почти незаметно он придвинулся чуть ближе, и Зола обнаружила, что ее рука ползет вверх по его плечу самым естественным образом. Тем не менее, он не отступил назад. Не вздрогнул и не напрягся.

Он знает, но ему не противно? Он все еще прикасается к ней? Невероятно, но, может быть, она все еще нравится ему?

Она почувствовала, что расплакалась бы, если бы могла.

Ее пальцы осторожно прикоснулись к волосам у него на затылке, и она заметила, что дрожит, уверенная, что он оттолкнет ее в любой момент. Но он этого не сделал. Он не отшатнулся. Не скорчился от отвращения.

Он приоткрыл рот — совсем немного, и Зола подумала,

может быть, не только ей сложно дышать.

— Просто… — начала она, пробежав языком по губам, — просто… Это не такая вещь, о которой хочется говорить. Я не говорила никому, кто… кто…

— Кто не знал ее?

Слова испарились. Ее?

Пальцы стали жестче, она убрала руку от его волос и положила обратно ему на плечо. Его взгляд был мягким, сочувствующим.

— Я понимаю, почему ты ничего не сказала. Но сейчас я чувствую себя таким эгоистом. — Он выдвинул подбородок и виновато поднял брови. — Я знаю, я должен был догадаться, начать с того, что ты мне говорила, что твоя сестра заболела, но со всей этой коронацией, визитом королевы Леваны, наверное, я просто… просто забыл. Я знаю, я вел себя как последний идиот, я должен был понять, что твоя сестра… и почему ты не отвечаешь на сообщения. Теперь до меня дошло. — Он притянул ее ближе, так что она могла положить голову ему на плечо, но она этого не сделала. Ее тело снова стало неподатливым, танцевальные па забылись. — Я просто хотел бы, чтобы ты мне рассказала.

Она устремила взгляд куда-то ему за плечо, в пустоту.

— Я знаю, — прошептала она. — Я должна была рассказать тебе.

Ей казалось, что все ее механические части сомкнулись вокруг нее, живой, и готовы ее раздавить.

Кай не знал.

И теперь, когда она уже испытала, каково это, быть принятой такой, какая ты есть, необходимость таиться стала еще невыносимей, чем раньше.

— Кай, — сказала она, словно стряхивая собственные беды и невзгоды. Она снова отстранилась на расстояние вытянутой руки, расстояние, приличествующее в танце двум незнакомцам — или механику и императору. Впервые за все время Кай сбился с ритма, удивленно моргая. Чувство вины заскреблось у нее в горле, но она не обратила на него внимания. — Я пришла, чтобы кое-что тебе сказать. Кое-что важное. — Она оглянулась, чтобы убедиться, что их никто не подслушивает. Хотя она поймала несколько завистливых взглядов, никто не был так близко, чтобы расслышать слова сквозь музыку, и лунной королевы нигде не было видно. — Послушай. Ты не можешь жениться на Леване, чего бы она ни хотела и чем бы ни угрожала.

Кай вспыхнул при имени королевы.

— Что ты имеешь в виду?

— Она не просто хочет власти над Содружеством. Она в

любом случае собирается начать войну с Землей. И, если она станет императрицей, это откроет ей дорогу.

Теперь настал черед Кая осмотреться, одновременно пытаясь замаскировать панику во взгляде под холодное безразличие, но Зола с близкого расстояния видела беспокойство в его глазах.

— И это еще не все. Она знает о Наинси… о том, что Наинси узнала. Она знает, что ты пытался найти принцессу Селену, и сейчас охотится на нее, используя информацию, которую ты нашел. Ее люди ищут принцессу… если уже не нашли.

Широко раскрыв глаза, Кай снова посмотрел на нее.

— И ты знаешь, — продолжала она, — ты знаешь, что она не простит тебе попытки найти принцессу. — Она сглотнула. — Кай, как только ты на ней женишься и она получит то, что хочет… она собирается убить тебя.

Краска сбежала с его лица.

— Откуда ты все это знаешь?

Она сделала глубокий вдох, как будто долгое признание лишило ее сил, а всей ее энергии хватило ровно на то, чтобы она дожила до этого момента.

— Чип прямой связи, который я нашла в Наинси. Там была девушка, программист… ох. Это все сложно.

Она поколебалась, думая, что должна передать чип Каю, пока есть возможность, если бы не одно «но» — собираясь на бал, она второпях спрятала чип в своей лодыжке. Внутри что-то оборвалось, когда она об этом вспомнила. Теперь, чтобы достать чип, ей придется раскрыть свой секрет — перед Каем и перед всеми вокруг.

Она сглотнула, отгоняя подступавшую панику. Неужели спасение собственного достоинства ей важнее?

— Мы можем куда-нибудь отойти? — спросила она. — Подальше от толпы? Я все тебе расскажу.

Он огляделся. Танцуя, они практически пересекли весь зал и сейчас стояли у массивных дверей, ведущих в королевские сады. В нескольких шагах под дождем, казалось, рыдает плакучая ива, пруд с карпами грозил вот-вот переполниться. Порывы ветра практически заглушали оркестр.

— В сад?.. — сказал Кай, но, прежде чем он сделал хотя бы шаг, на них упала тень. Взглянув вверх, Зола увидела служащего с несчастным выражением лица, который смотрел на Кая, так сильно сжав губы, что они начали белеть. Он не удостоил Золу и взгляда.

— Ваше величество, — сказал он, и его лицо исказила гримаса. — Пора.

Глава 35

Зола посмотрела на человека, и ее связанная с сетью база данных сообщила ей, что это Конн Торин, королевский советник.

— Пора? — спросила она, снова оборачиваясь к Каю. — Пора для чего?

Кай смотрел на нее — отчасти извиняющимся, отчасти испуганным взглядом. Живот опять скрутило.

Пора решить судьбу Восточного Содружества.

— Нет, — прошипела она. — Кай, ты не можешь…

— Ваше величество, — сказал Конн Торин, все еще не снисходя до того, чтобы встретиться взглядом с Золой. — Я предоставил вам свободу, но настало время положить этому конец. Вы компрометируете себя.

Кай опустил взгляд, прежде чем совсем закрыть глаза. Он потер лоб.

— Только минуту. Мне нужно время подумать.

— У нас нет этой минуты. Мы уже обсудили все, и не раз.

— Есть новая информация, — сказал Кай строго. Лицо Конна Торина потемнело, и он бросил подозрительный взгляд на Золу. Она вздрогнула под неодобрительным взглядом — впервые кто-то испытывал к ней ненависть не потому, что она киборг, а потому, что она обычная девочка, не достойная внимания императора.

Впервые она не могла не согласиться.

Если на ее лице и отразилось понимание, советник не обратил на это никакого внимания.

— Ваше величество. При всем уважении, вы больше не можете позволить себе роскоши быть влюбленным подростком. Вы должны исполнять свой долг перед народом.

Опустив руки, Кай встретился взглядом с Конном Торином, в его глазах была пустота.

— Я знаю, — сказал он. — Я поступлю наилучшим для них образом.

Зола обеими руками вцепилась в ткань юбки, словно надеясь затеряться в складках материи. Он понял ее предупреждения. Он понимал, какую ошибку совершит, женившись на Леване. Этого она добилась.

Но потом он повернулся к ней, и все ее надежды рухнули при виде его беспомощного лица, глубоких морщин, прорезавших лоб.

— Спасибо, что предупредила меня, Зола. По крайней мере, я не буду играть вслепую.

Она покачала головой:

— Кай. Ты не можешь.

— У меня нет выбора. У нее есть армия, которая может уничтожить нас. У нее есть противоядие, которое нам нужно… Я должен использовать свой шанс.

Зола отшатнулась, как будто с его словами ее нагнал тот самый удар, от которого он защитил ее до этого. Он собирается жениться на королеве Леване. Королева Левана станет императрицей.

— Мне очень жаль, Зола.

Он выглядел таким же раздавленным, какой чувствовала себя Зола, и все же, хотя ее тело отяжелело и, казалось, не способно было сдвинуться с места, Кай нашел в себе силы отвернуться, поднять голову и пойти к платформе в дальнем конце зала, где ему предстояло объявить собравшимся о своем решении.

Она отчаянно копалась в голове в поисках чего угодно, только бы он изменил свое решение. Но что еще она могла сделать?

Он знал, что Левана все равно начнет войну. Он знал, что Левана, вероятно, попытается убить его после свадьбы. Он, наверное, знал и о более жестоких и злых поступках, которые она уже совершила, о которых не знала сама Зола, и это все равно его не остановит. Все равно он был до сих пор настолько наивен, что полагал, будто союз принесет больше хорошего, чем плохого. Он не станет останавливать то, что собирается произойти.

Единственным, кроме него, человеком, кто мог бы это остановить, была сама королева.

Невидимый кулак сжал сердце Золы.

Прежде чем она поняла, что делает, она бросилась вслед за Каем. Она схватила его за локоть и развернула к себе.

Не колеблясь, она обвила его шею руками и поцеловала.

Кай замер, его тело было неподвижным и будто окаменевшим, словно она обнимала андроида, но губы были мягкими и теплыми. Зола рассчитывала на короткий поцелуй, но он получился затяжным. Горячее покалывание распространялось по ее телу, от этого было странно, страшно, но не неприятно, это было похоже на ток, бегущий по проводам. Но это электричество не причиняло вреда. Не угрожало выжечь ее изнутри.

Отчаяние растаяло, и на кратчайший миг исчезли все скрытые мотивы. Она обнаружила, что целует его просто потому, что ей хочется, и хочется, чтобы он это знал.

Она и не представляла, как остро желает, чтобы Кай поцеловал ее в ответ — пока не стало ясно, что он этого не сделает.

Зола отстранилась. Ее руки задержались на его плечах, все еще дрожа от необузданной энергии, бурлившей внутри нее.

Кай уставился на нее, приоткрыв рот, и, хотя побуждением Золы было отступить и просить прощения, она подавила его.

— Может быть, — сказала она, проверяя голос, прежде чем повысить его настолько, чтобы быть уверенной, что вся толпа слышит ее, — может быть, королева не примет вашего предложения, если будет знать, что вы уже влюблены — в меня!

Брови Кая поползли вверх.

— Что-о?

Советник рядом с ним вдохнул с шипением, вздохи и шорохи пронеслись по толпе. Зола подумала, что музыка снова смолкла и музыканты встают и пытаются разглядеть, что происходит.

Неловкость расколол звонкий веселый смешок, и, хотя голос звучал сладко, как голосок ребенка, холод побежал у Золы по спине.

Отдернув руки от Кая, она медленно обернулась. Толпа тоже уловила звук — и все одновременно, словно марионетки, которых дернули за нитки, развернулись к его источнику.

Это была королева Левана.

Она стояла, прислонившись к одной из колонн у выхода в сад, в одной руке держа бокал золотистого вина, а другую прижимая к улыбающимся красным губам. Ее облик был совершенен. Ее поза не могла бы быть более естественной, будь она даже вырезана из одного куска мрамора с колонной. Она была в синем платье, сиявшем драгоценными камнями — наверное, бриллиантами — и создававшем впечатление, что ты смотришь на летнее ночное небо, усыпанное звездами.

Оранжевый свет мигнул в углу поля зрения Золы. Чары королевы, бесконечная ложь.

Вместе с королевой у дверей стоял лунный страж, над бледным лицом его рыжие волосы казались пламенем свечи. Мужчина и женщина, одетые в форму королевских магов, тоже замерли неподалеку в ожидании своей госпожи. Каждый из них был поразительно красив, и, в отличие от королевы, их красота, похоже, не была иллюзией. Зола подумала, что, может быть, таково было требование к тем, кто прислуживает королеве — или, возможно, она оказалась единственным лунатиком в галактике, не обладающим блестящими глазами и безупречной кожей.

— Какая очаровательная наивность, — сказала королева, снова заливаясь смехом. — Вы должны понимать мою культуру. На Луне моногамию считают не более чем архаичной сентиментальностью. Какое мне дело, если мой муж состоит в любовной связи с другой… — она замолчала, окинув темными глазами Золу в платье, — женщиной?

Ужас сжал горло Золы, когда взгляд королевы, казалось,

прошил ее насквозь. Королева знает, что она лунатик. И может сказать об этом.

— Что касается меня, — продолжала королева Левана, и слова ее напоминали сладкозвучную колыбельную, — то мне кажется, мой жених влюбился в ничтожную пустышку. Или я ошибаюсь?

Придворный маг согласно кивнула, ее взгляд остановился на Золе.

— Безусловно, она пахнет, как одна из них, — сказала женщина.

Зола сморщила нос. По словам доктора Эрланда, она была не настоящей пустышкой, и Зола задалась вопросом, пыталась ли женщина таким образом оскорбить ее и поиздеваться. Или, возможно, Зола пахла бензином из автомобиля.

Вдруг ее сеть признала женщину, и Зола забыла об оскорблении. Перед ней был тот самый дипломат, который провел в Новом Пекине последние недели, и все новостные сайты пестрели ее фотографиями, хотя Зола никогда не обращала на нее большого внимания.

Сибил Мира, главный маг при дворе лунной королевы.

Госпожа Сибил, вспомнила она слова девочки с чипом. Это была женщина, которая заставляла ее программировать оборудование для шпионажа, это она вложила чип в Наинси.

Зола попытался расслабиться, удивляясь, как панель управления еще не замкнуло от того количества адреналина, какое плавало сейчас в ее крови. Чего бы она сейчас ни отдала за оружие, хотя бы за несчастную отвертку, чтобы было чем защититься хоть как-то, — за что-нибудь, кроме никчемной ноги и легких шелковых перчаток.

Кай, не обращая внимания на Золу, зашагал к королеве.

— Ваше величество, — сказал он, — я прошу прощения за этот инцидент, но нам не стоит устраивать сцену на виду у гостей.

Угольные глаза королевы сверкнули в теплом свете, заливавшем бальный зал.

— Мне кажется, вы вполне способны устроить сцену и без моего участия. — Она позволила своей улыбке расцвести. — О, дорогой, мне кажется, что-то другое задевает меня сильнее, чем ваше непостоянство. Я полагала, что вашим личным гостем этой ночью являюсь я. — И снова ее глаза ласково пробежали по лицу Золы. — Вы не можете считать, что она красивее меня. — Она выставила вперед указательный палец и провела им по подбородку Кая. — Дорогой мой, вы краснеете?

Кай смахнул руку Леваны, но, прежде чем он смог ответить,

королева вновь повернулась к Золе, и на ее лице было написано отвращение.

— Как тебя зовут, девочка?

Зола болезненно сглотнула, с трудом выдавив из горла собственное имя:

— Зола.

— Зола. — Снисходительный смех. — Как же оно тебе подходит! Пепел. Грязь. Скверна.

— Довольно, — начал Кай, но Левана проплыла мимо него, сверкающее платье покачивалось на бедрах. Она подняла бокал вина, словно собираясь благодарить принца за приятный ужин.

— Скажи мне, Зола, — продолжала она, — у какого несчастного землянина ты украла свое имя?

Рука Золы потянулась к запястью — туда, где под шелковой перчаткой, под кожей был спрятан чип. Сейчас она почти не ощущала боль от надреза, сделанного несколько часов назад. В живот как будто упало что-то тяжелое.

Королева понюхала воздух.

— Вы, пустышки, — сказала она, повышая голос, так что теперь ее слышала толпа, — думаете, вы такие умные. Значит, ты украла чип из запястья мертвого землянина. Притворилась частью системы. И думаешь, что сойдешь за человека — и никаких последствий? Вы глупы.

Зола сжала челюсти. Она хотела бы объяснить, что ничего не помнит, кроме жизни на Земле — и кроме жизни киборга, но кому она могла об этом сказать? Точно не королеве. А Кай… Кай, который переводил взгляд с нее на королеву, пытаясь у себя в голове сложить цельную картинку из слов Леваны — кусочков головоломки.

Королева повернулась к императору.

— Не просто укрывать лунатика, но и развлекаться с ним. Я разочарована в вас, ваше величество. — Она щелкнул языком. — Тот факт, что эта девушка живет на вашей земле, доказывает, что вы нарушаете Межпланетное Соглашение. И я отношусь к такому нарушению со всей серьезностью, император Кайто. На самом деле, это может стать поводом для войны. Я настаиваю, что предательница должна быть немедленно взята под стражу и отправлена обратно на Луну. Ясин?

Второй лунный страж вышел из толпы. По красоте он не уступал первому — со светлыми длинными волосами, серьезными голубыми, цвета льда, глазами. Без всякого предупреждения он схватил Золу за запястья и заломил ей руки за спину.

— Стойте! — Кай бросился к Золе и схватил ее за локоть. Он потянул ее к себе, и она споткнулась, но страж не ослабил хватку.

Страж рванул Золу назад, и ее рука в шелковой перчатке выскользнула из руки Кая. Она обнаружила, что прижата к стражу. Его грудь была твердой, в голове послышался гул — что-то вроде статического электричества в волосах.

Магия, поняла она. Внутри него гудела биоэнергия. Был ли этот гул слышен всем, кто стоял вблизи от него, или это еще один признак ее пробуждающегося дара?

— Отпустите ее! — сказал Кай, обращаясь к королеве. — Это абсурд. Она не беглец, она даже не лунатик. Она просто механик!

Левана изогнула тонкую бровь. Ее блестящие глаза глядели поверх Кая, на Золу — и во взгляде сочетались красота и жестокость.

Тепло заструилось по позвоночнику Золы, жар все возрастал. Она боялась кризиса. Боялась, что возвратится боль и она рухнет без чувств.

— Ну, Зола? — произнесла королева Левана, вращая бокал с бледным вином. — Кажется, у тебя есть секреты от своего венценосного господина. Или ты хочешь опровергнуть мое утверждение?

Кай повернулся к ней, и, даже не глядя на него, она почувствовала его отчаяние. Она смотрела только на королеву, от ненависти сжав зубы до боли.

Она была рада, что слезы не могут выдать ее унижения. Что кровь, прилившая к щекам, не выдаст ее гнева. Рада, что ее тело — тело киборга — впервые принесло хоть какую-то пользу. Она подняла взгляд на королеву.

Дисплей на сетчатке в панике слал предупреждения о повышении уровня адреналина в крови, об учащении пульса. Предупреждения мигали у нее перед глазами, но она проигнорировала их с удивительным спокойствием.

— Если бы меня не привезли на Землю, — сказала она, — я была бы рабом вашего режима. Я не стану извиняться за побег.

Краем взгляда она увидела, как Кай опускает лицо, широко раскрыв глаза, — теперь отрицать правду было невозможно. Он ухаживал за лунатиком.

В толпе кто-то вскрикнул. Раздался потрясенный вздох и приглушенный звук падения. Адри упала в обморок.

Сглотнув, Зола расправила плечи.

— Я не хочу извинений, — сказала Левана, сияя злой улыбкой. — Я хочу исправить недоразумение твоей жизни, быстро и наверняка.

— Вы хотите видеть меня мертвой.

— Какая ты догадливая. Да, хочу. И не только тебя, но всех тебе подобных. Вы, пустышки, представляете угрозу для

общества, опасность для нашей идеальной культуры.

— Потому что вы не можете промыть нам мозги до полного подчинения, как всем остальным?

Губы королевы сжались, улыбка застыла, как гипс. В голосе зазвучал лед — и в зале словно похолодало. Внезапный шквал дождя сотряс окна.

— Это будет благом не только для моего народа, но и для всех землян. Вы разносчики чумы. — Она замолчала, к ней возвращалась непринужденность, как будто она была готова засмеяться. — В буквальном смысле этого слова.

— Моя королева, — сказал темноволосая женщина, — имеет в виду так называемую голубую лихорадку, которая нанесла немалый ущерб гражданам вашей страны. И, конечно, самой королевской семье. Да покоится император Рикан с миром.

— Какое это имеет отношение?.. — начал Кай.

Женщина спрятала руки в рукавах своего плаща цвета слоновой кости.

— Ваши блестящие ученые еще не дошли до этого? Многие лунатики-пустышки являются разносчиками чумы. Они принесли ее на Землю и продолжают распространять, не заботясь, похоже, о том, сколько жизней она уносит.

Зола покачала головой.

— Нет, — сказала она. Кай повернулся к ней, бессознательно делая шаг назад. Она снова покачала головой, на этот раз резче. — Они не знают, что они переносчики. Откуда им знать? И, конечно, ученые это выяснили, но что они могут поделать, кроме того, что пытаться найти лекарство?

Королева резко рассмеялась.

— Невежество — твое оправдание? Как банально. Вы должны видеть правду — и правда в том, что вы должны умереть. Для всех было бы лучше, если бы ты уже была мертва.

— И для статистики, — сказал Зола, ее голос повысился, — я не пустышка!

Королева ухмыльнулась, ее это не убедило.

— Довольно, — сказал Кай. — Мне все равно, где она родилась. Зола является гражданином Содружества. Я не буду ее арестовывать.

Левана не отрывала взгляд от Золы.

— Укрывательство беглых является основанием для войны, молодой император. Вы знаете это.

Картинка в глазах Золы посерела. По сетчатке каскадом побежали бессмысленные диаграммы. Сыпля про себя проклятьями, она закрыла глаза. Сейчас не время для неполадок мозга.

— Но, возможно, — сказала королева, — мы сможем достичь своего рода компромисса.

Зола открыла глаза. Зрение оставалось затемненным, но запутанной схемы не было. Она посмотрела на королеву как раз вовремя, чтобы увидеть, как губы той изгибаются в жестокой улыбке.

— Эта девушка, кажется, думает, что вы любите ее, и вот ваш шанс доказать это. — Она кокетливо опустила ресницы. — Так скажите мне, ваше величество, вы готовы торговаться за нее?

Глава 36

— Торговаться, — сказал Кай, — за ее жизнь?

— Добро пожаловать в мир настоящей политики. — Левана отхлебнула вина. Несмотря на то, что ее губы были кроваво-красными, на стекле не осталось никакого следа.

— Сейчас не время и не место для подобной дискуссии. — Кай едва сдерживал рычание.

— Неужели? Мне кажется, что эта дискуссия касается всех присутствующих в этом зале. В конце концов, вы хотите мира. Вы хотите безопасности для своих граждан. Какие замечательные цели. — Ее взгляд скользнул по Золе. — Но также вы хотите оставить в живых эту несчастную тварь. Да будет так.

Сердце Золы глухо стучало, перед глазами все мерцало, когда она перевела взгляд на Кая.

— А чего хотите вы? — спросил Кай.

— Я хочу быть императрицей.

Зола корчилась в руках охранника:

— Кай, нет. Ты не можешь этого сделать.

Он повернулся к ней спиной. Его глаза пылали.

— Это ничего не изменит, — сказала Зола. — Ты знаешь, что не изменит.

— Заткните ее, — приказала Левана.

Охранник зажал ей рот рукой, прижав к груди, но он не мог скрыть мольбу в ее глазах.

Не делай этого. Я этого не стою, ты знаешь.

Кай зашагал к дверям. Мгновение он смотрел на бушующую стихию, его плечи дрожали, затем он оглянулся на зал. Море цветов, шелка и тафты, золота и жемчугов. Море испуганных, растерянных лиц.

Ежегодный бал. 126 лет мира во всем мире.

Он выдохнул и расправил плечи.

— Я думал, что довольно ясно озвучил свое решение. Всего несколько часов назад я обещал своей стране сделать все, чтобы обеспечить безопасность своего народа. Все возможное. — Он раскрыл ладони и протянул руки к королеве. — Я с готовностью признаю, что у вас больше мощи, чем у всех земных государств, вместе взятых, и я не хочу испытывать свои силы в борьбе с вами. Я также признаю, что не знаком с культурой вашего народа и не могу осуждать те способы, к которым вы прибегаете, управляя страной. Я верю, что вы всегда искренне пеклись об интересах своего народа. — Он встретился взглядом с Золой. Его плечи застыли. — Но это не те способы, которыми я буду править

Содружеством. Нам нужен мир, но не ценой свободы. Я не могу… я не женюсь на вас.

Казалось, из зала выкачали воздух, по толпе пролетел приглушенный шепоток. Облегчение нахлынуло на Золу, но оно исчезло, когда Кай встретился с ней взглядом. Он не мог выглядеть более несчастным.

— Прости, — просто прошептал он.

Она хотела бы сказать ему, что все в порядке. Что она понимает. Что она с самого начала хотела, чтобы он принял именно это решение, и это ничего не меняет.

Она не стоит того, чтобы начинать из-за нее войну.

Губы Леваны были плотно сжаты, ее лицо застыло, и только по малейшему движению оснований ушных раковин можно было догадаться, что она крепко сжала челюсти. В углу зрения Золы встроенный в сетчатку сканер бешено мигал, анализируя данные, бит за битом, но она игнорировала его, как назойливого комара.

— Вы приняли решение?

— Да, — сказал Кай. — Девушка-беглец будет заключена под стражу в нашей тюрьме до вашего отъезда. — Он поднял подбородок, словно приговаривая себя к этому решению. — Я не хотел бы проявить неуважение и всем сердцем надеюсь, что мы сможем продолжить переговоры в поисках приемлемого альянса.

— Мы не сможем, — сказал Левана. Бокал в ее руке треснул, осколки дождем полетели на твердый пол. Зола подскочила, в зале раздались выкрики, толпа отхлынула назад, но лунный страж никак не отреагировал. — Я вполне ясно озвучила свои требования вашему отцу, точно так же, как и вам, и вы глупец, если отказываетесь их принять.

Она швырнула тонкую ножку бокала в колонну. По ее пальцам стекало вино.

— Вы настаиваете на своем отказе?

— Ваше величество…

— Отвечайте на вопрос.

Сканер на сетчатке Золы вспыхнул, как будто на королеву пролили свет. Она ахнула. Колени подогнулись, и она упала на охранника, который дернул ее вверх, заставляя выпрямиться.

Она закрыла глаза, уверенная, что ей померещилось, затем открыла их снова. Диаграмма перестроилась. Линии очертили точные углы в лице Леваны. Координаты показывали расположение ее глаз, длину носа, ширину лба. Прекрасная иллюстрация наложилась на прекрасную женщину — и они не совпадали.

Зола все еще смотрела на королеву, пытаясь понять соотношение линий и углов, которые показывал сканер, когда

осознала, что спор прервался. Ее реакция была такой резкой, что все взоры обратились на нее.

— Звезды, — прошептала она. Ее сканер видел за иллюзией. Нечувствительный к лунным чарам, он определял истинные черты лица королевы, видел недостатки и несоответствия. — Это на самом деле иллюзия. Вы не красивая.

Королева побледнела. Мир, казалось, замерзает вокруг диаграммы в глазах Золы, мельчайшими точками выдавая величайший секрет королевы. Зола по-прежнему могла разглядеть чары — высокие скулы и полные губы, но эффект мерк перед истиной, видимой на диаграмме. Чем дольше она смотрела, тем больше данных отображалось, воссоздавая настоящие черты Леваны.

Она была настолько очарована медлительным проявлением правды, что не заметила, как Левана сомкнула длинные пальцы у нее на боку. Она ничего не замечала до тех пор, пока словно электрический разряд не пронесся в воздухе, рассеивая ее внимание, отвлекая от чертежей перед глазами.

Королева разжала пальцы. Охранник отступил, выпуская ее запястья.

Оказавшись на ногах, Зола едва не упала вперед, в то время как ее рука сама потянулась назад и выхватила из кобуры у стража пистолет.

Внезапно она застыла, ощутив тяжелый пистолет в металлической руке.

Палец сам нашел курок, словно пистолет стал ее продолжением. Он удобно лежал в ладони. Но это неправильно. Она никогда раньше не держала в руках оружия.

Сердце глухо стучало.

Зола подняла пистолет, прижав дуло к собственному виску. Изо рта вырвался дрожащий крик. Прядь волос прилипла к приоткрытым губам. Она скосила глаза влево, но не смогла увидеть ни пистолета, ни предательской руки, державшей его. Она посмотрела на королеву, на толпу, на Кая.

Все ее тело дрожало, но рука уверенно держала пистолет, угрожая убить ее.

— Нет! Оставьте ее в покое! — Кай бросился на нее, схватив за локоть. Он попытался отвести руку, но она была неподвижна, как статуя. — Отпустите ее!

— К-Кай. — Она запнулась, ее охватил ужас. Она приказывала своей руке отпустить пистолет, умоляла пальцы не нажимать на курок, но все было бесполезно. Она зажмурилась. В голове что-то билось. УВЕЛИЧЕНИЕ КОЛИЧЕСТВА АДРЕНАЛИНА В КРОВИ. КОРТИЗОН, ГЛЮКОЗА. УВЕЛИЧЕНИЕ ЧАСТОТЫ

СЕРДЕЧНЫХ СОКРАЩЕНИЙ. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ…

Ее палец слегка дернулся, затем снова застыл.

Она попыталась представить, как прозвучит выстрел. Представила себе кровь. Представила, как ее мозг разлетается, ничего не ощущая.

ОБНАРУЖЕНО БИОЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ. ЗАПУСК РЕАКЦИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ 3… 2…

Медленно, очень медленно ее палец потянул вниз спусковой крючок. Спинной мозг словно взорвался, огонь мчался по нервам и проводам в металлические пальцы.

Зола кричала и отвела пистолет от головы. Рука выпрямилась. Ствол был направлен в потолок. Она прекратила сопротивляться. Спустила курок. Наверху над ней взорвалась на тысячи хрустальных искр люстра.

Толпа закричала и бросилась к выходу.

Зола рухнула на колени и согнулась, прижимая пистолет к животу. Боль разрывала ее, ослепляя. В голове взрывался фейерверк. Она чувствовала себя так, словно ее тело само готово было взорваться на кусочки металла и плоти, в искрах и в дыму.

Голос Кая, перекрывший шум в ушах, заставил ее осознать, что боль отступает. Она была такой горячей, словно кто-то бросил Золу в печь, но боль и жар стремились наружу, к коже, постепенно покидая внутренности. Она открыла глаза. Перед ними мелькали белые точки. Мигали красные предупреждения. В углу поля зрения пробегал текст диагностики системы. Слишком высокая температура тела, слишком высокое кровяное давление, слишком высокая частота сердечных сокращений. Какое-то незнакомое вещество оказалось в ее крови — и ее система не могла ни распознать его, ни уничтожить. Сбой, вопила система. Ты не в порядке. *Ты больна. Ты умираешь*.

Но она не чувствовала, что умирает.

Ее телу стало так жарко, что она удивилась, как она не сожгла непрочное платье. Пот шипел на лбу. Она чувствовала себя другой. Сильной. Мощной.

Пылающей.

Дрожа, она села на корточки и посмотрела на руки. Левая перчатка расплавилась, превратившись в пятна липкой шелковистой кожи на раскаленном металле. Она видела, как электричество шипит на стальной поверхности, но не могла бы сказать, видит ли это своим человеческим зрением или зрением киборга. Или, возможно, не человеческим. И не киборга.

Лунатика.

Она подняла голову. Мир был покрыт прохладным серым

туманом, как и все для нее. Ее тело начинало остывать. Кожу покалывало, металл ныл. Она рассеянно попыталась прикрыть металлическую руку — глупо, конечно, но вдруг Кай еще не заметил, ослепленный вспышкой.

Она поймала взгляд королевы. Казалось, ярость королевы споткнулась, когда они встретились взглядами. Королева ахнула и отступила на шаг. В какой-то миг она выглядела почти испуганной.

— Не может быть, — прошептала она.

Зола собрала каждый нанобайт сил, какие еще оставались, чтобы встать и направить пистолет на королеву. Она спустила курок.

Рыжий охранник успел вовремя. Пуля попала ему в плечо.

Королева даже не шелохнулась.

Мозг и тело Золы, казалось, снова стали единым целым, когда она глядела, как кровь стекает по броне стража.

Зола уронила пистолет и побежала. Зная, что сквозь обезумевшую толпу не прорваться, она устремилась к ближайшему выходу — массивным дверям, которые вели в сад. Мимо охраны, мимо королевы и ее свиты. Стекло хрустело под подошвами украденных балеток.

Гулкое эхо каменного двора. Брызги луж, летящие ей на ноги. Свежий, прохладный запах дождя, который превратился в морось.

Перед ней простиралась лестница. Двенадцать шагов, сад в стиле дзэн, высокая стена, ворота, город — побег.

На пятой ступеньке она услышала, как лязгнул болт. Провода разорвались, как слишком натянутые сухожилия. Она почувствовала, как лодыжка потеряла опору, послав ослепляющий предупредительный сигнал вверх, в мозг.

Она упала, вскрикнув, и попыталась остановить падение левой рукой. Острая боль пронзила плечо и позвоночник. Металл застучал о камень, когда она покатилась вниз, по тропинке, усыпанной гравием.

Она лежала на боку. Перчатка была разорвана там, где она встретила камень, пытаясь прекратить падение. Кровь окрасила красивый белый шелк на правом локте.

Она изо всех сил пыталась дышать. Голова вдруг отяжелела, и Зола позволила ей упасть на землю. Она ощущала мелкую гальку под головой. Блуждающий взор остановился на небе, с которого ушла буря, оставив после себя легкий туман, который лип к ее волосам и ресницам, освежал горячую кожу. Полная луна пыталась прорваться сквозь облачный покров, медленно прожигая вокруг себя дыру, словно желая поглотить все небо.

Какое-то движение заставило ее снова посмотреть в сторону

бального зала. Охранник, который держал ее, замер наверху лестницы. Через секунду рядом с ним уже был Кай, который вскрикнул и схватился за перила, чтобы остановиться.

Он нашел ее взглядом — блики на металлических пальцах, провода, свисающие из исцарапанной металлической ноги. У него отпала челюсть, и на мгновение показалось, что ему сейчас станет плохо.

Снова топот наверху лестницы. Мужчина и женщина в форме придворных магов, и охранник, в которого она выстрелила и который появился, невзирая на сочащуюся кровью рану. Советник Кая и, наконец, сама королева Левана. Ее чары вернулись в полной мере, но красота не могла скрыть гнева, искажавшего ее черты. Приподняв подол юбки обеими руками, она сделала несколько шагов к Золе, но женщина-маг остановила ее мягким прикосновением и жестом указала на стену дворца.

Кай стал медленно спускаться по лестнице, словно крался к раненому животному. Наклонившись, он поднял ржавую стопу киборга, обутую в бархатную балетку. Его челюсть снова отвисла, когда он разглядывал ее — и, возможно, узнал с того дня, когда они впервые встретились на рынке. Он не стал смотреть на Золу.

Губы Леваны искривились.

— Это отвратительно, — сказала она с порога, надежно скрытая от взгляда камеры. Ее слова прозвучали слишком громко и неестественно резко по сравнению с ее обычным мелодичным голосом. — Смерть будет милосердием.

— В конце концов, она оказалась не пустышкой, — сказала Сибил Мира. — Как ей удавалось это скрывать?

Левана усмехнулась:

— Это не имеет значения. Она умрет достаточно скоро. Ясин?

Страж-блондин спустился на шаг. Он снова держал пистолет — тот самый, который уронила Зола.

— Подождите.

Кай продолжал спускаться, пока не оказался на посыпанной гравием дорожке, прямо перед Золой. Казалось, он заставляет себя встретиться с ней взглядом, и он впервые вздрогнул. Зола ничего не могла прочесть по его лицу — смесь неверия, замешательства, сожаления. Его грудь вздымалась. Он дважды пытался заговорить, прежде чем отыскал слова — тихие слова, которые никогда не сотрутся из памяти Золы.

— Все это было иллюзией? — спросил он.

Боль пронзила ее грудь, не оставив воздуха.

— Кай?

— Все это было только в моей голове? Лунный трюк?

Живот скрутило.

— Нет. — Она горячо замотала головой.

Как объяснить, что у нее не было дара раньше? Что она не могла использовать дар против него?

— Я бы никогда не стала лгать…

Слова исчезли. Ведь она лгала. Все, что он знал о ней, было ложью.

— Мне очень жаль, — закончила она неуклюже. Слова рассыпались под открытым небом.

Кай отвел глаза, устремив взгляд на какую-то точку в саду.

— На тебя еще больнее смотреть, чем на нее.

Сердце Золы сжалось так, что она была уверена — вот-вот, и оно совсем перестанет биться. Она протянула руку к щеке, ощутив прикосновение влажного шелка к коже.

Вздернув подбородок, Кай повернулся к королеве. Зола смотрела вверх, на его спину в алой рубашке с вышитыми по вороту горлицами — символом мира. В одной руке он все еще сжимал ее искусственную стопу.

— Она будет взята под стражу, — сказал он, хотя его слова звучали не так уж уверенно. — Она будет находиться в тюрьме, пока мы не решим, что с ней делать. Но если вы убьете ее до наступления ночи, клянусь, я никогда не заключу союза с Луной.

Взгляд королевы потемнел. Даже если она согласится, в конце концов, Золу вернут на Луну. И, как только она окажется во власти королевы, ей на шею накинут петлю.

Кай покупал ей время. Но, наверное, не так много.

Чего она не могла понять, так это почему.

Зола смотрела, как королева борется с собственным характером, осознавая, что в один миг может убить и Золу и Кая.

— Она будет моей пленницей, — в итоге согласилась Левана. — Она вернется на Луну и предстанет перед судом — в соответствии с нашими законами.

Перевод: она умрет.

— Я понимаю, — сказал Кай. — В свою очередь, вы согласитесь с тем, чтобы не начинать войну против моей страны и моей планеты.

Левана склонила голову, глядя на него сверху вниз.

— Согласна. Я не буду объявлять войну Земле за это нарушение. Но на вашем месте я была бы аккуратнее, юный император. Вы сильно испытывали мое терпение этой ночью.

Кай сделал вдох, кивнул ей и отошел в сторону, когда лунные стражи спустились по ступенькам. Они подняли израненное тело Золы с гравия. Она изо всех сил пыталась встать, глядя на Кая, отчаянно желая, чтобы у нее было хоть мгновение, чтобы сказать, как ей жаль. Одно дыхание, чтобы объяснить.

Но он не взглянул на нее, когда ее проволокли мимо. Его глаза остановились на маленькой стальной стопе, которую он сжимал обеими руками — так сильно, что у него побелели пальцы.

Глава 37

Она лежала на спине, слушая равномерный стук своих металлических пальцев по белой резине пола в тюремной камере. Вместо всех мыслей, которые должны были ее занимать, остался один-единственный момент, поставленный на бесконечный повтор.

День на рынке, влажный воздух, запах сладких булочек Чан Сачи пропитывает воздух городской площади. До того, как все это случилось, до того, как заболела Пиона, как королева Левана прибыла на Землю, как Кай пригласил ее на бал. Она была просто механиком, а он — принцем, к чьим чарам она притворялась равнодушной. И он был там, перед ней, а она шаталась на одной ноге и пыталась унять сердцебиение. Как она с трудом могла встретиться с ним взглядом. Как он наклонился вперед, заставляя ее смотреть, и улыбнулся.

Там.

Тот момент. Та улыбка.

Снова, снова и снова.

Зола вздохнула и изменила ритм, который выстукивала пальцами.

Сеть кишела видео с бала. Она успела увидеть 4,2 секунды отснятого материала через свою связь с сетью — как она падает со ступенек в своем грязном платье, — прежде чем разорвать соединение. В кадре она была похожа на сумасшедшую. Конечно, каждый житель Земли сказал «скатертью дорога», когда королева Левана объявила ее лунатиком и сказала, что забирает обратно на Луну. Для «суда».

Она услышала приглушенные шаги охранника по ту сторону двери. Все вокруг было белым, в том числе идеально белый хлопковый комбинезон, в который ее переодели, заставив снять испорченное платье Пионы и остатки перчаток — то, что не расплавилось и не разорвалось. Они даже не позаботились выключить лампу, свет которой резал глаза, лишая Золу сна и окончательно выматывая. Она начала задумываться, не будет ли облегчением, когда королева придет за ней — может быть, удастся хоть минуту поспать.

А ведь она пробыла там только четырнадцать часов, тридцать три минуты и шестнадцать секунд. Семнадцать секунд. Восемнадцать.

Дверь лязгнула, заставив ее вздрогнуть. Она покосилась на крошечное окошко, открывшееся в двери, и увидела тень головы. Затылка. Ни один из охранников даже не взглянет на нее.

— У вас посетитель.

Она приподнялась на локтях:

— Император?

Охранник фыркнул:

— Да, конечно.

Его тень исчезла от решетки.

— Пожалуйста, не могли бы вы открыть дверь, — сказал знакомый голос со знакомым акцентом. — Я должен поговорить с ней наедине.

Зола встала на свою единственную ногу, опираясь о гладкую, как стекло, стену.

— Она находится под чрезвычайной охраной, — сказал охранник. — Я не могу вас впустить. Поговорите с ней через решетку.

— Не будьте смешны. Разве я похож на угрозу национальной безопасности?

Зола запрыгала к окну и встала на цыпочки. Это и правда был доктор Эрланд со светлой льняной сумкой в руках. Он по-прежнему был в халате, с крошечными серебряными очками на носу и в шерстяной шляпе. Хотя ему пришлось отклонять голову назад, чтобы встретиться с охранником взглядом, вид у него был совсем не испуганный.

— Я ведущий научный сотрудник королевской исследовательской группы по летумозису, — сказал доктор Эрланд, — и эта девушка — мой главный подопытный. Я должен получить образцы ее крови прежде, чем она покинет планету.

Он вынул шприц из сумки. Охранник в удивлении попятился назад, прежде чем скрестить руки на груди.

— У меня приказ, сэр. Вы должны получить официальное разрешение от императора, чтобы войти.

Доктор Эрланд опустил плечи и убрал шприц обратно в сумку.

— Все в порядке. Это протокол, я понимаю.

Но вместо того, чтобы уйти, он принялся дергать манжеты. Его лицо на мгновение потемнело, прежде чем он улыбнулся охраннику:

— Вот, видите? — сказал он, его голос отдавался пульсацией у Золы в позвоночнике. Доктор продолжал говорить, слова лились и успокаивали, как песня. — Я получил необходимое разрешение от императора. — Он махнул рукой в сторону камеры. — Вы можете открыть дверь.

Зола моргнула, словно избавляясь от паутины в голове.

Казалось, доктор Эрланд сейчас сам отправится под арест, но затем охранник повернулся к ней с ошеломленным выражением и

с силой прижал свой ID к сканеру. Дверь открылась.

Зола отскочила и схватилась за стену.

— Благодарю вас, — сказал доктор, входя в камеру и поворачиваясь спиной к страже. — Я попрошу ненадолго нас оставить. Это не займет и минуты.

Охранник закрыл дверь, не пытаясь спорить. Его шаги эхом разносились по коридору.

Доктор Эрланд повернулся и перевел дыхание, когда его ярко-голубые глаза остановились на Золе. Его губы на мгновение приоткрылись, прежде чем он отвернулся и зажмурился. Когда он снова открыл глаза, выражение его лица смягчилось, на нем читалась заинтересованность.

— Если и были какие-то сомнения, сейчас они исчезли. Вам стоит попрактиковаться контролировать свои чары.

Зола прижала к щеке ладонь:

— Я ничего не делаю.

Доктор неловко откашлялся:

— Не беспокойтесь. Вы научитесь.

Он оглядел камеру:

— В весьма затруднительное положение вы себя поставили, не так ли?

— Вы должны научить меня этому фокусу. — Зола указала пальцем на дверь.

— Это было бы честью для меня, мисс Линь. На самом деле, это очень просто. Сформулируйте свою мысль, притяните к себе мысль подопытного и четко изложите свои намерения. Внутренне, конечно.

Зола нахмурилась. Это не звучало как «очень просто».

Доктор отмахнулся от ее взгляда:

— Не волнуйтесь. Вы обнаружите, что при необходимости это получается естественно, как бы само собой, но у нас нет времени для долгого урока. Я должен уйти раньше, чем возникнут подозрения.

— У меня возникли подозрения.

Он не обратил на нее внимания, глядя на белый комбинезон, мешком висевший на ее хрупкой фигурке, на металлическую руку во вмятинах и царапинах после падения, на разноцветные провода, свисавшие из-под манжеты штанины.

— Вы потеряли стопу.

— Да, я заметила. Как там Кай?

— Что? Вы не собираетесь спросить, как там я?

— Вы замечательно выглядите, — сказала она. — Лучше, чем обычно, на самом деле.

Это была правда; в свете люминесцентных ламп, горевших в

камере, доктор выглядел на десять лет моложе. Или, скорее всего, поняла Зола, это был продолжительный эффект от того, что доктор использовал свой дар на страже.

— И все же? Как он?

— В растерянности, я полагаю. — Доктор пожал плечами. — Думаю, вы его несколько потрясли. Обнаружить, что вы… эээ… в общем, оказалось непросто принять столько всего сразу.

Зола разочарованно провела рукой по волосам, которые успели спутаться за те четырнадцать часов, пока она их нервно теребила.

— Левана заставила его выбрать. Либо жениться на ней, либо выдать меня. Иначе она угрожала объявить войну на основании какого-то закона об укрывательстве беглецов.

— Кажется, он принял правильное решение. Он будет великим правителем.

— Это не главное. Левана недолго будет удовлетворена его решением.

— Конечно, нет. Точно так же, как не позволила бы вам остаться надолго в живых, выбери он брак. Она очень хочет вашей смерти, сильнее, чем вы предполагаете. Именно поэтому она должна быть уверена, что Кай сделал все от него зависящее, чтобы удержать вас в заключении, и сам жаждет передать вас ей для отправки на Луну, чего, я думаю, ждать не так уж долго. В противном случае последствия могут быть ужасны — для него… и всего Содружества.

Зола покосилась на него:

— Мне кажется, что он и делает все возможное, чтобы удержать меня в заключении.

— Действительно. — Он повертел пальцами. — Это усложняет дело, не так ли?

— Что вы…

— Почему бы нам не сесть? Вряд ли вы можете чувствовать себя комфортно, стоя на одной ноге. — Доктор Эрланд опустился на единственную койку в камере. Зола скользнула вниз по стене напротив. — Как ваша рука?

— Хорошо. — Она согнула металлические пальцы. — Мизинец сломан, но могло быть и хуже. И да, точно, — она указала на свою голову, — нет дыры в голове. Чему я все еще рада.

— Да, я слышал, как королева напала на вас. Вас спасла ваша программа, не так ли?

Зола пожала плечами.

— Я думаю, да. Я получила несколько сообщений о биоэнергетической манипуляции, прежде чем я… Я никогда не

получала таких сообщений, даже когда сталкивалась с чарами.

— Вы впервые столкнулись с тем, что лунатик пытался заставить вас что-то сделать, а не просто поверить или почувствовать. И, кажется, программа сработала как надо, еще одно впечатляющее решение вашего хирурга — или, может быть, это был прототип Линя Гарана. В любом случае, Левану вы должны были застать врасплох. Хотя, боюсь, фейерверк, который вы устроили, расположил к вам не многих землян.

— Я не знала, как его контролировать. Я не знала, что происходит. — Она притянула колени к груди. — Наверное, хорошо, что я здесь. Снаружи для меня больше нет места. Не после всего, что случилось. — Она махнула в сторону какого-то несуществующего места за белыми стенами. — В общем, хорошо, что Левана собирается прекратить мои страдания.

— Прекратить страдания, мисс Линь? Позор вам. Я надеялся, что вы унаследовали больше сообразительности от нашего народа.

— Извините. Я, кажется, растеряла всю сообразительность, когда лишилась ступни во время прямой трансляции.

Доктор наморщил нос.

— Столько переживаний из-за такой глупости.

— Глупости?

Доктор Эрланд ухмыльнулся:

— Я пришел сюда по очень важной причине, а у нас нет в запасе целого дня.

— Верно, — проворчала Зола, засучила рукав и протянула руку к нему. — Кровь. Берите сколько нужно, мне она все равно не понадобится.

Доктор Эрланд похлопал ее по локтю.

— Это была хитрость. Я здесь не ради образцов крови. В Африке тоже есть лунатики, так что, если что, воспользуюсь их кровью.

Зола позволила руке упасть обратно на колени.

— В Африке?

— Да, я собираюсь в Африку.

— Когда?

— Через три минуты. Многое предстоит сделать, и трудновато будет завершать работу в тюремной камере, так что я решил отправиться туда, где были зафиксированы первые случаи летумозиса. В небольшой городок к востоку от пустыни Сахара. — Он резко провел пальцами по воздуху, словно показывая на невидимую карту: — Я надеюсь найти переносчиков и убедить их принять участие в моем исследовании.

Зола раскатала рукав.

— Так почему же вы здесь?

— Чтобы пригласить вас присоединиться ко мне там. Когда вам будет удобно, разумеется.

Зола нахмурилась.

— Спасибо, Док. Я сверюсь со своим ежедневником, чтобы посмотреть, когда у меня есть время.

— Я надеюсь на это, мисс Линь. Вот, у меня есть для вас подарок. Два подарка, на самом деле. — Доктор Эрланд полез в сумку и вытащил металлическую руку и металлическую стопу, ослепительно сверкающие в ярком свете. Брови Золы взлетели. — Произведение искусства, — сказал доктор Эрланд. — Полностью оборудованы. Покрытие — стопроцентый титан. И вот, смотрите! — Как ребенок с новой игрушкой, он возился с пальцами руки, показывая, где спрятаны нож-стилет, пистолет, отвертка и универсальный соединительный кабель. — Это кладезь всяких полезностей. Дротики с транквилизатором хранятся здесь. — Он открыл отделение на ладони, показывая десяток миниатюрных дротиков. — Как только ваши системы синхронизируются, вы сможете заряжать его усилием мысли.

— Это… фантастика. Теперь, когда я пойду на плаху, я смогу прихватить с собой на тот свет тех, кто окажется поблизости.

— Точно! — Он усмехнулся. Зола раздраженно нахмурилась, но доктор Эрланд был слишком поглощен разглядыванием протезов, чтобы заметить. — Их сделали специально для вас. Я использовал вашу голограмму, чтобы не ошибиться с размерами. Будь у меня больше времени, можно было бы сделать кожаное покрытие, но нельзя получить все сразу, верно?

Доктор протянул их ей, и она взяла, с трепетом любуясь мастерским исполнением.

— Не позволяйте охраннику их увидеть, иначе у меня действительно будут крупные неприятности, — сказал он.

— Спасибо. Я буду рада поносить их последние два дня моей жизни.

С хитрой ухмылкой доктор Эрланд обвел взглядом маленькую камеру.

— Забавно, не правда ли? Такой прогресс, такие технологии. Но даже самые сложные системы безопасности не предназначены для лунатиков-киборгов. Я думаю, нам повезло, что вас не так много бродит вокруг, а то бы мы прославились массовыми побегами из тюрьмы.

— Что? Вы с ума сошли? — Зола понизила голос до резкого шепота. — Вы считаете, я должна попытаться бежать?

— На самом деле, я немного не в себе в эти дни. — Доктор Эрланд поскреб щеку. — Ничего не могу поделать. Все это

биоэнергия, которая не находит ни выхода, ни применения… — Он причудливо вздохнул. — Но нет, мисс Линь, я не говорю, что вы должны попытаться бежать. Я говорю, что вы должны бежать. И должны сделать это в ближайшее время. Ваши шансы на выживание резко упадут, когда Левана придет за вами.

Зола прислонилась спиной к стене, чувствуя, как начинается головная боль.

— Послушайте, я ценю вашу заботу, правда. Но даже если я смогу отсюда выбраться, вы же понимаете, в какой ярости будет Левана? Вы сами говорили об ужасных последствиях, если она не получит того, что хочет. Я не стою того, чтобы из-за меня начинать войну.

Его глаза за стеклами очков оживились. На какое-то мгновение он казался помолодевшим, почти до головокружения.

— На самом деле, вы стоите.

Она подняла голову и, прищурившись, поглядела на него. В конце концов, может быть, он и правда сошел с ума.

— Я пытался сказать вам, когда вы были у меня в кабинете на прошлой неделе, но вам пришлось бежать к сестре — и, да, мне жаль, что так вышло с вашей сестрой.

Зола укусила щеку с внутренней стороны.

— В любом случае, вы знаете, я расшифровал вашу ДНК. И узнал не только то, что вы лунатик и не пустышка, но и кое-что о ваших предках. О вашей родословной.

Сердце Золы забилось быстрее.

— Моей семье?..

— Да.

— И? У меня кто-то есть? Мои родители, они… — Она колебалась. Глаза доктора погрустнели, видя ее оживление, и она спросила: — Они… мертвы?

Он снял шляпу.

— Мне очень жаль, Зола. Я должен был сказать об этом иначе. Да, ваша мать умерла. Я не знаю, ни кто ваш отец, ни жив ли он. Ваша мать была, так сказать… известна своей распущенностью.

Она почувствовала, что ее надежды сходят на нет.

— О…

— И у вас есть тетя.

— Тетя?

Доктор Эрланд сжал шляпу обеими руками:

— Да. Королева Левана.

Зола моргнула:

— Моя дорогая девочка. Вы — принцесса Селена.

Глава 38

Молчание заполнило белый стерильный воздух между Золой и доктором Эрландом, наполнило туманом голову Золы. Выражение замешательства не сходило с ее лица.

— Что?

Доктор протянул руку и положил ее на руку Золы:

— Вы — принцесса Селена.

Она отпрянула от него:

— Я не… что?..

— Я знаю. Это кажется невероятным.

— Нет, это кажется… невозможным. Зачем вы шутите такими вещами?

Он мягко улыбнулся и снова погладил ее рукой. И Зола поняла, что ее зрение было ясным. Ее не преследовал оранжевый свет.

Она задохнулась. Взгляд упал на провода, свисающие из лодыжки.

— Я знаю, потребуется время, чтобы привыкнуть к этому, — сказал доктор Эрланд, — и я хотел бы быть рядом, чтобы помочь вам через это пройти. И я это сделаю. Я расскажу вам все, что нужно знать, когда вы приедете в Африку. Но теперь вы понимаете, почему не можете позволить Леване схватить вас. Только вы можете ее свергнуть. Понимаете?

Она ошеломленно покачала головой.

— Принцесса…

— Не называйте меня так.

Доктор Эрланд заломил шляпу на коленях.

— Ладно. Мисс Линь, послушайте меня. Я искал вас в течение многих лет. На Луне я знал человека, который привез вас на Землю и сделал операцию. Я разыскал его в попытке найти вас, но он уже начал сходить с ума, и все, что я смог из него вытянуть, — что вы где-то здесь, в Содружестве. Я знал, что я искал киборга, подростка — и все же столько раз я думал, что сам сойду с ума прежде, чем отыщу вас. Прежде, чем смогу рассказать вам правду. А потом вы вдруг оказались в моей лаборатории. Чудо.

Зола подняла руку, прерывая его.

— Почему? Почему они сделали меня киборгом?

— Потому что ваше тело получило слишком сильные повреждения во время пожара, — сказал он, как будто ответ был очевиден, — ваши конечности невозможно было спасти. Удивительно, что вы вообще выжили, и то, что вам удавалось

скрываться все эти годы…

— Замолчите. Просто замолчите.

Зола сжала пальцы потрепанного протеза вокруг сверкающей новой руки, привезенной доктором. Глаза метались по камере, дыхание стало поверхностным. Она закрыла глаза, и волна головокружения нахлынула на нее.

Она…

Она…

— Проект, — прошептала она. — Вы создали проект, чтобы найти меня. По набору киборгов в Восточном Содружестве.

Доктор Эрланд смешался, а когда она осмелилась посмотреть на него еще раз, глаза у него были виноватые.

— Мы все должны чем-то жертвовать, но если Левану не остановить…

Зола выпустила новый протез из пальцев, зажала ладонями уши и уткнулась лицом в колени. Проект. Все эти киборги. И столько людей, убежденных, что это правильно. Что лучше уж киборги, чем люди. Научный проект — ну, конечно, научный проект.

А он просто хотел найти ее.

— Зола?..

— Меня сейчас стошнит.

— Я нашел вас. Мы можем начать все заново и на этот раз сделать все правильно.

— Как я могу сделать что-нибудь правильно? Левана собирается убить меня! — Задыхаясь, Зола подняла голову. — Подождите. Она знает?

Ее память ответила раньше: Левана наверху лестницы, испуганная, в ярости.

Она опять закрыла лицо.

— О, звезды мои. Она знает.

— Ваши чары уникальны. Такие же, как у королевы Ченнэри. Левана сразу узнала вас, хотя сомневаюсь, что кто-то еще догадался, а королева явно постарается скрывать это до тех пор, пока возможно. Конечно, она убьет вас, не теряя времени. Уверен, они планируют отъезд уже сейчас.

У Золы пересохло во рту.

— Посмотрите на меня, Зола.

Она послушалась. И хотя удивительно голубые глаза доктора были наполнены жалостью и даже утешением, она откуда-то знала, что он ничего не делает, чтобы манипулировать ее сознанием. Перед ней был просто старый человек, полный решимости свергнуть королеву Левану. Старый человек, каким-то образом возложивший все надежды на нее.

— Кай знает? — прошептала она.

Доктор Эрланд печально покачал головой.

— Я не могу подойти к нему, пока Левана здесь, а это не та информация, которую можно отправить в сообщении. Она заберет вас раньше, чем у меня появится шанс увидеться с ним. И потом, что он может сделать?

— Если бы он знал, он бы освободил меня.

— Рискуя обрушить гнев Леваны на всю страну? Левана отыщет способ убить вас раньше, чем появится надежда вернуть вам трон. Кай был бы глупцом, если бы попытался сделать что-то без тщательной подготовки, не имея плана.

— Но он заслуживает того, чтобы знать. Он искал ее. Он искал…

— Многие искали вас. Но найти вас и возвести вас на трон как королеву — две очень разные задачи. Я планировал этот момент очень долго. Я могу вам помочь.

Зола смотрела на него. Паника стеснила грудь.

— Меня? Как королеву?

Доктор откашлялся.

— Я понимаю, что прямо сейчас вам страшно, вы в смятении. Но не думайте, я не прошу сейчас слишком многого. Все, о чем я прошу, — бегите из тюрьмы. Я знаю, вы сможете. И тогда приезжайте в Африку. Я проведу вас через все остальное. Пожалуйста. Мы не можем дать Леване победить.

Она не могла ответить, не могла даже понять, о чем он просит. Принцесса? Наследница?

Она покачала головой:

— Нет. Я не могу. Я не могу быть королевой, или принцессой, или… Я — никто. Я — киборг!

Доктор Эрланд сложил руки вместе:

— Если вы не позволите мне помочь вам, Зола, то она уже выиграла, не так ли? Скоро королева Левана увезет вас. Она найдет способ выйти за Кая и стать императрицей. Она будет вести войну против Земного союза и, не сомневаюсь, победит. Многие погибнут, а остальные должны будут стать рабами, как и мы, лунатики. Это печальная участь, но она неизбежна, если вы не захотите принять правду и признать, кто вы на самом деле.

— Это несправедливо! Вы не можете просто скинуть все это на меня и ожидать, что я смогу что-то сделать!

— Я этого и не ожидаю, мисс Линь. Все, чего я ожидаю от вас, — бегите из тюрьмы и найдите меня в Африке.

Она смотрела на него, разинув рот, пока слова постепенно проникали в мозг.

Побег из тюрьмы.

Африка.

Это казалось почти легко, когда он произнес это.

Доктор, наверное, увидел, как что-то изменилось в ее лице. Слегка похлопав ее по запястью, он со стоном встал, что-то причитая о своих старых суставах.

— Я верю в вас, — с этими словами он подошел к двери и постучал по решетке. — И знает он об этом прямо сейчас или нет, но Кай тоже верит.

Дверь камеры открылась, доктор Эрланд приподнял шляпу, прощаясь, и исчез.

Зола подождала, пока шаги двух пар ног не стихнут в коридоре, прежде чем вздрогнуть, уронить голову в колени и заложить руки за уши. Мозг загружал информацию быстрее, чем она могла ее систематизировать: старые статьи об исчезновении принцессы, интервью с теорией заговора, изображения выжженных руин детской, где нашли обгоревшие кусочки ее плоти. Даты. Статистика. Стенограмма коронации Леваны, когда корона перешла к ней, следующей в очереди на трон.

День рождения принцессы Селены. 21 декабря 109 т.э. Значит, она почти на месяц младше, чем всегда считала. Это был мелкий факт, незначительный сам по себе, но в то же время у нее создавалось впечатление, что у нее больше нет никакого представления о том, кем же она была на самом деле.

Ни представления о том, кем должна быть.

И еще набор киборгов. Имена всех тех, кто отправился на опыты, мелькали перед ней. Их изображения, идентификационные номера, даты рождения, даты, когда было объявлено об их смерти, — жертвы во благо Содружества.

Она услышала, как в голове у нее тикают часы.

Дыхание сбилось, когда информация затопила мозг. Паника перекручивала внутренности. Она услышала тиканье часов у себя в голове. Желчь наполнила рот, обжигая, и Зола сглотнула.

Королева Левана придет за ней, и все будет кончено. Это ее судьба. Ее приговор. К этому она готова. Но не к тому, чтобы стать наследницей. Спасителем и героем.

Так просто позволить этому произойти. Так просто не сопротивляться.

Среди сумбура в голове, звона и мешанины из фактов, мысли снова возвратились к тому тихому мгновению.

Беззаботная улыбка Кая на рынке.

Свернувшись клубком, Зола отключилась от сети.

Шум исчез. Видеоряд потемнел до черноты.

Если она не попытается остановить Левану, что станет с Каем?

Хотя она пыталась отогнать этот вопрос, он продолжал досаждать ей, снова и снова приходя на ум.

Может быть, доктор Эрланд прав. Может быть, она должна бежать. Может быть, она должна попытаться.

Она почувствовала тяжесть протезов на коленях и обвила их руками. Подняв голову, посмотрела на решетку в двери тюрьмы. Охрана никогда ее не закрывала.

Покалывание прошло по спине. Странное новое электричество гудело под кожей, говоря ей, что теперь она не только киборг. Она лунатик. Она может заставить людей видеть то, чего нет. Почувствовать то, чего они чувствовать не должны. Сделать то, чего они не хотят делать.

Она могла быть кем угодно. Стать кем угодно.

Эта мысль вызывала страх и отвращение, но решимость вернула спокойствие. Когда охранник вернется, она будет готова.

Когда руки перестали дрожать, она вынула стилет из нового, покрытого титаном, пальца и вонзила лезвие в запястье. Рана на том месте, где она недавно пыталась вырезать чип, чтобы ее не могли выследить, еще была свежа. Но на этот раз Зола не колебалась.

Вскоре весь мир будет искать ее, Линь Золу.

Искалеченного киборга с отсутствующей ногой.

Лунатика с украденной личностью.

Механика, которому некуда идти.

Но они будут искать призраков.

Благодарности

Мне посчастливилось быть окруженной множеством прекрасных людей, чья поддержка помогла мне осуществить безумную идею на страницах книги, которую вы держите сейчас в руках.

Я выражаю глубочайшую признательность своему агенту Джил Гринберг. Невозможно выразить, какая честь для меня, что мой представитель — такая рок-звезда. Я также благодарна остальным членам команды агентства, Шерил Пиентке и Кэтилин Детвайлер, за их труд, самоотверженность и энтузиазм.

Я безгранично благодарна моему редактору, Лиз Шабле, издателю Жану Файвэлу, и всем сотрудникам *Feiwel and Friends*. Их заинтересованность в книге была действительно потрясающей. Я не могла бы желать лучшей группы помощников.

Спасибо моим онлайн-друзьям, блоггерам и членам фандома Сэйлор Мун, вдохновлявшим меня на каждом шагу этого пути. Отдельно хочется поблагодарить моих первых читателей за предложения, критику, честность и поддержку — и за то, что порой они становились моей маленькой, но самой настоящей фан-группой — Уитни Фолконер, Тамару Фелсингер, Дженнифер Джонсон, Ребекку Кихару и Меган Стоун-Бюргесс. Кроме того, я бы хотела поблагодарить группу критиков за помощь в таком важном деле, как окончательная редакция первой главы, в том числе Наоми Бойд, Доминик Саманту Дулай, Елену Радосавлевич и Стива Тару.

Я хочу сказать отдельное огромное спасибо Джине Аранер и Дженнифер С. де Мелло, доктору наук, за помощь с вопросами по генетике, мутациях и биоэнергии, а также за обогащение моего лексикона множеством интересных слов. Также я чрезвычайно благодарна Полу Манфреди, доктору наук, за помощь с китайскими гонорифическими суффиксами.

И, конечно, все это было бы невозможно без постоянной поддержки моих близких друзей и семьи. Мама и папа, спасибо, что читали мне книги, когда я была маленькой, что позволяли проводить летние каникулы за компьютером и писать глупые истории в то время, когда, вероятно, я должна была полоть сорняки. Старший брат Джефф, спасибо за здоровую одержимость *Звездными войнами*. Венди, спасибо за то, что принимаешь во внимание мои ироничные комментарии, даже когда больше никто этого не делает. Кузина Люси, спасибо за то, что остаешься моим другом-книголюбом — и за вино. Дядя Боб, спасибо, что возил меня — и полный *Фольксваген-жук* девочек-подростков — на

аниме-съезды и привил мне глубокое уважение к косплею. Лучшие друзья Лейлани Адамс и Анджела Ен, спасибо за посиделки с кофе и сплетнями — я имею в виду наши рабочие свидания.

Наконец, спасибо моему жениху, Джессу, который уже будет моим мужем, когда прочтет это, — за кофе в постель каждое утро и за то, что отправлял меня обратно в офис, когда я не выдавала дневную норму слов, и, самое главное, за веру в меня. Я думаю, теперь ты можешь это прочитать.